Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Выпуск
18

Всероссийский музей А. С. Пушкина

Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени

Г. Р. Державин и его время

Сборник научных статей

Выпуск 18

Санкт-Петербург
2025

УДК 082.2
ББК 83.3 (2Рос=Рус)
Д36

Редакционная коллегия:
С. М. Некрасов, Н. П. Морозова (ответственный редактор)
Рецензент
д-р филологических наук *С. А. Салова*

Г. Р. Державин и его время : сборник научных статей. Вып. 18 /
Д36 под ред. Н. П. Морозовой. — Санкт-Петербург : Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2025. — 124 с. ; ил.
ISBN 978-5-6052357-3-6

Восемнадцатый выпуск сборника «Г. Р. Державин и его время» открывают статьи об иконографии Г. Р. Державина: портретах работы В. Л. Боровиковского и прижизненных гравированных изображениях поэта. Необычайно интересен «архитектурный» комментарий к стихотворению Державина «На случай разломки московского Кремля». Публикуется неизвестное письмо Державина директору Московского университета И. П. Тургеневу. Полезную информацию о категории цвета в поэзии Державина содержит подборка цитат, составленная на основе статистического метода. Сборник знакомит с разнообразными объектами, названными в честь Державина. Интересен сюжет о посвящении супруге поэта Д. А. Державиной книги «Смерть Марии Стуарт [Стюарт]» (СПб., 1803). Предки поэта издавна владели землями в Лаишевском районе Республики Татарстан, что подтверждают недавно обнаруженные документы. В честь 75-летия со дня рождения выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова публикуется фрагмент книги С. М. Некрасова «Апостол добра», описывающий праздник в имении Авдотьино.

Книга адресована специалистам и широкому кругу читателей.

УДК 082.2
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

В оформлении обложки использованы
портрет Г. Р. Державина работы А. А. Васильевского (*1815*)
и гравюра М.-Ф. Дамам-Демартре
«Вид Петербурга с восточной стороны» (*1813*)

© Коллектив авторов, 2025
© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2025

ISBN 978-5-6052357-3-6

Содержание

От редколлегии 5

Кочнева Е. В. Портреты Г. Р. Державина кисти В. Л. Боровиковского: к истории создания и бытования . . . 7

Морозова Н. П. Прижизненные гравированные портреты Г. Р. Державина 17

Золотницкая З. В. Архитектурная история стихотворения Г. Р. Державина «На случай разломки московского Кремля» 31

Хохлова Н. А. Неизвестное письмо Г. Р. Державина И. П. Тургеневу (к истории стихотворения Державина «Гимн Кротости»). . . 38

Трофимова В. С. О книге «Смерть Марии Стюарт» с посвящением составителя Е. Филиповского Д. А. Державиной 54

Гусарова К. М. Цветовые и световые обозначения в лирике Г. Р. Державина 1778–1816 годов 65

Дульцева Ю. В. Названы именем Державина 89

Тумаков А. Д. История поместного владения в селе Державино Лаишевского района Республики Татарстан. 95

Некрасов С. М. Апостол добра (фрагмент). 110

Указатель имен 115

Список сокращений 122

От редколлегии

Очередной выпуск сборника «Г. Р. Державин и его время» открывают статьи, связанные с изучением иконографии Г. Р. Державина. Новые сведения об истории создания и бытования написанного В. Л. Боровиковским портрета, на котором Державин изображен в сенаторском мундире, содержатся в статье главного хранителя Литературного музея ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН Е. В. Кочневой. Рассказу о прижизненных гравированных портретах Державина в соотнесенности с его биографией посвящена статья Н. П. Морозовой.

Необычайно интересен «архитектурный» комментарий к стихотворению Державина «На случай разломки московского Кремля...», сделанный заведующей Отделом хранения трехмерных объектов Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева З. В. Золотницкой.

Научный сотрудник ИРЛИ РАН Н. А. Хохлова публикует неизвестное письмо Державина директору Московского университета И. П. Тургеневу. Оно содержит новые факты из истории бытования стихотворения «Гимн Кротости», детально проанализированного автором статьи. Безусловно полезной исследователям категорий цвета в поэзии Державина будет подборка цитат, составленная К. М. Гусаровой на основе статистического метода. «Державинской» топонимике, сохранению памяти о поэте посвящена статья Ю. В. Дульцевой.

В 1803 году вышла из печати книга «Смерть Марии Стуарт [Стюарт]» — альбом гравюр и жизнеописание шотландской королевы с посвящением составителя Е. Филиповского Д. А. Державиной. Это событие стало сюжетом статьи В. С. Трофимовой.

Предки поэта издавна владели землями в Лаишевском районе Республики Татарстан, что подтверждают документы, обнаруженные казанским историком А. Д. Тумаковым.

В честь 75-летия со дня рождения выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова публикуется фрагмент книги С. М. Некрасова «Апостол добра», описывающий праздник в имении Авдотьино.

Произведения Г. Р. Державина цитируются в статьях сборника по академическому изданию: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883, с указанием тома и страницы.

Е. В. Кочнева

Портреты Г. Р. Державина кисти В. Л. Боровиковского: к истории создания и бытования

Портреты кисти В. Л. Боровиковского (1757–1825) занимают особое место в иконографии Г. Р. Державина. Как известно, в начале 1790-х годов художник сближается с членами львовско-державинского кружка и с этого времени периодически портретирует как их самих, так и членов их семей. Анализируя портреты Державина, хранящиеся в российских музеях, можно констатировать, что художник портретировал Гавриила Романовича не менее шести раз. Все портреты Державина кисти Боровиковского делятся на две группы: созданные в начале и середине 1790-х годов и условно обозначенные как «тип портрета 1811 года».

Следует отметить, что портреты Державина, относящиеся к раннему периоду творчества Боровиковского, отличаются бóльшим композиционным и колористическим разнообразием и, как правило, малым форматом, тяготея скорее к жанру миниатюры.

К самым ранним изображениям первого типа относится портрет Державина в мундире чиновника Санкт-Петербургской губернии из коллекции Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» в Архангельске, датируемый 90-ми годами XVIII века[1].

Следующими по времени создания будут два изображения из собрания Третьяковской галереи: портрет-тондо с орденом св. Владимира 3-й степени, датируемый 1793–1795 годами[2],

а также выполненный в 1795 году миниатюрный портрет с рукописью оды «Бог» — программного произведения, которым поэт хотел подчеркнуть значение своего поэтического творчества для отечественной словесности[3]. Как отмечает искусствовед Л. А. Маркина: «В отличие от друзей-литераторов портретист представил его (Державина. — *Е. К.*) в кабинете, в... мундире, при орденах (поэт изображен со звездой и крестом ордена св. Владимира 2-й степени. — *Е. К.*). По целому ряду деталей можно составить представление о многообразии государственных обязанностей Державина, который был президентом Коммерц-коллегии, губернатором (наместником. — *Е. К.*) Олонецкой и Тамбовской губерний. Поэт изображен на фоне книжных полок за столом, заваленным рукописями. Среди них — ода «Бог», произведение, снискавшее поэту славу у современников и переведенное на все европейские языки»[4].

В следующий раз Боровиковский портретирует Державина через шестнадцать лет, в 1811 году, когда и поэт, и художник добиваются общественного признания и всероссийской славы: «С середины 1790-х годов Боровиковский-портретист входит в моду. <...> Портреты кисти Владимира Лукича нравятся не только умением передать сходство модели, тонкостью колорита, но и тем, что они отражают новые течения в искусстве»[5].

В 1811 году Боровиковский создает три портрета Державина: во-первых, миниатюрный портрет (ил. 1), изображающий Гавриила Романовича в рабочем кабинете дома на Фонтанке, интерьер которого узнается по полуциркульному окну слева на заднем плане[6]. Поэт изображен сидящим в кресле за письменным столом с гусиным пером в правой руке, перед ним — раскрытая тетрадь с поэтическими трудами. Вероятно, по просьбе самого Державина, отличавшегося, по едкому замечанию князя П. А. Вяземского, «чинолюбием и крестолюбием»[7], Боровиковский написал его в парадном сенаторском мундире со всеми орденами, полученными в течение жизни. Миниатюра хранилась в семье Львовых, принадлежала сыну Н. А. Львова Александру Николаевичу (1809–1849) и его потомкам. В 1905 году экспонировалась на Историко-художественной выставке русских портретов в Тав-

Ил. 1. Фотография с миниатюрного портрета Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского 1811 г. 1905. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Ил. 2. В. Л. Боровиковский (1757–1825). Портрет Г. Р. Державина. 1811. Холст, масло. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Ил. 3. Неизвестный художник (В. Л. Боровиковский). Портрет Г. Р. Державина. 1811. Холст, масло. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Ил. 4. Надпись на оборотной стороне холста

Ил. 5. Попов с оригинала В. Л. Боровиковского (1757–1825) около 1799 г. Портрет Иринея (Клементьевского), архиепископа Псковского, Лифляндского и Курлядского. 1804. Холст, масло. Литературный музей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Санкт-Петербург

Ил. 6. С. С. Щукин (1762–1828). Портрет графа Д. И. Хвостова. 1808–1809. Холст, масло. Литературный музей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Санкт-Петербург

рическом дворце, куда поступила от сына Александра Николаевича, также Николая Александровича Львова (1834–1887). В настоящее время местонахождение этого портрета неизвестно. К счастью, в 1905 году он был отснят для готовящегося каталога Таврической выставки[8].

Наряду с миниатюрой на Таврической выставке экспонировался и живописный портрет Державина в сенаторском мундире (ил. 2), также происходивший из семьи Львовых, но впоследствии подаренный внуком архитектора, Н. А. Львовым, президенту Императорской академии наук великому князю Константину Константиновичу, из собрания которого портрет поступил на Таврическую выставку[9]. В 1925 году в составе архива великого князя поступил из Мраморного дворца в Пушкинский Дом, а в 1953 году в составе пушкинской коллекции был передан на постоянное хранение во Всесоюзный (Всероссийский) музей А. С. Пушкина, где находится до сих пор. При поступлении в Пушкинский Дом в инвентаре было отмечено, что на обороте портрета наклеена этикетка Таврической выставки.

Причину создания в 1811 году портрета Державина впервые озвучил С. М. Некрасов в статье «Портрет Г. Р. Державина. Почему 1811 год?»[10]. По мнению исследователя, Державин заказал Боровиковскому парадный портрет в связи с учреждением в 1811 году литературного общества «Беседа любителей русского слова», чему он придавал большое значение и предоставил для работы «Беседы» зал своего особняка, и «даже выделил три с половиной тысячи рублей для приобретения книг. Вероятно, к этому событию и было приурочено создание парадного портрета хозяина дома...»[11]. Скорее всего, в подобном виде — в парадном мундире и при орденах — Державин появлялся и на заседаниях Российской Академии, членом которой он был с ее основания в 1783 году[12]. Как известно, Державин принимал активное участие в работе над созданием первого толкового словаря и грамматики русского языка и не пропускал академические заседания, когда находился в Петербурге.

В фондах Всероссийского музея А. С. Пушкина хранится и второй портрет Г. Р. Державина кисти Боровиковского этого

типа (ил. 3), также поступивший в 1953 году из собрания Пушкинского Дома[13]. Но, в отличие от первого, он происходит из портретной галереи Российской Академии.

В протоколе заседания Академии, датированном 27 января 1812 года, зафиксирована не только точная дата, но и обстоятельства поступления портрета: «Сообщенный в Академию Гавриилом Романовичем Державиным живописный его портрет при письме к Г<осподину> Президенту Его Высокопревосходительству Андрею Андреевичу Нартову от 24 числа сего Генваря, собранием принят с благодарностью и определено: поставить его в Зале Академической вместе с прочими портретами Г<оспод> Членов Академии»[14]. К протоколу приложен оригинал письма Державина второму президенту Российской Академии А. А. Нартову, зачитанного академическому собранию: «Милостивый государь мой, Андрей Андреевич! По желанию вашего высокопревосходительства, имею честь препроводить к вам портрет мой на благоугодное ваше распоряжение. Пребываю в прочем с истинным моим почтением и таковою же преданностью вашего высокопревосходительства Милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин. Генваря 24 дня 1812 года»[15].

На обороте портрета сохранилась надпись, подтверждающая авторство и указывающая точную дату создания портрета: «Писанъ на 68 году отъ рожденіія. / въ 1811 году / Г-номъ Боровиковскимъ» (ил. 4).

Немного об истории академической портретной галереи: инициатором ее создания стал второй президент Российской Академии А. А. Нартов. Первые портреты попали в коллекцию благодаря его личной инициативе[16].

К 1841 году портретная галерея Российской Академии включала в себя свыше сорока живописных и скульптурных портретов представителей отечественной словесности рубежа XVIII–XIX веков, выполненных такими известными мастерами, как С. С. Щукин, И. Б. Лампи Старший, О. А. Кипренский, В. А. Тропинин, А. Г. Венецианов и другими. В 1842 году после закрытия Российской Академии ее портретная галерея была передана в ведение Министерства народного просвещения,

а в 1862-м по распоряжения министра просвещения А. В. Головнина присоединена к собранию портретов Императорской академии наук. В 1923 году значительная часть портретной галереи Российской Академии поступила в музей Пушкинского Дома по инициативе его создателя и старшего ученого хранителя Б. Л. Модзалевского.

Академический портрет Державина долгое время считался вторичным по отношению к портрету из собрания Львовых. Сведения о нем впервые приводит в 1889 году Д. А. Ровинский в четвертом томе «Подробного словаря русских гравированных портретов». Портрет Державина фигурирует под № 42 со следующим описанием: «Гавр<иил> Роман<ович> Державин. Портрет поясной. Писан в 1811 г. Боровиковским»[17]. Список академических портретов для Ровинского был подготовлен архивариусом Академии наук, художником В. П. Шемиотом (1832–1903). Судя по всему, Шемиот прекрасно знал о надписи на обороте портрета и авторство у него сомнения не вызывало.

Сомнения появляются позже, в процессе подготовки Исторической выставки русских портретов 1905 года в Таврическом дворце, для которой Академия наук предоставила более десяти изображений из своего собрания. В начале 1905 года Б. Л. Модзалевский опубликовал в «Известиях Императорской академии наук» «Список портретов и бюстов, находящихся в Императорской академии наук», среди которых под № 21 упомянул и интересующий нас портрет: «Державин, Гавриил Романович (масл<яный>, писан на 68 г. от рожд<ения> Боровиковским, копия)»[18].

Модзалевский, в то время младший письмоводитель Академии наук, несомненно, знал о существовании второго портрета Державина в собрании президента ИАН великого князя Константина Константиновича. Знали о существовании двух портретов и кураторы Таврической выставки С. П. Дягилев и барон Н. Н. Врангель. Свидетельством этому является помета, оставленная составителем каталога выставки Врангелем напротив описания портрета Державина из собрания великого князя Константина Константиновича. На полях принадлежавшего ему

экземпляра, сейчас хранящегося в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН, значится: «Копия с него нах<одится> в Академии Наук»[19]. Вероятно, именно организаторы Таврической выставки предпочли портрет из собрания великого князя академическому, придав первому статус «оригинала», а второму — статус «копии».

Необходимо отметить, что, называя академический портрет копией, Модзалевский и Врангель, вероятно, не сомневались в том, что его автором являлся Боровиковский, они лишь считали его вторичным по отношению к портрету из семьи Львовых, а термина «авторское повторение», которым в настоящее время принято определять авторскую копию, на тот момент еще не существовало.

Выскажем субъективное мнение, что между двумя портретами Державина при внешнем сходстве есть тонкое различие в психологической характеристике, почти неуловимое, если не знать подтекст и историю их создания. На наш взгляд, они различаются по эмоциональному состоянию изображенного лица: академический — теплый и лиричный, «львовский» — более сухой и официальный.

Что касается истории бытования «львовского» портрета: точное время его написания неизвестно. Вероятно, это произошло в 1811 году, но представляется, что академический портрет был первым по времени создания, поскольку именно на его обороте находится надпись, несомненно, сделанная по распоряжению Державина: «Писанъ на 68 году отъ рожденiя. / въ 1811 году / Г-номъ Боровиковскимъ», благодаря которой мы узнаем не только об авторстве и датировке портрета, но и о возрасте изображенного. Композиция портрета также была сочинена художником при непосредственном участии Державина: именно в таком виде — в красном сенаторском мундире на нейтральном темном фоне — он хотел запечатлеть себя для портретной галереи «знаменитых особ» «трудами своими в пользу Российского языка отличившихся».

На тот момент большинство портретов в Российской академии были копиями с гравюр или известных оригиналов. Пред-

ставляется, что для Державина было важно, чтобы в зале академических собраний находился оригинал, созданный кистью одного из лучших современных русских портретистов.

Удивительно то, что Державин, который поддерживал идею создания портретной галереи Академии, долгое время медлил с передачей туда своего портрета. Учреждение «Беседы любителей русского слова», несомненно, послужило импульсом для его создания.

Эффектное колористическое решение портрета также было выбрано художником и Державиным не случайно: к тому времени в портретной галерее Академии находились два похожих по композиции и колориту изображения — портреты архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского Иринея, в миру Ивана Андреевича Клементьевского (ил. 5), копия живописца Попова (1804) с оригинала Боровиковского, созданного около 1799 года[20], и поэта-графомана графа Д. И. Хвостова (ил. 6) кисти С. С. Щукина (1809)[21].

Бросается в глаза явное композиционное сходство портретов Хвостова и Державина, различающееся лишь в развороте корпуса изображенных: ¾ вправо в первом случае и ¾ влево — во втором. Можно предположить, что композиция портрета Хвостова, изображенного в красном сенаторском мундире с лентой и орденом св. Анны 1-й степени, произвела сильное впечатление на Державина и послужила причиной заказа живописного аналога[22].

Портрет Г. Р. Державина 1811 года по праву считается одним из выдающихся произведений Боровиковского последнего периода его творчества. По словам искусствоведа Ю. Ю. Гудыменко, «при первом же взгляде на изображенного между ним и зрителем устанавливается теснейшая связь и незримый диалог. Голова представлена строго анфас, а торс лишь слегка развернут на три четверти влево. Облик Державина передан максимально правдиво; его умное и насмешливое лицо бесконечно привлекательно; от взгляда, направленного прямо на зрителя, сложно оторваться. Выпуклая и отчетливая характеристика умудренного жизнью царедворца и известного русского поэта

делает это произведение прообразом портретов-типов второй половины XIX века. Экспрессия характера передается, несмотря на отсутствие какого-либо движения, прежде всего благодаря осязательности форм и мажорно звучащим оттенкам красного в мундире и лентах»[23].

Художественная значимость портрета Г. Р. Державина 1811 года была высоко оценена его современниками, свидетельством чего является авторское повторение оригинала и миниатюрный портрет, выполненные В. Л. Боровиковским по просьбе родственников и ближайших друзей поэта.

Примечания

1 АОМИИ КП 3838, ГК № 11542820. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11587666.

2 Государственная Третьяковская галерея. Портретная миниатюра XVIII — начала XIX века. Каталог собрания. М., 1997. С. 35, кат. 40.

3 ГТГ КП уч. оп. 10198, ГК № 4578827. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4585907.

4 *Маркина Л. А.* В. Л. Боровиковский. Очерк жизни и творчества / «Красоту ее Боровиковский спас». Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825). К 250-летию со дня рождения художника. М., 2008. С. 11.

5 Там же.

6 Каталог состоящей под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов: в 8 кн. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. Вып. 7. С. 48, кат. 1978 с.

7 Цит. по: А. С. Пушкин и его современники в портретах. Музей Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 366.

8 Выражаю искреннюю признательность за предоставление информации о миниатюре и ее изображения заведующей фотоархивом ГТГ Н. В. Окуренковой, много лет занимающейся переизданием каталога Таврической выставки.

9 Каталог состоящей под высочайшим... историко-художественной выставки русских портретов... в Таврическом дворце... Вып. 1. С. 27, кат. 156. Сейчас портрет в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина (ВМП КП 12826, ГК № 2273977. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1598510).

10 *Некрасов С. М.* Портрет Г. Р. Державина. Почему 1811 год? / «Беседа любителей русского слова»: 200 лет. СПб., 2013. С. 4–6.

11 Там же. С. 4.

12 *Некрасов С. М.* Портрет Г. Р. Державина... С. 5.

13 ВПМ КП 13148, ГК № 2274060. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1601315. О портрете Державина из собрания Российской академии см. также: *Старкова Т. Ю.* Два портрета Г. Р. Державина из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина // Державинские чтения: Сб. науч. докладов. Вып. I. СПб., 1997. С. 170.

14 СПбФ АРАН. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 17, л. 12–12 об. Опубл.: Сочинения Державина. Т. 6. С. 226–227.

15 Цит. по: *Кочнева Е. В.* Портретная галерея Российской Академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН (по материалам выставки, посвященной 225-летию учреждения Российской Академии) // Материалы международной научной конференции «Российская Академия (1783–1841). Язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX вв.». СПб., 2009. С. 198.

16 *Кочнева Е. В.* Портретная галерея Российской Академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН... С. 184.

17 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: в 4 т. СПб., 1886–1889. Т. 4. 1889. Стб. 257–258.

18 *Модзалевский Б. Л.* Список портретов и бюстов, находящихся в Императорской академии наук // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. 22. СПб., 1905. С. 7.

19 Каталог состоящей под высочайшим... историко-художественной выставки русских портретов... в Таврическом дворце... Вып. 1. С. 27, кат. 156. Экземпляр с рукописными добавлениями Н. Н. Врангеля см.: ИРЛИ ПД И-49065. ГК № 53216043. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53470328.

20 Оригинал портрета В. Л. Боровиковского хранится в ГРМ, копия Попова — в Литературном музее ИРЛИ РАН (ИРЛИ ПД И-2847, ГК № 49677815. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49918245).

21 ИРЛИ ПД И-2814. ГК № 6346829.URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6596807.

[22] Передача в дар Академии своего портрета кисти С. С. Щукина была обставлена Д. И. Хвостовым с особой торжественностью, как следует из протокола заседания от 22 мая 1809 г.: «Его сиятельство граф Дмитрий Иванович Хвостов сообщил для зала академического собрания живописный свой портрет и во время собрания читал сочиненные им стихи к живописцу, оный портрет писавшему». Стихотворное посвящение Д. И. Хвостова С. С. Щукину известно под названием «Живописцу моему»: *Кочнева Е. В.* Портретная галерея Российской Академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН... С. 196–197.

[23] *Гудыменко Ю. Ю.* Традиции и новаторство в портретной живописи России 1800–1820-х годов. СПб., 2023. С. 64.

Н. П. Морозова

Прижизненные гравированные портреты Г. Р. Державина

Живописные портреты Гавриила Романовича Державина (1743–1816) создавали лучшие художники его времени: В. Л. Боровиковский, В. А. Тропинин, С. Тончи. Но широкий круг читателей получал представление о внешности своего кумира благодаря многочисленным гравированным и литографированным портретам. Особенно интересны в разных отношениях прижизненные гравированные портреты Державина. Их рассмотрению в соотнесенности с биографией поэта посвящена эта статья.

Первый гравированный портрет Державина (ил. 7) был выполнен в Лейпциге известным живописцем и гравером, академиком Х. Г. Гейзером по несохранившемуся рисунку В. Л. Боровиковского. Гравюра предназначалась для книги «Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin. Aus dem Rissischen ubersetzt von A. v. Kotzebue» (Leipzig, 1793) — сборника из одиннадцати стихотворений Державина, переведенных на немецкий язык драматургом и журналистом Августом фон Коцебу (1761–1819)[2].

Поэт, который в это время занимал пост статс-секретаря императрицы Екатерины II, изображен в мундире с орденом св. Владимира 3-й степени, полученным 22 сентября 1787 года. С небольшого портрета в овале, под которым подписи: «Borovicofski del. / Geyser sc.», на нас с чувством собственного достоинства смотрит энергичный «государственный муж». Емкую его характеристику содержит подпись, напечатанная крупным курсивом: «Gawril Derschawin / Itaatsmann, Dichter, Mensch» («Гавриил Державин / Гражданин, Поэт, Человек»).

Книга была своего рода грамотным дипломатическим «подарком» Державину и всей императорской фамилии. Сборник открывался стихотворным посвящением принцессам Баденским, которые прибыли вместе с матерью в Петербург 31 октября 1792 года. Для такого посвящения требовалось разрешение его адресатов, либо императрицы. Старшая из принцесс — Луиза Мария Августа — станет невестой великого князя Александра, будущей императрицей Елизаветой Алексеевной. Помимо оды «Бог» и адресованных Екатерине II стихотворений «Фелица», «Изображение Фелицы», «Благодарность Фелице», «Видение Мурзы», «На взятие Измаила» в книгу вошли ода «К Каллиопе», которой Державин приветствовал приезд будущей императрицы, и ода «На рождение в Севере порфирородного отрока», посвященная Александру. Два последних стихотворения были напечатаны тогда же отдельными изданиями на русском языке в связи с предстоящими свадебными торжествами. Завершался сборник одой «К первому соседу».

Все стихотворения, кроме «Изображения Фелицы», переведены «без рифмования, и ни одна мысль поэта не потерялась», — писал А. Коцебу в небольшом предисловии, в конце которого стояла помета: «Написано в Ревеле. Февраль 1793 г.»[3]. Относительно цели издания говорилось, что она состоит в желании познакомить немецкого читателя с успехами русской литературы, а Державин сравнивался с Клопштоком. Тогда же в журнале К. Ф. Николаи «Всеобщая немецкая библиотека» появилась скептическая рецензия анонимного автора на эту книгу[4]. Вероятно, тираж был достаточно большим, поскольку сегодня сборник хранится во многих университетских библиотеках Германии.

В России же, вероятно, первыми немецкими читателями книги, ставшей для них своеобразной «визитной карточкой» Державина, были баденские принцессы, еще не вполне овладевшие русским языком. Сборник давал возможность не только познакомиться с творчеством поэта, но благодаря портрету безошибочно узнавать автора в кругу придворных.

Благодарный Державин в 1790-е годы неоднократно пытался помочь А. Коцебу с определением на службу, но все попытки оказались напрасны[5].

К осени 1793 года Державин потерял расположение императрицы, которую утомлял своей горячностью и «правдой», и 2 сентября получил отставку с поста статс-секретаря. Взамен он был «пожалован в тайные советники», назначен сенатором в непрестижный Межевой департамент и награжден орденом св. Владимира 2-й степени. Поэт, мягко говоря, остался недоволен. Вот как он рассказывает об этом в своих «Записках»:

> 8-го сентября, в день торжества мира с турками, хотя Державин провозглашал с трона публично награждения отличившимся в сию войну чиновникам несколькими тысячами душами; но ему за все труды при разобрании помянутых важных и интересных дел ниже одной души и ни полушки денег в награждение не дано, а пожалован он в сенаторы в межевой департамент, и между прочими, тучею так сказать брошенный на достойных и недостойных, надет и на него крест св. Владимира 2-й степени[6].

Все эти события и эмоции нашли отражение во втором гравированном при жизни Державина портрете (ил. 8)[7]. Рисунок для него выполнил французский художник Фердинанд де Мейс, а гравюру резцом и пунктиром — немецкий гравер Фридрих Дюрфельдт. Внизу листа подписи: «Dessiné par Ferd: de Meys. / Gravé par Fr. Durfeldten». Оба в это время работали в Петербурге.

Державин изображен с орденом св. Владимира 2-й степени, которым был награжден 2 сентября 1793 года. По-видимому, вскоре и был заказан гравированный портрет. Поэт исполнен чувства собственного достоинства, готов и дальше бороться за правду. Изображение, помещенное в овальную «каменную» раму на внушительном постаменте, сопровождают красноречивые стихи Ивана Ивановича Дмитриева:

> Державин в сих чертах блистает;
> потребно ли здесь больше слов
> для тех, которых восхищает
> честь, правда и язык богов.

При датировке этого стихотворения обычно ориентируются на его публикацию в «Сочинениях и переводах» Дмитриева, изданных в Петербурге в 1803 году (Ч. 2. С. 117). Гравюра позволяет уточнить время создания надписи.

Возможно, с описанными выше переменами в судьбе Державина связано еще одно его изображение с орденом св. Владимира 2-й степени и книгой в правой руке (ил. 9). На этом портрете мы прежде всего видим поэта. Гравюра сохранилась в единственном пробном оттиске, который происходит из собрания Г. Н. Геннади и в настоящее время хранится в Российской государственной библиотеке[8]. Отпечаток сделан на бумаге с белой датой: 1791. Портрет в скромной раме, карандашом прорисованы предполагаемые предметы интерьера и сделана ретушь на сюртуке.

В январе 1794 года Державин получает должность президента Коммерц-коллегии. Это значительно повышает его служебный статус. В новом качестве он изображен на живописной миниатюре В. Л. Боровиковского, которая находится в Государственной Третьяковской галерее[9].

Следующие три гравированных портрета (ил. 10–12) появились в эпоху Павла I. Они были созданы во второй половине 1800-го — первой половине 1801 года, после награждения поэта 14 июля 1800 года Мальтийским командорским крестом с алмазами и короной и до награждения 15 сентября 1801 года орденом св. Александра Невского, уже в эпоху Александра I.

Император Павел I стал великим магистром Мальтийского ордена 16 декабря 1798 года. По этому поводу Державин написал оду «На Мальтийский орден», за которую получил табакерку с бриллиантами. Мальтийским командорским крестом он был награжден за «скорое и основательное исполнение императорских повелений» во время второй Шкловской командировки, в которую был отправлен 16 июня 1800 года «для производства следствия о причинах недостачи хлеба». Вскоре после получения награды были заказаны мальтийский красный вицмундир (позднее, при Александре I, еще один — темно-зеленый) и мальтийский парадный мундир алого сукна, украшенный золотыми шнурами, эполетами, и к нему алая бархатная шляпа. Это отражено в сохра-

нившихся описях гардероба[10]. Но на гравюрах павловского времени поэт изображен в более скромном виде.

Первая из них выполнена Иваном Розоновым, о чем говорит подпись под портретом. Талантливого гравера-самоучку И. Розонова известный коллекционер и издатель П. П. Бекетов привлек к преподаванию в своей школе пунктирных граверов.

Работа существует в двух вариантах. Первый без стихотворной подписи. Во втором под портретом добавлена цитата из стихотворения Державина «На смерть графини Румянцовой»:

Меня ничто вредить не может;
Я злобу твердостью сотру.
Врагов моих червь кости сгложет,
А Я Поет и не умру!

В нижней части листа текст: «Изъ Собранія Портретовъ издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ» (ил. 10)[11]. Державин изображен спокойным, уверенным, с добродушной улыбкой, умным, чуть насмешливым взглядом и книгой в руке. Последняя деталь отсылает к упомянутому неоконченному портрету (ил. 9), который, возможно, тоже создавался в школе Бекетова. Любопытно, что в первом случае расположение книги (развернута в противоположную орденским знакам сторону) как бы подчеркивает независимость поэта от служебных дел. Во втором — верхний угол книжного блока направлен в сторону атрибутов Мальтийского ордена, что могло напоминать об оде Державина «На Мальтийский орден».

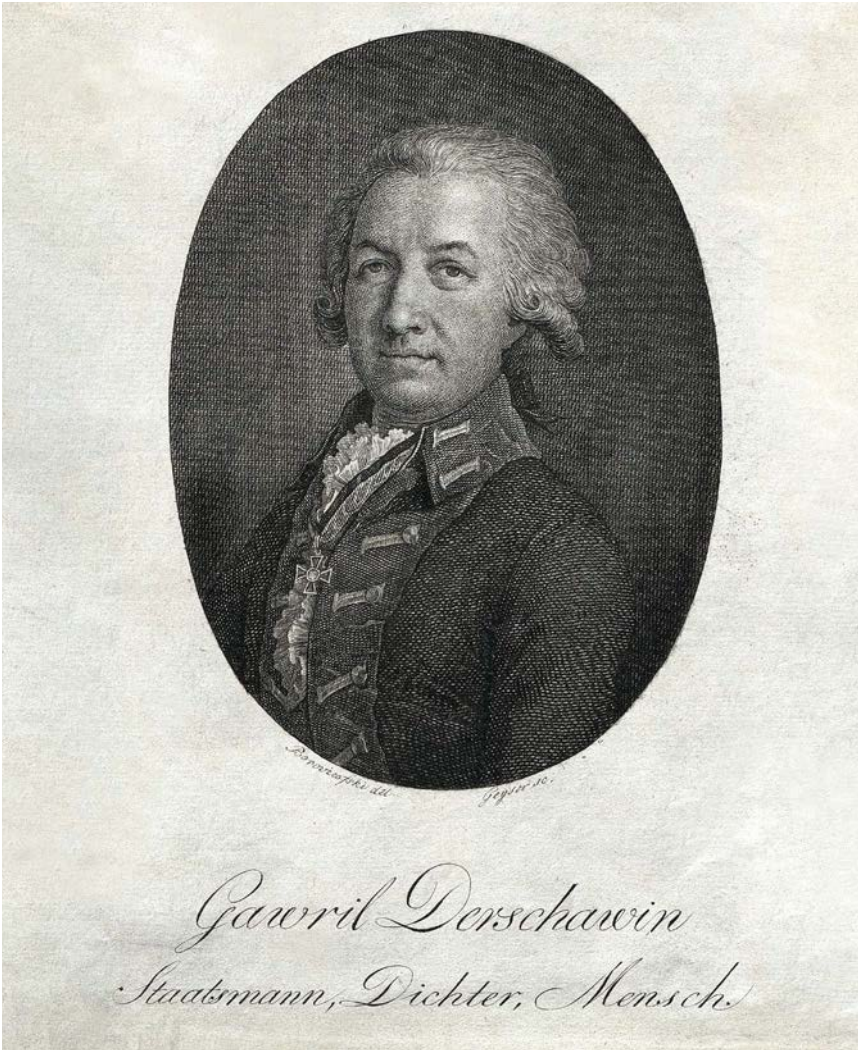
Учитывая дату появления (вторая половина 1800-го — первая половина 1801 г.), можно предположить, что гравюра И. Розонова отразила переживания Державина, связанные с упомянутой командировкой. После шкловской ревизии была неудачная попытка возбудить против Державина уголовное дело, на что Гавриил Романович отреагировал со свойственной ему горячностью[12]. В этом контексте может рассматриваться и текст под портретом.

На гравюре Державин изображен в сюртуке, со всеми наградами. Однако акцент сделан на полученных при Павле I.

Мы видим атрибуты ордена св. Анны 1-й степени: ленту через левое плечо и звезду на правой стороне груди. Этим орденом Державин был награжден 8 ноября 1798 года, на что откликнулся одой поэт и драматург Владислав Озеров[13] (отдельной портретной гравюрой это событие отмечено не было). Вторая награда на портрете, о котором идет речь, — Мальтийский командорский крест на шее на черной орденской ленте и крест, шитый на левой стороне сюртука на уровне груди, что обычно было принадлежностью мальтийского мундира, либо вицмундира. Необходимых в последнем случае эполет здесь нет. Сюртук либо кафтан, в котором изображен поэт, позволял не носить звезду ордена св. Владимира 2-й степени, ограничиваясь крестом на шее. Как известно, Павел в день коронации, 5 апреля 1797 года, учредил единый Российский кавалерский орден (Капитул российских орденов), куда не включил ордена св. Георгия и св. Владимира, учрежденные императрицей Екатериной II, то есть упразднил их. Они будут восстановлены манифестом Александра I от 12 декабря 1801 года. На портрете Державина место звезды ордена св. Владимира 2-й степени занимает шитый Мальтийский крест. Здесь особое внимание обращено на этот орден. Портрет «остался неизданным; оригинальная медная доска была куплена у А. Бекетова братьями Киреевскими в 1837 году в числе 306 досок, изготовленных Бекетовым для его издания „Россиян знаменитых“»[14].

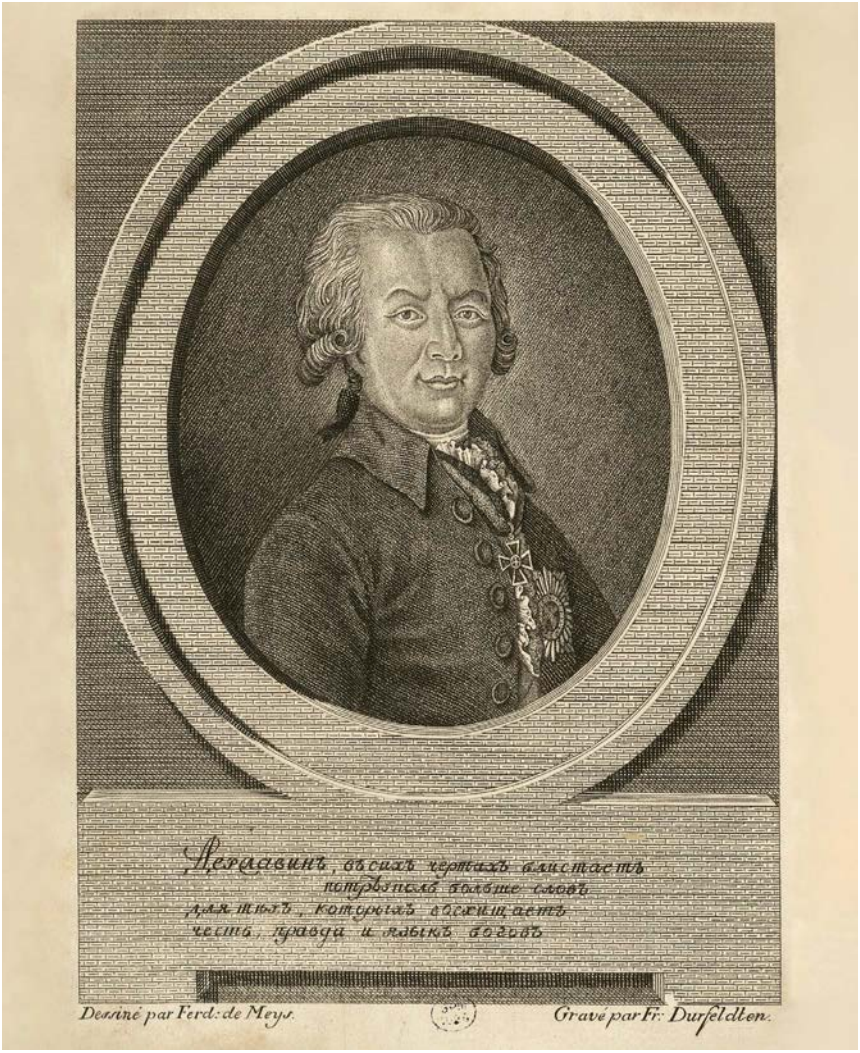
Акцент на наградах павловского времени присутствует и на втором из созданных в это время портретов Державина (ил. 11)[15]. Под ним неграмотная надпись в картуше: «ГАВРIИЛЪ РАМАНОВИЧЬ ДЕРЖАВЕНЪ». Казалось бы, на этом портрете изображены все награды поэта, но крест ордена св. Владимира «спрятан» под орденской лентой св. Анны 1-й степени, а ракурс — ¾ влево позволяет видеть лишь край звезды упраздненного ордена св. Владимира. Мальтийский крест на черной орденской ленте, наоборот, развернут в сторону зрителя.

Интересен в этом отношении миниатюрный (7,5 × 6 см) овальный медальон с портретом Державина из собрания ГИМ[16], где поэт изображен в мальтийском вицмундире (без эполет) и с наградами, полученными при Павле I. Упраздненного импера-



Ил. 7. Х. Г. Гейзер (1742–1803) с оригинала В. Л. Боровиковского (1757–1825). Портрет Г. Р. Державина. 1793, Лейпциг. Гравюра резцом. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Васильчиков, 293, № 7; Грот, 562, 1; Ровинский, 662, № 1 (*ил.*)*; Морозов, 384, № 1; Геннади, 66, № 173*

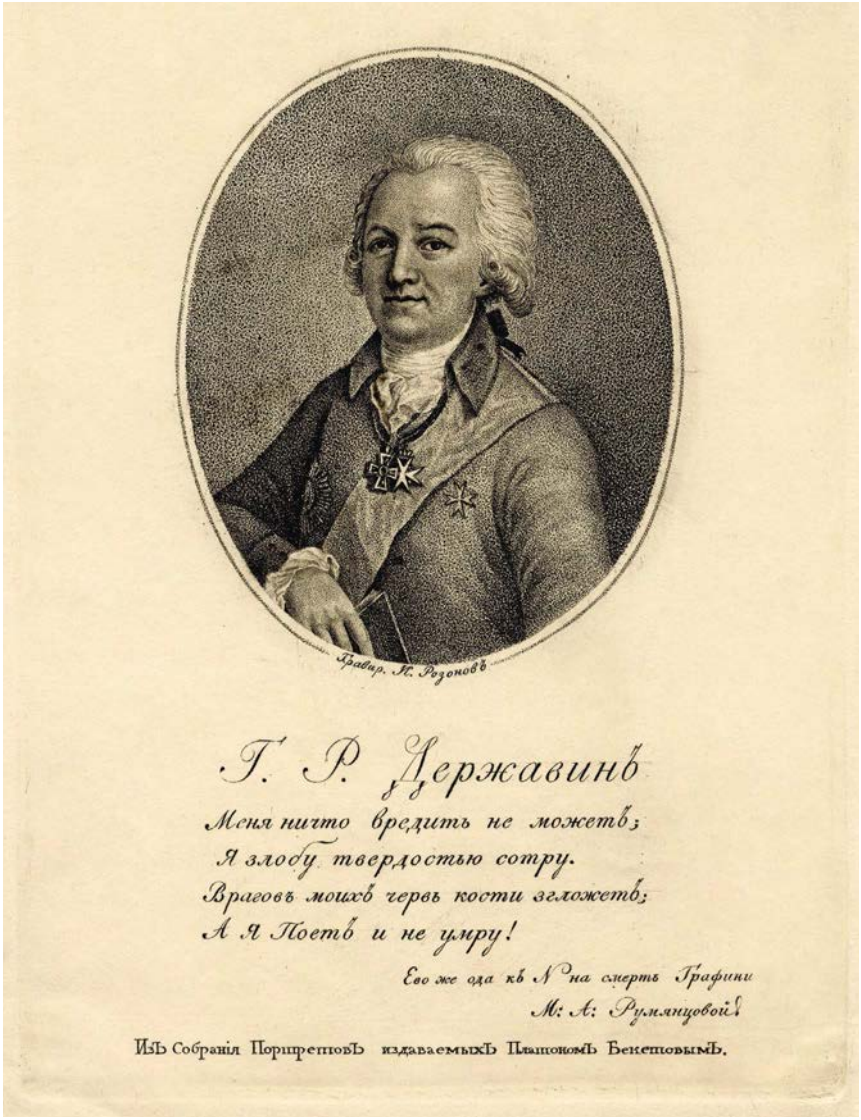


Ил. 8. Ф. Дюрфельдт (1765–1827) по рисунку Ф. Мейса (1780-е — не ранее 1810). Портрет Г. Р. Державина. Конец XVIII в. Гравюра резцом и пунктиром. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Васильчиков, 292, № 5 (*сост. 1*)*; Грот, 563, 2; Ровинский, 662, № 2* (*сост. 2*)*; Морозов, 385, № 2* (*сост. 1, до подписей мастеров: ил. 149/2; сост. 2, с подписями мастеров*)

Ил. 9. Неизвестный гравер. Портрет Г. Р. Державина. [Конец XVIII в.]. Гравюра резцом и пунктиром. Российская государственная библиотека, Москва

Васильчиков, 292, № 2; Грот, 564, № 8; Ровинский, 662, № 6; Геннади, 65, № 168

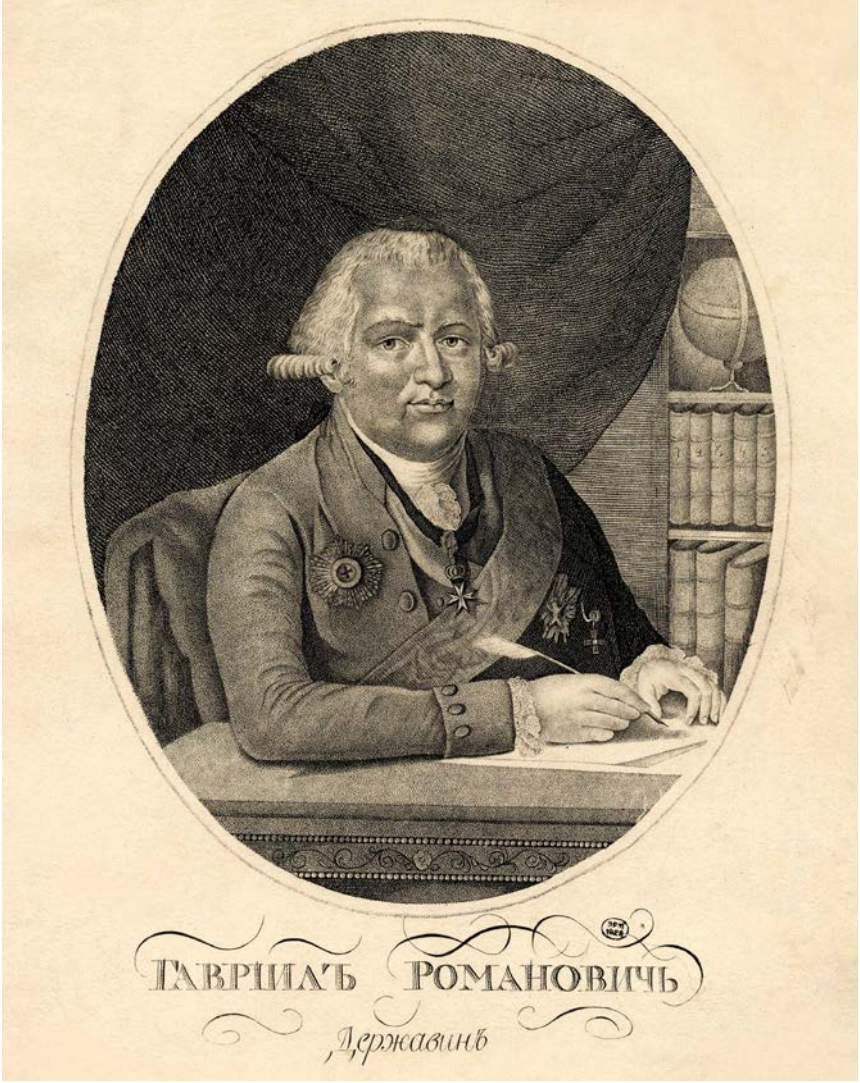


Ил. 10. И. Розонов (Розанов). Портрет Г. Р. Державина. Начало XIX в. Гравюра пунктиром. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Грот, 564, № 7 (611, ил. 4, 1-е сост., без подписей); Ровинский, 663, № 8; Морозов, 385, № 6

Ил. 11. Неизвестный гравер. Портрет Г. Р. Державина. 1800. Гравюра пунктиром. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Грот, 563, 4; Ровинский, 662, 4

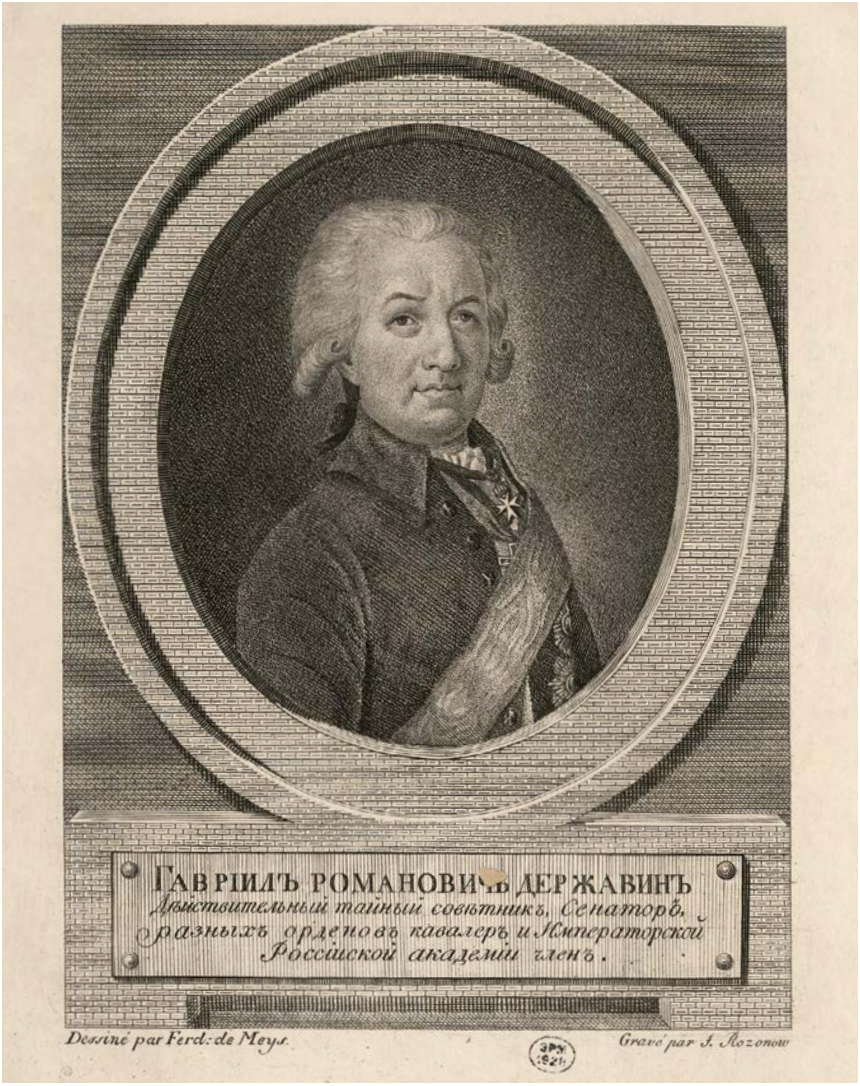


Ил. 12. Неизвестный гравер. Портрет Г. Р. Державина. Конец XVIII в. Гравюра пунктиром. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Грот, 565, 9 (*611, ил. 6, сост. 1, без подписи*); *Ровинский, 663, 9* (*664, ил., сост. 1, без подписи*)

Ил. 13. Неизвестный гравер. Портрет Г. Р. Державина. Конец XVIII — начало XIX в. Офорт, пунктир. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Москва

Грот, 563, 3; Ровинский, 662, 3



Ил. 14. И. Розонов (Розанов) по рисунку Ф. Мейса (1780-е — не ранее 1810). Портрет Г. Р. Державина. 1801. Гравюра резцом и пунктиром. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Грот, 563, 5; Ровинский, 662, 5

Ил. 15. А. А. Фролов (Флоров) (около 1784 — после 1830) по рисунку с оригинала С. Тончи (1756–1844) 1801 г. Портрет Г. Р. Державина. 1810. Гравюра резцом. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Москва

Васильчиков, 295, 13 (?); Грот, 566, 13; Ровинский, 666, 15; Морозов, 385, 11; Геннади 67, 179

Ил. 16. И. В. Ческий (1777/1782–1848) по рисунку Е. И. Эстеррейха (1790 — после 1834) с оригинала С. Тончи (1756–1844) 1801 г. Портрет Г. Р. Державина. 1815. Гравюра резцом. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

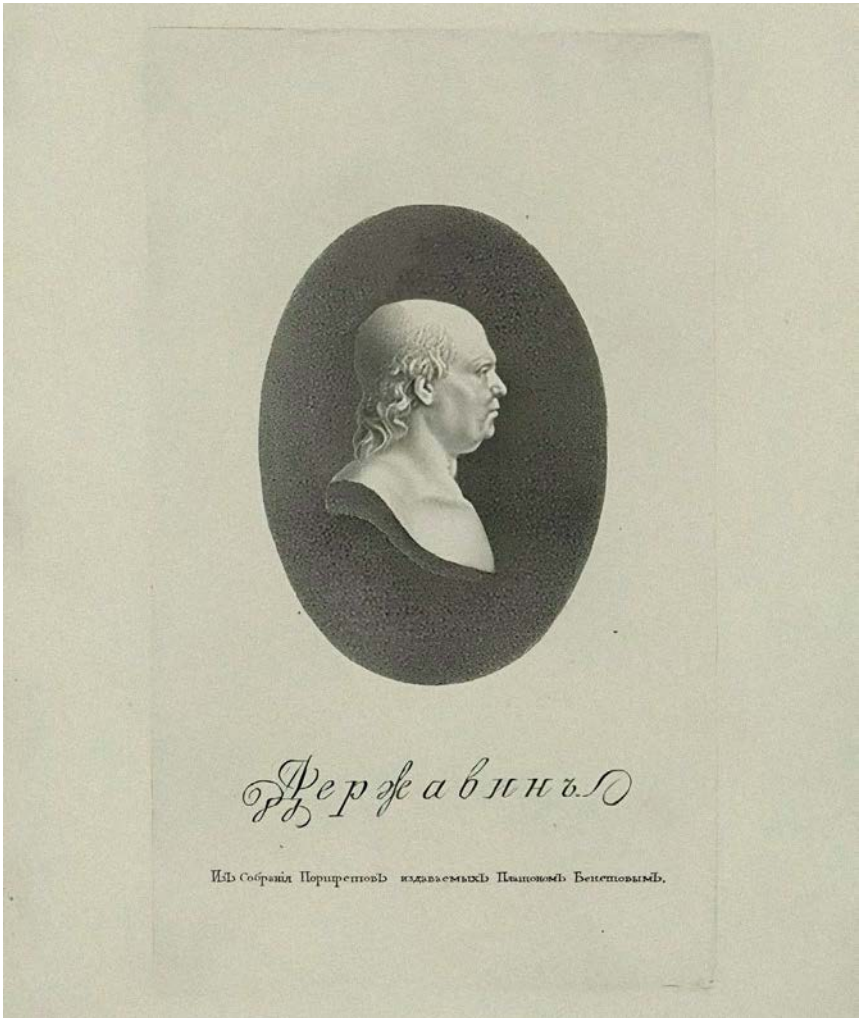
Васильчиков, 295, 11; Грот, 566, 14; Ровинский, 666, 16 (указан 1825 г.); Морозов, 385, 12; Геннади, 67, 177

Ил. 17. И. Колосов с оригинала С. Тончи (1756–1844) 1801 г. Портрет Г. Р. Державина. 1801. Гравюра акватинтой и карандашной манерой. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Васильчиков, 294–295, 10; Грот, 565–566, 12; Ровинский, 666, 14 (*ил.*)*; Морозов, 386, 10; Геннади, 65–66, 176*

Ил. 18. А. А. Осипов (1782 или 1787–1850) по рисунку Ф. Ф. Кинеля (Кюнеля) (1766–1841) с бюста неизвестного скульптора. Портрет Г. Р. Державина. 1813. Гравюра резцом. Государственный исторический музей, Москва

Васильчиков, 292, 3; Грот, 568, 21; Ровинский, 670–671, 23 (*ил.*)*; Морозов, 388, 23* (*табл. 147*)*; Геннади, 65, 169*



Ил. 19. Неизвестный гравер. Портрет Г. Р. Державина. Начало XIX в. Гравюра пунктиром. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Москва

Васильчиков, 296, 14; Грот, 568, 22; Ровинский, 671, 24 (*ил.*)*; Морозов, 388, 25, 26* (*с подписью: «Изъ Собранія Портретовъ издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ»*) (*табл. 147*)*; Геннади, 67, 180*

тором ордена св. Владимира здесь нет. Можно считать, что портрет был создан вскоре после получения Державиным 29 июля в Креславке[17] Витебской губернии при письме П. Х. Обольянинова от 19 июля из Царского Села «высочайшей грамоты, датированной 13 июля, и креста ордена св. Иоанна Иерусалимского»[18]. Медальон предназначался, скорее всего, для супруги поэта Дарьи Алексеевны, с которой Державин во время белорусской командировки был в разлуке.

Еще одна гравюра павловского времени (ил. 12)[19], по-видимому, отражает занятия Державина на должностях, полученных от императора после 14 июля 1800 года, главными из которых были: президент Коммерц-коллегии (с 31 августа), государственный казначей (с 22 ноября), член Совета (указ о присутствии от 23 ноября). Поэт изображен за столом с пером в руке, фоном служат задрапированное окно, полка с книгами и глобусом. Композиция портрета соотносима с миниатюрой, созданной В. Л. Боровиковским в 1794 году, после назначения Державина президентом Коммерц-коллегии (оставался до 1796 г.), а фон с портретами М. В. Ломоносова, гравированными Э. Фессаром и Х. А. Вортманом по оригиналу Г. Г. Преннера[20], и отчасти с портретом В. К. Тредиаковского работы А. Я. Колпашникова (1775)[21]. На верхней полке мы видим пять пронумерованных томов в глухих переплетах: без тиснения орнамента и названия на корешках, характерных для книг литературного содержания. По-видимому, это труды законодательного характера. Три книги на нижней полке не имеют нумерации на корешках, одна из них не до конца задвинута, что говорит о недавней работе с нею. Державин собрался что-то писать на чистом листе, причем перо расположено над самым началом листа. Вряд ли это могли быть стихотворные строки. Размещенный над книгами глобус мог символизировать деятельность Державина на посту президента Коммерц-коллегии, его занятия вопросами внешней торговли и разработки нового Таможенного устава.

Что касается орденов, то здесь вновь подчеркнуты награды павловского времени: знаки ордена св. Анны (лента через левое

плечо и звезда на правой стороне груди), но главное внимание обращает на себя Мальтийский командорский крест на черной орденской ленте. Крест ордена св. Владимира 2-й степени (?), вопреки правилам ношения, перемещен на левую сторону груди и расположен рядом с орденской звездой, которую частично прикрывает лента ордена св. Анны, чем, возможно, подчеркивается его превосходство. Гравюра отличается весьма отдаленным портретным сходством с Державиным.

Обращает на себя внимание сходство орфографии и графического оформления — в картуше — подписей на двух последних портретах (ил. 11, 12). Подписи, очевидно, были выполнены одним мастером, а портреты, возможно, в одной мастерской. При этом орфографические ошибки подписи на первом портрете исправлены в подписи на втором.

Следующие гравюры появились уже в эпоху Александра I. Две первые из них (ил. 13, 14)[22] отразили новый статус Державина: он стал кавалером ордена св. Александра Невского. Это произошло 15 сентября 1801 года. Первый лист, возможно, является пробным. Державин изображен с орденской лентой и звездами орденов св. Александра Невского и св. Владимира 2-й степени. На шее Мальтийский крест и крест ордена св. Владимира 2-й степени. В отличие от гравюр павловского времени звезды ордена св. Анны нет, поскольку при получении более высокой награды, в данном случае ордена св. Александра Невского, звезду уже не носили. Не присутствует и крест ордена св. Анны. Возможно, он скрыт под орденской лентой св. Александра Невского, но, быть может, «виноват» рисунок Ф. Мейса (см. ил. 8), по которому выполнялись эта и следующая гравюры. Он был создан до награждения Державина орденом св. Анны.

Вторая гравюра (ил. 14) иконографически напоминает первую, но представляет собой уже иной вариант, в большей степени соотносимый с гравюрой Дюрфельдта по рисунку Мейса (ил. 8). Портрет помещен в овальную «каменную» раму, на пьедестале доска с надписью: «ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЬ ДЕРЖАВИНЪ / Дѣйствительный тайный совѣтник, Сенатор, /

разныхъ орденовъ кавалеръ и Императорской / Россійской академіи членъ». Ниже подписи гравера И. Розонова и художника Ф. де Мейса, работавшего с 1783 до 1805 года в России: «Dessiné par Ferd: de Meys. / Gravé par I. Rozonovъ».

Надпись позволяет сказать, что гравюра выполнена после получения Державиным 14 июля 1800 года чина действительного тайного советника и до назначения министром юстиции, то есть до 8 сентября 1802 года. Для датировки портрета, как и в первом случае (ил. 13), важно, что Гавриил Романович изображен с орденом Александра Невского, которым был награжден 15 сентября 1801 года, и с орденом св. Владимира, восстановленным, как уже упоминалось, Александром 12 декабря того же года. Портрет «документирует» новую награду и в то же время напоминает о статусе и заслугах Державина, оказавшегося не у дел в начале царствования Александра.

Это последняя из прижизненных гравюр, на которых Державин представлен главным образом как вельможа. Все следующие изображают его прежде всего как поэта и в большинстве случаев восходят к живописному оригиналу С. Тончи.

Первая из них (ил. 15)[23] служила фронтисписом второй части изданного В. Жуковским шеститомного «Собрания русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (М., 1810–1815). Гравюру выполнил А. А. Фролов, о чем говорит надпись слева под изображением: «Грав. А. Флоровъ». Воспитанник Академии художеств, он в 1806–1822 служил гравером и рисовальщиком при Московском университете. С данным изданием, как известно, связан конфликт Державина с В. А. Жуковским и А. И. Тургеневым: поэт был раздосадован публикацией в первой части «Собрания русских стихотворений» большого количества его произведений. Переписка на эту тему относится к марту 1811 года[24]. По мнению Жуковского, гнев Державина вызвало соседство оды «Вельможа» со стихотворением Н. И. Гнедича «Скоротечность юности». С его автором Державин был тогда в ссоре. Вполне вероятно, Державина не устроило и качество портрета, предпосланного второму тому.

Более выразительная гравюра (ил. 16)[25] была создана академиком Императорской Академии художеств И. В. Ческим по рисунку Е. И. Эстеррейха для второй части «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах», дважды изданного Обществом любителей отечественной словесности (Ч. 1–6. СПб., 1815–1817; 1821–1824). Портрет в овальной раме сопровождала сочиненная И. И. Дмитриевым надпись, уже известная по более раннему изображению поэта:

Державин в сих чертах блистает;
Потребно ли здесь больше слов
Для тех, которых восхищает
Честь, правда и язык богов?

Еще один портрет, восходящий к живописной работе С. Тончи, был выполнен гравером Иваном Колосовым (ил. 17). Под изображением помещена такая же, как на живописном портрете, надпись: «*Justitia in scopulo, rutilo meus delphicain orlu / Fingitar, in alba corguc fidesque nive*» (Правосудие изображается скалою, румяным (опущено слово «восходом») — дельфийский (то есть пророческий) дух, белым снегом — чистосердечие и правдивость). Ниже: «Пис. Тонче. / Гр. И. Колосовъ». Неизвестно, где и у кого обучался гравированию Колосов. Известно лишь, что наряду с этим занятием он «служил швейцаром в доме Дворянского собрания». Д. А. Ровинский невысоко оценивал его работы[26], но сегодня они по-своему интересны. Экземпляр гравюры из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина[27] происходит из коллекции А. А. Васильчикова, над изображением в верхнем поле тиснение: «COLLECTION / WASSILTCHIKOFF». Помимо портрета Державина, И. Колосов создал по оригиналу В. Л. Боровиковского 1813 года гравированный пунктиром портрет Д. А. Державиной на фоне Званки[28].

Один из ведущих граверов школы П. П. Бекетова А. А. Осипов в 1813 году выполнил по рисунку Ф. Ф. Кюнеля портрет Державина в шубе и шапке. Работа Кюнеля, учителя рисования при Московском университете, опирается на скульптурное изо-

бражение Державина. Эти данные содержит надпись по овалу портрета: «Рис. с Бюста Ф. Кинель. Грав. А. Осипов 1813». Под изображением: «Гаврило Романовичь / Державинъ, / Действительный Тайный Советник». Внизу листа: «Изъ Собранія Портретовъ издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ» (ил. 18)[29]. Автором бюста, по свидетельству Державина, был французский скульптор, фамилию которого он вспомнить не смог[30]. Сегодня этот бюст (либо его повторение) находится в Рукописном отделе РНБ[31]. Портрет «остался неизданным», то есть не вошел в подготовленное Бекетовым «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям, воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям или коих имена почему другому сделались известными свету, с приложением их кратких жизнеописаний» (М., 1821–1824).

Во второй половине XVIII — начале XIX века в моду вошли «камейные» профильные портреты. Подобный портрет Державина (ил. 19)[32] с бюста работы Ж.-Д. Рашетта[33] выполнил один из граверов школы Бекетова. Бюст находился в диванной (Диванчике) особняка Г. Р. Державина на Фонтанке и вдохновил поэта на создание оды «Мой истукан» (1794):

Готов кумир, желанный мною!
Рашет его изобразил:
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.
<...>
А ты, любезная супруга,
Меж тем возьми сей истукан,
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпяный твой диван;
И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь,
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав,
Что слава, счастье нам прямое —
Жить с нашей совестью в покое[34].

Подводя итоги, можно сказать, что при жизни Державина его гравированные портреты создавались в связи с подготовкой книжных изданий, получением им очередного ордена или отражали иные изменения в его жизни. Детальное рассмотрение работ в соотнесенности с биографией Державина позволило уточнить их датировку, иногда увидеть «скрытый» смысл.

Список условных сокращений

Васильчиков	*Wassiltschikoff A. A.* Liste alphabetique de portraits russes. Т. 1–2. St.-Petersbourg, 1875. Т. 1.
Геннади	*Дружинин П. А.* Собрание русских гравированных портретов в коллекции Г. Н. Геннади (Описание). М., 2004.
Грот	Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 9. С. 562–570. (Гравированные портреты. Примеч. Я. Грота: «Список гравированных портретов пополнен и приведен в порядок по типам Д. А. Ровинским»).
Морозов	*Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов: в 4 т. М., 1912–1913. Т. 2. Д–Л.
Ровинский	*Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: в 4 т. СПб., 1886–1889. Т. 1. А–Д.

Примечания

1 ВМП КП 13149. ГК № 6071758. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6290466.

2 О нем см.: *Мельникова С. И.* Август Коцебу в Санкт-Петербурге. Линии судьбы немецкого драматурга // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект. Вып. 7 / Отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб., 2013. С. 17–36.

3 Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin. Aus dem Rissischen ubersetzt von A. v. Kotzebue. Leipzig, 1793. P. 6.

4 См.: Allgemeine deutsche Biblothek. 1793. Ч. 5. С. 449–453.

5 Переписку на эту тему см.: Сочинения Державина. Т. 5. С. 805–806, 828–829.

6 Записки Державина // Сочинения Державина. Т. 6. С. 664–665.

7 ГИКГЭ 333291. ГК № 25933809. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=26083005.

8 РГБ. IZO ГП20Д. Так же см.: НЭБ. Реестр книжных памятников. Книжный памятник № 48456. URL: https://knpam.rusneb.ru/kp/item48456.

9 ГТГ КП Уч. оп. 10198. ГК № 4578827. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4585907. См. также: URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/20848.

10 См.: *Морозова Е. В.* «Бархатный, коришневый, шитый шелками...» (гардероб Г. Р. Державина по описям начала XIX века) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 2. СПб., 2005. С. 131–142.

11 ГИКГЭ 333294. ГК № 47013053. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47258310.

12 Записки Державина. С. 749–751.

13 См.: *Озеров В. А.* Ода Гавриилу Романовичу Державину на получение им ордена св. Анны первого класса в 1798 году / *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. М., 1960. С. 382–383.

14 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: в 4 т. СПб., 1886–1889. Т. 1. А–Д. С. 663.

15 ГИКГЭ 333292. ГК № 25933704. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=26083252.

16 ГИМ КП 82433. ГК № 40854705. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41069250

17 Креславка находилась в Динабургском уезде Витебской губернии. Сейчас город Краслава на юго-востоке Латвии.

18 Сочинения Державина. Т. 6. С. 392.

19 ГИКГЭ 333295. ГК № 47013087. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47258264.

20 См., например: ВМП КП 12845. ГК № 10643641. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10759638.

21 См.: ГМИИ КП 14805/3838. ГК № 46111879. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46349695.

22 ГМИИ КП 14805/8023. ГК № 10243775. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10349224; ГИКГЭ 333293. ГК № 25933727. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=26083192.

23 ГМИИ КП 14805/8029. ГК № 14261348. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14383241.

24 Сочинения Державина. Т. 6. С. 208–210, 211–214.

25 ВМП КП 22229. ГК № 19940924. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20073675.

26 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 526.

27 ВМП КП 2062. ГК № 3209635. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1618439.

28 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Стб. 526.

29 ГИМ КП 83541/47. ГК № 34738398. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34943229.

30 См.: Объяснения Державина на его сочинения // Сочинения Державина. Т. 3. С. 646. Примеч. к стихотворению «Мой истукан».

31 *Градова Б. А.* Реликвии Державина в Императорской Публичной библиотеке // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 7. СПб., 2011. С. 124–126.

32 ГМИИ КП 14805/1870. ГК № 11890388. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12009648.

33 Об этом бюсте см.: *Карпова Е. В.* О скульптурных портретах Г. Р. и Е. Я. Державиных работы Ж.-Д. Рашетта // Державинские чтения: сб. науч. докладов. Вып. 1. СПб., 1997. С. 171–180.

34 Сочинения Державина. Т. 1. С. 608–621.

З. В. Золотницкая

Архитектурная история стихотворения Г. Р. Державина «На случай разломки московского Кремля»

К числу ранних произведений Державина относится малоизвестное стихотворение «На случай разломки Московского кремля», опубликованное Я. К. Гротом в третьем томе академического издания Сочинений поэта:

НА СЛУЧАЙ РАЗЛОМКИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ НОВОГО ДВОРЦА
В 1770 ГОДУ АРХИТЕКТОРОМ БАЖЕНОВЫМ,
ПРИ ОТЪЕЗДЕ АВТОРА ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

Прости, престольный град, великолепно зданье
Чудесной древности, Москва, Россий блистанье!
Сияющи верхи и горды вышины,
На диво в давний век вы были созданы.
Впоследни зрю я вас, покровы оком мерю
И в ужасе тому дивлюсь, сомнюсь, не верю;
Возможно ли, чтоб вам разрушиться, восстать
И прежней красоты чуднее процветать?
Твердыням таковым коль пасть и возставляться,
То должно, так сказать, природе пременяться!
Но что не сбудется, где хощет божество?
Баженов! начинай, — уступит естество[1].

Написано в Москве, не позднее марта 1770 года, до того, как, по словам самого Державина, он в связи с надвигавшейся эпидемией чумы и нарастающей паникой «бросился опрометью в сани и поскакал без оглядок в Петербург»[2].

Стихотворение было впервые опубликовано в феврале 1779 года в журнале «Санкт-Петербургский вестник». События, послужившие поводом его создания, и само стихотворение хорошо известны каждому, кто посвящен в историю русской культуры. Что же побудило нас вернуться к нему?

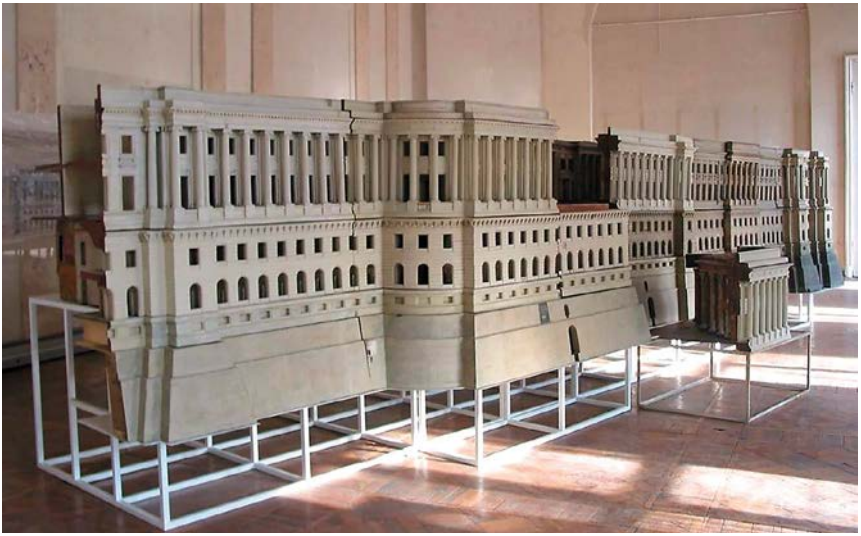
Дело в том, что в позапрошлом году исполнилось 250 лет со времени окончания работы над уникальной авторской проектной моделью Большого Кремлевского дворца. Она создавалась в 1769–1773 годах параллельно с проектированием и началом строительства нового, грандиозного ансамбля Кремля, задуманного императрицей Екатериной II (см. ил. 20–23).

Это был первый крупный проект архитектора Василия Ивановича Баженова, с которого фактически началась история московского классицизма. Выполненные во время проектирования комплекты чертежей, подробно представлявших варианты предполагаемого ансамбля, частично утрачены, а сохранившиеся разрознены по шести музейным и архивным собраниям Москвы, Петербурга и даже Парижа.

Так случилось, что основным и наиболее точным свидетельством нереализованного замысла стала модель, выполненная под непосредственным руководством Баженова и сейчас хранящаяся в Музее архитектуры имени А. В. Щусева[3].

Судьбы музейных предметов порой бывают сложными и даже драматичными. Это в полной мере можно отнести к модели Большого Кремлевского дворца. Многие годы ее жизни были связаны с Кремлем. Здесь ее создавали, здесь она пережила страшный чумной бунт 1771 года, французское нашествие 1812 года, когда чудом избежала пожара. Здесь в конце XVIII и на протяжении XIX века ее неоднократно перемещали из одного здания в другое.

Она впечатляла своим масштабом, о чем свидетельствуют сохранившиеся в литературе восторженные отзывы. Но времена



Ил. 20. Проектная авторская модель Большого Кремлевского дворца. Фрагмент главного фасада. Модельная мастерская под руководством В. И. Баженова. 1769–1773. Дерево, левкас, тонировка. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, Москва

Ил. 21. Проектная авторская модель Большого Кремлевского дворца. Центральная часть главного фасада. Вид интерьера Тронного зала и нижних служебных этажей. Модельная мастерская под руководством В. И. Баженова. 1769–1773. Дерево, левкас, тонировка. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, Москва

Ил. 22. Проектная авторская модель Большого Кремлевского дворца. Вид Театрального подъезда. Модельная мастерская под руководством В. И. Баженова. 1769–1773. Дерево, левкас, тонировка. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, Москва

Ил. 23. Проектная авторская модель Большого Кремлевского дворца. Фрагмент фасада со стороны Соборной площади. Вид парадного входа. Модельная мастерская под руководством В. И. Баженова. 1769–1773. Дерево, левкас, тонировка. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, Москва

менялись, и ей пришлось пережить немало трудных лет забвения, утрат, несколько переездов в другие музеи. Как редкое свидетельство неосуществленного проекта, она несомненно достойна того, чтобы была создана и напечатана ее отдельная история, работа над которой сейчас и ведется.

Поэтому появилось желание выяснить, как было создано стихотворение «На случай разломки Московского кремля», чем Державин занимался в Москве, каким образом узнал о проекте, что побудило его так открыто, смело и искренне написать эти строки.

Известно, что как офицер Преображенского полка Державин по службе в те годы часто бывал в Москве. Был и во время торжеств по случаю коронации Екатерины II в 1762 году.

История проекта Баженова началась летом 1767 года. Это было время, когда императрица Екатерина II вместе с двором надолго прибыла в Москву. Предполагалось именно в древней столице организовать работу комиссии по составлению нового Уложения — свода законов Российского государства, который должен был заменить устаревшее Соборное уложение царя Алексея Михайловича. Важные законодательные реформы по воле императрицы должны были происходить в древней столице, а Кремлю снова следовало стать центром государственности. Открытие работы Комиссии состоялось 30 июня 1767 года. Однако ветхие старинные кремлевские постройки не вполне соответствовали предполагаемым событиям.

Стало очевидным, что, кроме Грановитой палаты, в Кремле не было помещения для заседаний, которое могло бы вместить большое количество депутатов, выбранных от всех сословий России. Остановившись в Коломенском, в построенном для нее временном дворце, императрица по рекомендации графа Г. Г. Орлова приняла двадцатидевятилетнего «артиллерийского» архитектора Василия Баженова, которому дала первые указания о необходимости постройки в Кремле нового общественного здания, так называемых Коллегий.

Первоначальным желанием императрицы и порывом Баженова кроме новой постройки было упорядочить обветшавшую

застройку Кремля, как писал архитектор: «...предмет сей таков, чтобы обновить вид сего древностью обветшалого и нестройного града»[4]. Свидетельством этому является самый ранний сохранившийся чертеж с планом реконструкции кремлевской территории, который можно датировать 1767 годом[5]. На нем определены контуры предполагавшегося здания Коллегий, почти симметричного и равного по размерам Арсеналу. Остальная застройка Кремля упорядочена намеченными линиями геометрически правильных «очертаний площадей и улиц», определенных стремлением Баженова к классической регулярности.

Однако вскоре Баженов увлек императрицу идеей создания в Кремле архитектурного ансамбля, который, совмещая в себе общественные и дворцовые здания, демонстрировал бы размах екатерининских преобразований, мощь и благополучие обновленного государства. Молодой архитектор был полон новых идей, и его устремления, казалось бы, счастливо совпали с честолюбивыми замыслами начала царствования Екатерины II.

Рассмотрев предложение архитектора, 1 июля 1768 года именным указом Сенату императрица учредила «для того строения особую в Москве Экспедицию под единственным нашим ведением». Это означало, что каждый шаг проекта должен был получать разрешение государыни. Так родилась уникальная архитектурная идея, во многом определившая градостроительные и стилевые особенности русского классицизма. Грандиозный, невероятный по смелости для своего времени проект охватывал территорию всего Кремлевского холма.

Стремясь придать дворцу важное градостроительное значение, зодчий решает вынести фасад дворца за линию кремлевской стены, связав будущий ансамбль с пространством города. Протяженный четырехэтажный торжественный фасад, с выступающим мощным ризалитом в центре, украшенный ионической колоннадой, должен был спускаться с холма на набережную. Крылья дворца сливались с корпусами, охватывающими величественную овальную площадь.

Рядом со зданием Арсенала был выстроен Модельный дом, где отдельный штат мастеров изготавливал модель.

Баженов подчеркивал важную роль проектной модели: «...всякий архитектор делает планы и геометральные фасады единственно для того, чтобы иметь только идею предпринимаемого им строения; но чтоб узнать столько ли оно будет красиво и порядочно в самом деле, надобно ему неминуемо представить его в проспекте; а чтоб еще более в том увериться, зделать оному модель, которая почитается уже половиною практики»[6].

Материалы, из которых делалась модель, были разнообразны и тщательно подбирались по принципу прочности и точности воспроизведения замысла. Породы поделочной древесины в обработке обладают разными свойствами. Основа модели выполнена из липы, изящные профилированные карнизы резались из клена, а во внутренней отделке применяли яблоневое и грушевое дерево. Миниатюрные детали, изображающие архитектурный декор (капители колонн, розетки, модульоны) для точности отливались из свинца. Скульптурный орнамент сделан из гипса, причем известно, что было опробовано несколько его сортов.

Модель делалась тщательно и постепенно, возводилась подобно настоящему зданию. И в процессе ее изготовления отрабатывались детали планировки, внешней архитектуры дворца и его интерьеров.

Судя по времени пребывания Державина в Москве, а это 1767–1770 годы, он был свидетелем начала и самого разгара работы над проектом. По роду службы бывал в Кремле. Есть сведения, что короткое время был одним из секретарей депутатской законодательной комиссии[7]. К сожалению, нет письменных свидетельств о том, что он знал о проекте и о Баженове, бывал ли в Модельном доме. Каким было это строение, нам известно по чертежам, дата их изготовления — февраль 1770 года, так что теоретически те, кто сумел проникнуть в эту мастерскую, видели именно то, что изображено на чертеже. Известно, что в это время Державин встречался с А. П. Сумароковым[8], который в ту пору также пребывал в Москве. Сумароков же сотрудничал с Экспедицией Кремлевского строения и Баженовым. Так что у Державина была редкая возможность получать сведения о кремлевском проекте.

Задуманная императрицей перестройка древнего Кремля будоражила воображение патриархальной Москвы. На фоне живописного архитектурного разностилья и еще немногих классических сооружений города, современников проекта не мог не поразить невиданный размах предполагаемого ансамбля. Нельзя забывать, что эпоха классической архитектуры еще только начиналась. После затишья московской архитектурной жизни в предыдущие годы, вполне естественно, что москвичей интересовало то, что происходило в Кремле. Неудивительно, что многие стремились увидеть еще незавершенную модель.

Как относилось московское общество к происходившему? Свидетельств со стороны немного, кто смел обсуждать деяния императрицы? Во всяком случае, ни у А. Т. Болотова, ни у И. И. Дмитриева нет воспоминаний о кремлевском проекте. Так получилось, что в поэтическом жанре ранее других живо и непосредственно отозвался о происходившем Г. Р. Державин.

Начинающий, тогда еще мало кому известный поэт высказал свои опасения в стихотворении со столь пространным названием. Можно достаточно уверенно предполагать, что во многих дворянских домах первопрестольной думали так же. Однако известно, что Державин искренне считал императрицу Екатерину II образцом просвещенной государыни и потому в конце своего сочинения восклицал: «Но что не сбудется где хощет божество? / Баженов! начинай, — уступит естество».

В 1772 году начались масштабные земляные работы, 1 июня 1773 года прошла торжественная церемония закладки. А. П. Сумароков пишет для В. И. Баженова «Слово на заложение Кремлевского дворца»[9] и участвует в театрализации этой церемонии. Однако волею судьбы сбыться грандиозному замыслу было не суждено. Несмотря на то, что в начале 1774 года Екатерина утвердила проект, уже в мае 1775 года она повелела его прекратить. Остались чертежи, модель и 12 поэтических строк, в которых молодой Державин эмоционально и точно сумел выразить и боль, и сомнения современников, и уловить суть исторического момента.

Примечания

1 Сочинения Державина. Т. 3. С. 251.

2 *Державин Г. Р.* Записки // Сочинения Державина. Т. 6. С. 456.

3 ГНИМА ОФ 373/2, ГК № 38726032. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38942007.

4 *Баженов В. И., Каржавин Ф. В.* Краткое рассуждение о кремлевском строении // Василий Иванович Баженов: Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы. М., 2001. С. 75.

5 НИМ РАХ. № А-931.

6 Всеподданнейшие мнения архитектора Баженова о кремлевской перестройке // Архитектурный архив. № 1. М., 1946. С. 119.

7 *Державин Г. Р.* Записки // Сочинения Державина. Т. 6. С. 451.

8 См.: Сочинения Державина. Т. 3. С. 249–250.

9 *Сумароков А. П.* Слово на заложение Московского кремля // *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе... 2-е изд. М., 1787. С. 367–375.

Н. А. Хохлова

Неизвестное письмо Г. Р. Державина И. П. Тургеневу

(к истории стихотворения Державина «Гимн Кротости»)

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в фонде А. Д. Свербеева хранится следующее неопубликованное письмо Гавриила Романовича Державина к Ивану Петровичу Тургеневу (1752–1807), в то время директору Московского университета:

> Милостивый Государь мой Иван Петрович. Покорнейше прошу вашего превосходительства приказать поскорее, поисправнее и поскромнее напечатать врученные сим подателем мои стихи, чтоб до времени никто о них не знал. Мне надобно 1200 ексемпляров, на чистой бумаге — только 20, а прочие на простой, только недурной. Что причтется деньги, с благодарностию заплачу. Сим обяжете чувствительно с истинным почтением пребывающего вашего превосходительства милостивого государя покорнейший слуга
>
> Гавриил Державин.
>
> 6 октября 1801 года.

На обороте:

> Его превосходительству милостивому государю моему Ивану Петровичу Тургеневу, господину директору Московского университета.
>
> В университете. На Никицкой против птичьяго Охотного ряду[1].

Письмо дошло до нас в поздней копии. Об издании какого произведения в нем идет речь? Согласно «Сводному каталогу русской книги. 1801–1825», в 1801 году отдельным изданием вышло лишь одно произведение Державина — «Гимн Кротости», написанное по случаю коронации Александра I[1]. Оно было отпечатано в Типографии Московского университета.

В 1801 году два события вызвали большой поток панегирической литературы: восшествие на престол Александра I (12 марта) и коронация (15 сентября). Державин откликнулся на оба «случая». Печатание его оды «На восшествие на престол императора Александра I» было, как известно, отклонено самим императором (слишком прозрачной казалась ее метафорика: на смену «свирепому Норду» (Павлу I) приходит прекрасная весна в образе Александра I). Тем не менее ода получила широкое распространение в списках.

По случаю же коронации, помимо «Гимна Кротости», Державин написал стихотворение «Венчание Леля» и два хора: «На коронацию императора Александра I» и «На тот же случай». «Венчание Леля» увидело свет в 1804 году в сборнике «Анакреонтические песни», «хоры» — в издании «Сочинений Державина» (1808)[3]. Следовательно, в интересующем нас письме речь идет именно о «Гимне Кротости», опубликованном, как уже было отмечено, в 1801 году. В «Объяснениях на свои Сочинения» Державин дал этому произведению следующий комментарий: «Множество стихотворцев при сем случае (коронации. — *Н. Х.*) писали императору похвальные стихи, которым жалованы были, как обыкновенно в таких случаях, перстни брильянтовые; то автор, чтоб не быть в числе их, дабы не подать мыслей, что он из награды только пишет, тогда не писал, но несколько спустя выдал эту оду, дав почувствовать этим стихом, что он награждения не ожидает, что и сделано, а он только приглашен был к столу»[4].

Обнаруженное письмо позволяет уточнить дату написания стихотворения: не позднее 6 октября. Державин формулирует свою просьбу к И. П. Тургеневу в довольно официальной форме: «прошу вашего превосходительства». Однако вряд ли дело касалось формально необходимого дозволения директора

в случае обращения в Типографию Московского университета. Известно, что с 1770-х до 1806 года она сдавалась в аренду частным лицам. Первым и самым известным ее арендатором был в 1779–1788 годах Н. И. Новиков. В интересующий нас период Типографией владел Христофор Клаудий. Следовательно, права директора университета были ограничены, но авторитет должности служил залогом исполнения его просьб и пожеланий. Именно на это, по-видимому, рассчитывал Державин, обращаясь к своему старому знакомцу.

Просьба поэта издать его стихи «поскорее» была вполне удовлетворена: уже 12 октября в «Московских ведомостях» появилось объявление: «„Гимн Кротости“, сочинение Г. Державина, напечатанное в пользу Госпож Секиотовых, можно получить охотникам, за какую кому благоугодно цену, в их квартире, находящейся в приходе Спаса в Наливках, в доме Губернского Секретаря Семена Страхова...»[5]

Следующее условие Державина — издать «поисправнее и поскромнее» было принципиально важным. В 1801 году память о крайне неисправном (с цензурными пропусками и множеством опечаток) издании его «Сочинений», отпечатанном в Типографии Московского университета под наблюдением Н. М. Карамзина, была еще очень жива[6]. Желание издать «поскромнее» имело иную интенцию. Оно соответствовало авторскому замыслу, раскрытому в цитированном выше «объяснении», — Державин стремился дистанцироваться от потока «похвальных стихов», выделиться из общего хора. В соответствии с волей автора на титульном листе было воспроизведено только название, без указания на августейшего адресата и сам «случай». На обороте титула — гриф Московской цензуры. На последней странице под текстом указано имя автора; здесь же выходные данные: «Москва, 1801. В Университетской типографии, у Хр. Клаудия». Формат издания — в четвертую долю листа; объем — восемь страниц.

Библиографическое описание «Гимна Кротости» благодаря новонайденному письму может быть дополнено данными о тираже, которые более нигде не встречаются. Архивный поиск в данном случае невозможен, так как архив Московского университета

погиб в 1812 году. «Мне надобно, — писал Державин, — 1200 ексемпляров, на чистой бумаге — только 20, а прочие на простой, только не дурной». Речь идет о стандартном для того времени тираже (в один завод). Под «чистой» подразумевается более дорогая (белая, гладкая) бумага, возможно, иностранного производства; под простой — шероховатая, серо-синяя. На «чистой» бумаге были отпечатаны подносные экземпляры, один из которых предназначался для Александра I.

«Гимну Кротости» как художественному произведению «повезло на исследователя». Нидерландский ученый Иоахим Клейн, специалист по панегирической литературе, посвятил ему статью «Похвала властителю: „Гимн Кротости“ Державина». Она была опубликована в сборнике «Аониды», изданном в честь юбилея Н. Д. Кочетковой в 2013 году[7]. Исследователь дает всесторонний анализ произведения, исходя из его жанровой природы, мотивов создания, моральной и общественно-политической позиции Державина-панегириста. Основное внимание уделено эстетическому своеобразию текста как произведению панегирической литературы.

«Несмотря на то, что стихотворение Державина имеет жанровое обозначение „гимн“, легко узнать в нем торжественную оду», — пишет И. Клейн, указывая на его окказиональный характер, эмоциональную установку лирического субъекта — «вдохновенного поэта», на особенности стихосложения[8]. Далее на протяжении всей статьи исследователь именует стихотворение так: ода «Кротости». «Мотив кротости, — утверждает он, — приобрел у Державина эмоциональную выразительность, которой он никогда ранее не имел в русской панегирической традиции»[9]. Кротость выступает как аллегория, но совершенно особого качества: она заменяет адресат оды. Александр I как бы являет собой олицетворение этой добродетели; происходит риторическое отождествление лирического объекта и его аллегорического образа. Подобная трактовка мотива позволяет создать «новый, очень далекий от петровской традиции образ русского монарха»[10]. Вот как характеризует его исследователь: «Александр предстает... не как возвышенный властелин одической традиции, не как новый Петр Великий, а как

симпатичное частное лицо. Уменьшается дистанция между монархом и подданным. <...> Самодержавная власть легитимирована не только законом Божьим, но также сердечными чувствами подданных»[11].

По мнению И. Клейна, Державин избирает кротость в силу следующих причин: общественно-политических («кроткий» император сменяет «свирепого» отца); в силу авторской установки на «панегирическую искренность», когда «правдивый поэт» может воспевать лишь явленные добродетели и поступки (к моменту коронации о них еще трудно было судить в полной мере); наконец, «образ кроткого молодого императора», как утверждает Клейн, «отвечал как нельзя лучше вкусу модного тогда сентиментализма. <...> В оде „Кротости“ сентиментализм заметен не только в тематике, но также в ряде стилистико-тематических подробностей»[12]. Следовательно, это произведение отвечает общей тенденции позднего Державина в его движении к сентиментализму, замене «умственного созерцания» чувством[13].

Сентиментальная окраска в данном случае специфична. «Отождествляя Александра с аллегорической „Кротостью“, — замечает И. Клейн, — Державин окружает его женским ореолом. <...> С „женской“ властью Александра русские подданные избавлены от „мужского“ тиранства Павла I»[14].

Мы можем несколько дополнить наблюдения и выводы ученого благодаря счастливой находке в библиотеке ИРЛИ РАН. Здесь хранится несколько экземпляров издания «Гимна Кротости», один из которых — в составе тематического конволюта[15]. Речь идет о подлинном раритете, который заслуживает особого рассказа.

Составитель его неизвестен. На корешке позднего (второй половины XIX в.) владельческого переплета вытиснено: «Оды, песни, послания и стихи на разные случаи. III». Перед нами третья часть собрания окказиональных произведений, которая всецело посвящена событиям 1801 года. Она включает 32 произведения, вышедших отдельными изданиями. Они принадлежат как именитым авторам, в числе которых Г. Р. Державин, В. В. Измайлов, Н. М. Карамзин, А. Ф. Мерзляков, М. М. Херасков, А. С. Шишков,

так и малоизвестным. Это произведения не только на восшествие на престол и коронацию Александра I, но и на другие «случаи»: на манифест «Об уничтожении Тайной экспедиции» (от 2 апреля 1801 г.) и на прибытие Александра I в Москву в сентябре 1801 года «к священному Миропомазанию и возложению на себя короны», как сказано, например, в заглавии оды П. Н. Приклонского.

Обращает на себя внимание тот факт, что все произведения, входящие в конволют, кроме оды А. С. Шишкова, были изданы в Москве, в Университетской или в Губернской типографиях. Можно предположить, что конволют имеет московское происхождение, восходит к одной из частных московских библиотек. Впоследствии он был приобретен Н. П. Лихачевым и поступил в составе его книжного собрания в БАН, а затем в библиотеку Пушкинского Дома.

Если оценивать конволют как своего рода поэтический сборник, то следует признать, что художественный уровень его невысок. Стихи изобилуют риторическими фигурами, одическими штампами, а порой откровенно беспомощны. Тем не менее, в русле окказиональной литературы этот сборник, на наш взгляд, представляет собой примечательное явление. Его художественное несовершенство искупается искренним, подлинным чувством национальной радости, подъема, светлых надежд на будущее. Это чувство абсолютно единодушно, им согреты буквально все произведения. Перед нами в полном смысле документ эпохи; не только художественный, но и своеобразный исторический памятник, «специфическая форма политической литературы», как писал И. Клейн, характеризуя в целом панегирическую поэзию[16].

Конволют дает богатейший материал для сопоставительного анализа. Стихотворение Державина может быть рассмотрено в составе целого корпуса панегирических произведений, вызванных одним и тем же событием. «Гимн Кротости» заметно выделяется на общем фоне как наиболее тематически цельное и художественно совершенное произведение. Необычно уже само название, его лаконизм и жанровая характеристика («гимн»), в то время как преобладают оды и песни с пышными, многоречивыми заголовками, осложненными этикетными формулами, изъявлениями

верноподданнических чувств и пр. Более сдержанны заголовки стихотворений Н. М. Карамзина, который откликнулся на оба события 1801 года («Его Императорскому Величеству Александру I, самодержцу Всероссийскому, на восшествие его на престол» и «На торжественное коронование Его Императорского Величества Александра I, самодержца Всероссийского»), и некоторых других авторов, но все они содержат указания на адресата и сам «случай». В этом смысле «Гимн Кротости» составляет абсолютное исключение.

Лаконизму названия соответствует лаконизм художественного оформления, также совершенно особенный. Текст обрамлен двумя, как писал Я. К. Грот, «плохими виньетками, представляющими двух Эротов, которые украшают цветами щит»[17]. Имеется в виду типовая гравюра, воспроизведение которой встречается в изданиях некоторых других панегирических произведений 1801 года, отпечатанных в Типографии Московского университета.

В художественном плане произведение Державина отличает единство темы и последовательность ее раскрытия. Вообще, мотив кротости или ангельской кротости, уподобление Александра I ангелу можно назвать сквозным. Приведем несколько примеров:

Мир, Кротость, Истина воссели
С Тобой на трон...

М. Невзоров

Россия участью блаженной
На Троне — Ангела днесь зрит!!!

И. Похвиснев

Северный великий трон
Небесна Кротость озаряет!

П. Сохацкий

Как Ангел Божий Ты сияешь
И благостью, и красотой.

Н. Карамзин

Но если большинство авторов, как пишет И. Клейн, «придерживается принципа тематического разнообразия и „прекрасного беспорядка“, канонизированного Буало», то в «Гимне Кротости» «осуществлен принцип композиционного единства: весь текст строится вокруг одной темы — кротости»[18]. Именно в этом, на наш взгляд, заключается своеобразие, причем не только композиционное, державинской оды. Оно свидетельствует о большей поэтической зрелости, о преодолении или, во всяком случае, интерпретации жанровых канонов.

***

Обратимся к вопросу об источнике текста обнаруженного письма. Речь пойдет об эпохе, весьма отдаленной относительно времени его написания.

Документ выявлен в так называемом «Свербеевском сборнике», хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ, в архиве Александра Дмитриевича Свербеева (1835–1917), государственного деятеля, сына известного мемуариста Д. Н. Свербеева и его жены Екатерины Александровны[19]. «Свербеевский сборник» уже не раз становился предметом внимания исследователей. Так, в сравнительно недавно вышедшем в серии «Литературные памятники» издании «Моих записок» Д. Н. Свербеева о нем сообщается следующее:

> В 1910-е годы изучением и публикацией наследия семьи Свербеевых занялся один из самых заметных археографов и архивистов того времени и одновременно близкий родственник Д. Н. Свербеева — князь Николай Владимирович Голицын, директор Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел, супруг внучки мемуариста, Марии Дмитриевны Свербеевой. <...> Более 70 писем из архива Свербеевых были подготовлены Н. В. Голицыным к изданию в сборнике памяти Александра Дмитриевича Свербеева... предполагавшемся к выходу в книгоиздательстве «Огни» (в 1917–1918 гг.). Это переписка супругов Свербеевых... с известными

современниками, такими как братья Тургеневы, Аксаковы, Языков, Чаадаев, Кошелев, Самарин и др. Из этой большой подборки писем... увидели свет лишь три письма П. Я. Чаадаева... и письма Е. А. Свербеевой к А. И. Тургеневу и Е. А. Боратынского к Д. Н. Свербееву, касающиеся А. С. Пушкина (в сборнике «Московский пушкинист»). Все письма были снабжены подробными комментариями, некоторые, без указания авторов, — атрибутированы[20].

Действительно, сборник производит впечатление подготовленной к печати рукописи. Тексты писем — в собственноручных копиях Н. В. Голицына или в отредактированных им писарских и машинописных копиях. Все примечания составлены его рукой. Сборник структурирован по персональным разделам. Каждый посвящен одному из корреспондентов супругов Свербеевых; иногда помимо писем встречаются документы иного происхождения. Самый большой из разделов — П. Я. Чаадаева, двоюродного брата Е. А. Свербеевой.

Письмо Державина находится в довольно обширном разделе «Из бумаг А. И. Тургенева»[21]. С четой Свербеевых Александра Ивановича Тургенева (1784–1845), сына И. П. Тургенева, связывали отношения близкого знакомства, основанного на общности интеллектуальных, литературных интересов, на своего рода «московском патриотизме». К тому же А. И. Тургенев был неравнодушен к Е. А. Свербеевой, хозяйке известного московского салона. С момента отъезда Тургенева за границу в 1825 году и до самой его кончины между ними велась оживленная переписка (Д. Н. Свербееву Тургенев писал гораздо реже).

Одна из важных и пока недостаточно изученных страниц темы «Свербеевы и А. И. Тургенев» связана с судьбой архива братьев Тургеневых. Примечание Н. В. Голицына к указанному разделу содержит важное в этом отношении свидетельство: «Среди бумаг А. Д. Свербеева сохранилось несколько документов, принадлежавших к архиву А. И. Тургенева; бумаги последнего после его смерти были взяты на хранение Е. А. Свербеевой и потом пересланы в Париж к его брату Николаю Ивановичу. Небольшая часть их осталась,

однако, у Е. А. Свербеевой; ниже напечатанные документы заимствованы из этой части Тургеневского архива»[22]. Раздел открывается копией письма Державина, выполненной рукой Н. В. Голицына. Местонахождение подлинника остается неизвестным.

***

Нынешняя находка неопубликованного письма Державина И. П. Тургеневу не единственная за последнее время. Сравнительно недавно Н. Д. Кочеткова обнаружила в архиве братьев Тургеневых два ранее неизвестных письма Державина, связанных с переводом его оды «Бог» на французский язык воспитанниками Благородного пансиона при Московском университете В. А. Жуковским и С. Е. Родзянко.

Этот сюжет, известный ранее фрагментарно благодаря письму юных переводчиков, которым они снабдили посылаемый Державину перевод[23], и адресованному им ответному четверостишию Державина («Жуковскому и Родзянке, приславшим с большими похвалами автору перевод его оды „Бог“ на французском языке»), реконструирован Н. Д. Кочетковой во всей его полноте[24].

Он дополнен двумя новонайденными письмами Державина: И. П. Тургеневу (от 3 февраля 1799 г.)[25] и Жуковскому и Родзянке (от 5 февраля 1799 г.)[26]. Оба письма — благодарственные, причем последнее завершается упомянутым четверостишием, которое впоследствии оторвалось от текста письма и воспроизводилось как самостоятельное стихотворное произведение[27]. Кроме того, Н. Д. Кочеткова указывает на существование еще двух ранее неизвестных писем. Первое из них (И. П. Тургенева Державину от 20 января 1799 г.) послужило прологом к вышеупомянутой истории: с ним директор Московского университета и отправил перевод своих питомцев. Местонахождение этого письма неизвестно.

Второе было написано спустя короткое время, но по иному поводу. В РГАЛИ в архиве братьев Тургеневых исследовательница обнаружила отпуск письма Державина И. П. Тургеневу от 22 февраля 1799 года, «написанный очень неразборчиво», в связи с чем лишь изложила его содержание[28]. Державин

благодарит И. П. Тургенева за письмо от 14 февраля, с которым тот послал ему «книжку Пореджа». Имеется в виду, как пишет Н. Д. Кочеткова, книга английского мистика Дж. Пордеджа «Божественная и истинная метафизика, или Дивное и опытом приобретенное ведение невидимых и вечных вещей...», в переводе которой участвовал И. П. Тургенев[29].

Таким образом, на сегодняшний день известно о восьми письмах, составляющих переписку Державина с И. П. Тургеневым, причем выявлены тексты только четырех из них, включая ныне публикуемое. О четырех письмах мы располагаем вполне достоверными данными в виде упоминаний об их отправлении или получении. Приведем полный хронологический перечень этих эпистолярных документов:

1) 1791, дек. 24. Москва. Тургенев — Державину. Поздравление с новой должностью[30].

2) 1799, янв. 20. Москва. Тургенев — Державину (с приложением перевода оды «Бог» и письма переводчиков, Жуковского и Родзянки). Местонахождение письма неизвестно[31].

3) 1799, февр. 3. Державин — Тургеневу: благодарность за перевод оды «Бог» с приложением письма Жуковскому и Родзянке[32].

4) 1799, февр. 14. Тургенев — Державину с приложением перевода сочинения Дж. Пордеджа. Местонахождение письма неизвестно[33].

5) 1799, февр. 22. Державин — Тургеневу: благодарность за «книжку Пореджа» и посылка собственного стихотворения «по случаю отъезда фельдмаршала Суворова» («Орел)[34].

6) 1801, окт. 6. <Москва>. Державин — Тургеневу[35].

7) 1803, <февраль?>. Москва. Тургенев — Державину в связи с предполагаемой отставкой от должности директора Московского университета. Местонахождение неизвестно. Упоминается в письме И. В. Лопухина Тургеневу[36].

8) 1803, <февраль?>. Петербург. Державин — Тургеневу (ответное письмо). Местонахождение неизвестно[37].

Как видим, переписка имела ситуативный характер и касалась служебных дел, масонских увлечений обоих корреспондентов и отчасти литературного творчества Державина.

Выявленный эпистолярный корпус закономерно подводит к теме истории взаимоотношений Державина и И. П. Тургенева — теме, которая до сих пор остается невыясненной. Помимо писем мы не располагаем какими-либо свидетельствами, документирующими это знакомство. Более того, неизвестно, было ли оно личным или только заочным, по переписке. Вместе с тем, его истоки и основания достаточно очевидны: они восходят к взаимоотношениям Державина с кругом «московских мартинистов», деятельным членом которого, как известно, был И. П. Тургенев. В этом отношении особую ценность представляет названное выше письмо Державина И. П. Тургеневу от 22 февраля 1799 года.

Следовательно, речь должна идти о десятилетии, которое объемлет деятельность новиковского Дружеского ученого общества и Типографической компании (1782–1791). В этот период у Державина сложились дружеские и деловые отношения с Н. И. Новиковым, князем Н. Н. Трубецким, М. М. Херасковым, А. А. Ржевским — наиболее видными масонами последней трети XVIII века.

Получив в сентябре 1784 года назначение в Олонецкую губернию на должность наместника, Державин приобрел у Типографической компании около 300 книг, многие из которых были масонской тематики[38].

Один из самых известных эпизодов этих отношений приходится на время губернаторства Державина в Тамбове, где при непосредственном участии Н. И. Новикова он открыл Вольную типографию и состоял комиссионером Типографической компании по распространению в Тамбове изданных ею книг. Новиков в письме Державину от 11 декабря 1786 года называет распространение книг «общим нашим делом» и при этом сообщает: «Ваши московские друзья все, слава Богу, здоровы и свидетельствуют вам... искреннейшее свое почтение»[39].

Действительно, уже первое из указанных писем (И. П. Тургенева Державину от 24 декабря 1791 г.) свидетельствует о давно сложившихся отношениях, основанных на сердечной склонности, глубоком уважении личных качеств, согласных с идеалами масонской этики, на признании неоспоримых заслуг Державина

как государственного деятеля. В нем Тургенев поздравляет Державина с новой должностью — статс-секретаря императрицы Екатерины II, что знаменовало одну из вершин его карьеры; друзьям же сулило некоторые надежды. Письмо написано накануне разгрома «московских мартинистов» — спустя месяц после подписания «акта разрушения» Типографической компании (ноябрь 1791 г.), последовавшего затем процесса по делу Новикова, опалы и ссылки самого Тургенева в Симбирскую губернию (1792–1796). Таков подтекст этого письма, который позволяет ввести его в круг документов, иллюстрирующих взаимоотношения Державина с масонами. Приведем его текст:

> М<илостивый> г<осударь> мой, Г<авриил> Р<оманович>. Следуя больше чувствованиям сердца моего, нежели введенному обычаю, приношу в<аше>му пр<евосходительству> искреннее мое поздравление с наступающим новым годом. Сердечно желаю, чтобы вы в течение его насладились новыми веселиями, новыми удовольствиями и исполнениями желаний ваших. На сих днях узнал я от Михайла Матвеевича (Хераскова. — *Н. Х.*), что Ея Величеству угодно стало поручить вам новую должность. Зная вас, я обрадовался; уверен будучи, что чрез сие откроется в<аше>му пр<евосходительству> больший случай быть полезным не только тем, кои вас знают, но и многим другим. Теките, постигайте цель, предпоставленную всем любящим честь и добродетель.
>
> С нелицемерным почтением и душевною преданностию имею честь быть в<аше>го пр<евосходительства> всепокорным и всепослушным слугою
>
> Иван Тургенев[40]

Мы не располагаем документами, позволяющими судить об участии Державина в судьбе опального Тургенева. Важную услугу он оказал ему позднее, в 1803 году, когда служебное положение Тургенева, как пишет Н. Д. Кочеткова, «резко изменилось: в связи с преобразованием (Московского. — *Н. Х.*) университета и упразднением должности директора его 21 ноября 1803 года

уволили в отставку. В письмах к Н. Н. Новосильцеву, И. В. Лопухину, Г. Р. Державину Тургенев просил предоставить ему место в Сенате. В этом ему отказали, но, по ходатайству Державина, он получил пенсию в размере жалованья — 1875 руб.; кроме того, его наградили орденом св. Анны 1-й степени»[41]. Именно этими обстоятельствами были вызваны последние два письма, указанные в нашем списке.

Выявленный эпистолярный корпус отнюдь не претендует на полноту. Анализ взаимоотношений Державина и Тургенева убеждает в том, что переписка, скорее всего, началась раньше, в 1780-х годах. Наиболее очевидной задачей остается обнаружение четырех писем, известных только по упоминаниям. Несомненно также, что Тургенев ответил Державину благодарностью за его заступничество в 1803 году. Расширение данной документальной базы, как мы могли убедиться, открывает новые возможности и для исследования более широкой темы — Державин и русские масоны, многие аспекты которой были рассмотрены в статьях М. В. Иванова «Державин и Новиков»[42] и М. Аптекман «Державин и масоны (постановка вопроса)[43].

Примечания

1 РО ИРЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Ед. хр. 891. Л. 233.

2 Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 1: А–Д. М., 2000. С. 451.

3 Сочинения Державина: в 5 ч. СПб.: в тип. Шнора, 1808. Ч. 2. С. 254—256. Здесь же опубликован «Гимн Кротости» (С. 142–145).

4 Сочинения Державина. Т. 3. С. 563.

5 Московские ведомости. 1801. № 82 (12 окт.). С. 1930. В следующем номере объявление дополнено: «У них же (Секиотовых. — *Н. Х.*), Акохова и Козырева [в книжных лавках на Никольской] продаются: 1. Гимн Кротости, соч. г. Державина. М., 1801; цена 65 коп.» (Московские ведомости. 1801. № 83 (16 окт.). С. 1965). В последующих номерах «Московских ведомостей» это объявление продублировано (№ 84–86, 88). Сведений о «госпожах Секиотовых» обнаружить не удалось.

6 Сочинения Державина. Ч. 1. М.: в Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1798. Вышла только ч. 1.

7 *Клейн И.* Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина // Аониды: Сборник статей в честь Н. Д. Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 63–78.

8 Там же. С. 64.

9 Там же. С. 74.

10 Там же. С. 69.

11 Там же. С. 68.

12 Там же. С. 74–75.

13 См.: *Алексеева Н. Ю.* Новая ода Державина // *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVIII—XIX веках. СПб., 2005, С. 308–354.

14 *Клейн И.* Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина. С. 77–78.

15 Библиотека ИРЛИ. № 45 11/35.

16 *Клейн И.* Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne. 2015. № 2. С. 36.

17 Сочинения Державина. Т. 2. С. 382.

18 *Клейн И.* Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина. С. 65.

19 РО ИРЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Ед. хр. 891.

20 *Медведева Т. В.* Дмитрий Николаевич Свербеев как зеркало русской мемуаристики // *Свербеев Д. Н.* Мои записки / Изд. подгот. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М., 2014. С. 689.

21 РО ИРЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Ед. хр. 891. Л. 232–256.

22 Там же. Л. 232.

23 Сочинения Державина. Т. 6. С. 83–84. То же: Т. 8. С. 769.

24 *Кочеткова Н. Д.* Два неизвестных письма Державина // Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 7. СПб., 2011. С. 3–9.

25 РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. ст. 537. Л. 106–106 об.

26 Там же. Л. 107–107 об.

27 Впервые: Сочинения Державина. Т. 3. С. 378; также: Т. 8. С. 770.

28 РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. № 13. Л. 1–2.

29 *Кочеткова Н. Д.* Два неизвестных письма Державина. С. 8–9.

30 Сочинения Державина. Т. 5. С. 781.

31 *Кочеткова Н. Д.* Два неизвестных письма Державина. С. 6.

32 Там же.

33 *Кочеткова Н. Д.* Два неизвестных письма Державина. С. 8.

34 РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–2. Сведения о письме и его содержании см.: *Кочеткова Н. Д.* Два неизвестных письма Державина. С. 8–9.

35 Публикуется в настоящей статье. С. 38.

36 Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневники А. И. Тургенева геттингенского периода (1802–1804). СПб., 1911. С. 481.

37 Там же.

38 Счета за книги были приложены к письму Н. И. Новикова Державину от 12 декабря 1786 г. (Сочинения Державина. Т. 6. С. 646–649). Созданный на их основе Каталог приобретенных Державиным книг см.: *Морозова Н. П., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. трудов. [Вып. 1]. СПб., 2004. С. 121–184.

39 Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 44, 302.

40 Сочинения Державина. Т. 5. С. 781.

41 *Кочеткова Н. Д.* Тургенев Иван Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 289.

42 *Иванов М. В.* Державин и Новиков // XVIII век. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1978. С. 77–86.

43 *Аптекман М.* Державин и масоны (постановка вопроса) // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. IV. Гаврила Державин. Симпозиум, посвященный 250 летию со дня рождения / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфильд; Вермонт: Русская школа Норвичского университета, 1995. С. 23–28.

В. С. Трофимова

О книге «Смерть Марии Стюарт» с посвящением составителя Е. Филиповского Д. А. Державиной

В 1803 году в Москве вышла из печати книга «Смерть Марии Стуарт [Стюарт]...»[1] — альбом из семи гравюр и «краткого описания жизни» знаменитой шотландской королевы. Составителем текста был Ефрем Акимович (Ефимович) Филиповский (ок. 1750 — ок. 1815), который посвятил свой труд Дарье Алексеевне Державиной, супруге поэта.

Остановимся подробнее на фигуре составителя книги. Писатель, историк, компилятор Е. Филиповский с 1765 по сентябрь 1774 года состоял на военной службе, в отставку вышел с чином прапорщика[2]. Спустя три года вернулся на военную службу и с октября 1777 до 1781 года служил в Луганском пикинерном полку[3], уйдя в отставку в чине секунд-майора (примечательно, что в тоже время этим полком командовал М. И. Голенищев-Кутузов). С 1782 по 1796 год трудился в Московском казначействе статных сумм, где дослужился до чина коллежского советника[4].

После выхода в отставку Филиповский занялся изданием гравированных книг. Наибольшую известность он получил как составитель иллюстрированного труда «Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний великих князей российских, царей, императоров и их пресветлейших супруг и детей...» в трех частях (Москва: в типографии Платона Бекетова, 1805, 1807, 1810), более знакомого как «Пантеон российских государей». М. Е. Ермакова называет эту книгу одним «из самых

известных изданий начала XIX в.»[5] и отмечает, что «„Пантеон“ Филиповского представляет собой хронологическое изложение российской истории. Текст поделен на главы, посвященные деяниям правителей, каждая глава сопровождается изображением правителя. Всего в трех выпусках содержится 89 гравированных портретов — это самая подробная иконография российских правителей от Рюрика до Александра I»[6]. Среди граверов Ермакова выделяет Алексея Агапиевича Осипова (ок. 1770–1850). Это «крепостной Филиповского, обучавшийся в школе Бекетова рисованию у художника Ф. Ф. Кюнеля, а гравированию у выпускника Академии художеств Н. И. Соколова»[7]. Ровинский дает дополнительные сведения об Осипове: «обучал граверов Бекетовской школы, из крепостных людей Бекетова. Умер в Москве в глубокой старости в 1850 году»[8]. А. А. Осипов состоял гравером при Московском обществе испытателей природы.

М. П. Лепехин считает Е. Филиповского учеником и подражателем Тимофея Семеновича Мальгина (1752–1819), автора краткого учебника по русской истории «Зерцало российских государей». Кроме того, он называет Филиповского «плодовитым плагиатором», так как тот почти полностью переписал текст третьего издания «Зерцала» при составлении подписей к гравюрам «Пантеона российских государей»[9].

В одном из изданий первой части «Пантеона» (1805) сохранился приложенный лист «Известие для желающих иметь книги, коим заглавие следующее». В этом списке под первым номером значится «Собрание эстампов, изображающих различные степени и достоинства обитателей на земном шаре, в собственном их наряде, в четырех частях света, с историческим объяснением о их жизни и характерах». Об этой книге сказано, что она «для обучающихся детей весьма полезна, из коей без всякого обременения детской памяти могут почерпнуть достаточное сведение о всех частях света»[10]. В Государственном музее А. С. Пушкина в Москве имеется титульный лист первой части — «Европа». Под вторым номером значилась «Смерть Марии Стюарт», о которой будет сказано отдельно. Под третьим — «Старинная русская повесть „Суд Шемякин“ с баснями в стихах, с картинами гравированными».

Известно, что А. А. Осипов издал повесть со своими гравюрами еще в 1794 году. Вероятно, в «Известиях» имеется в виду более позднее издание этого произведения. Наконец, последним значилось «Родословное дерево российских императоров со времен Петра Великого до ныне благополучно царствующего Александра I, все десять портретов совершенного сходства, гравированы в Москве с оригинала Клаубера». Скорее всего, имеется в виду пальмовое дерево, на котором висели десять медальонов с портретами русских императоров, но кто именно их гравировал, неясно. Те же издания продавались в книжной лавке комиссионера Переплетчикова на Тверской, о чем свидетельствуют объявления о продаже книг[11].

Лист «Известия», а также газетные объявления позволяют узнать, что Е. Филиповский жил «в своем доме у Варварских ворот в приходе Всех святых, что на Кулишках»[12]. Это самая известная в Москве Всехсвятская церковь, по преданию, основанная Дмитрием Донским после победы на Куликовом поле (современный адрес — Славянская пл., 2).

Во второй части «Пантеона» приведена первая часть списка подписчиков на книгу, в котором присутствует супруга М. И. Голенищева-Кутузова Екатерина Ильинична[13]. Можно предположить, что Филиповский сохранил добрые отношения со своим бывшим командиром.

Среди подписчиков на «Пантеон российских государей» в третьей части мы находим Г. Р. Державина, который упомянут в одном списке с А. А. Аракчеевым и Г. И. Вилламовым[14]. В феврале 1811 года Филипповский посылает Державину последний том «Пантеона» с сопроводительным письмом следующего содержания:

> Ваше Высокопревосходительство!
> Милостивейший Государь!
>
> Вновь вышедшую из печати третью часть Пантеона Российских Государей при сем имею честь препроводить к Вашему

> Высокопревосходительству, препоручая сей слабый труд мой, а равно и самого себя милостивому Вашего Высокопревосходительства покровительству. Имею честь быть с беспредельным высокопочитанием и совершенною преданностию. Вашего Высокопревосходительства Милостивейшего Государя всепокорнейший слуга Ефрем Филиповский. Февраля дня 1811 года Москва. Его высокопревосходительству Гавриилу Романовичу Державину[15].

На обороте письма Державин пишет черновой вариант оды «К Меркурию»[16].

За два года до этого, в 1809 году, Державин переписывался с П. Бекетовым по поводу издания своих пьес «Евпраксия» и «Федра». Тот ответил, что «поставит себе за честь и удовольствие напечатать их в своей типографии», и просил заказать хорошие рисунки для гравирования заглавных листов, так как был низкого мнения о московских граверах[17]. Как отмечает Я. Грот, «дело, однако, на том и остановилось»[18].

Известно, что экземпляры «Пантеона российских государей» сгорели вместе с домом и типографией П. Бекетова во время пожара 1812 года, поэтому комплект издания в хорошей сохранности считается сейчас большой редкостью.

Из предисловия к первой части «Пантеона» мы узнаем, что Е. Филиповский обладал коллекцией монет, медалей и портретов, которую собирал несколько лет и которую использовал при иллюстрировании своего труда[19]. Он подносил гравированный портрет Е. Р. Дашковой ее сыну, князю Павлу Михайловичу Дашкову, между 1798-м и 1801 годом, генералу Александру Андреевичу Беклешову — его собственный, портрет Евдокии Лопухиной — сенатору Ивану Владимировичу Лопухину (все изображения работы А. А. Осипова).

Обратимся вновь к книге «Смерть Марии Стюарт...» и попытаемся понять, почему Филиповский посвящает ее супруге Державина. В начале обращения к Дарье Алексеевне составитель сразу вспоминает ее отца, Алексея Афанасьевича Дьякова:

Милостивейшая Государыня!

В прошедшем веке достопочтенный родитель Ваш по изящной доброте души своей и по отличному просвещению ума во многих науках приобрел бессмертную славу и отличное внимание и уважение к его достоинствам от всех вообще. К сим препрославленным добродетелям имел еще и сострадательное сердце к ближнему, так что будучи сам не богат, был милостив и щедр: он за великое удовольствие поставлял служить великому, поддержать равнаго, помочь нещастному, призрить нищаго, за что по справедливости заслужил любезное имя великаго мужа[20].

Саму же Дарью Алексеевну называет «истинной наследницей и подражательницей всех блистательных добродетелей любезных родителей»[21]. И далее уточняет:

...в доме Вашем вдова имеет прибежище, сирота покров, нищий пропитание, а всякой вообще благосклонно слово и ласковый прием; в числе коих и я имел щастие пользоваться многими благодеяниями покойного родителя Вашего, равно так, как и от Его Высокопревосходительства, любезного Супруга Вашего, в оказании мне в 1781-м году великого благодеяния в устройстве моего благосостояния, за что всегда порывался дух мой истинным усердием к засвидетельствованию моей искренней благодарности; но ни случай, ни обстоятельства не были соразмерны желанию моему; и наконец по многообразным моим покушениям нашел оной к величайшему моему удовольствию[22].

Если следовать хронологии, в 1781 году Е. Филиповский вышел в отставку и в 1782-м перешел на гражданскую службу, получив место казначея в Московском казначействе статных сумм. Державин мог оказать ему в этом содействие, так как еще в 1780 году вошел в число советников экспедиции доходов, а Московское казначейство статных сумм, образованное в 1779-м, подчинялось именно этой экспедиции.

Не ясно, какую роль в судьбе Филиповского сыграл А. А. Дьяков (1720–1791). Он был намного старше и его, и Державина. На службу поступил еще в 1733 году, а чин статского советника получил 22 сентября 1773 года. В 1778-м служил директором чертежной в Межевой экспедиции Сената. В 1780–1782 годах, как пишет С. Д. Дзюбанов, имел большие проблемы по службе[23] и вряд ли мог оказать содействие Филиповскому.

В конце Посвящения Филиповский снова связывает Дарью Алексеевну с ее супругом и отцом:

> Свойственные великой душе Вашей добродетели возбудили во мне смелость подносимый у сего посильный труд мой посвятить с глубочайшим благоговением знаменитому имени Вашего превосходительства в знак душевной моей признательности к тем отличным благотворениям, которыя любезной родитель Ваш и Супруг изъявлять мне изволили, к коим столько же благоуспешно расположена и Ваша добродетельная душа.
>
> Я за великое щастие сочту, ежели удостоите сию малую, но от искреннего сердца моего представляемую жертву принять с таковою милостивою благосклонностию, с каковою изволите изливать ваши благотворения под бременем несчастья томящемуся человечеству, вменяя себе в особливую честь с истинным высокопочитанием и нижайшею преданностью на всю жизнь мою именоваться
>
> Вашего Высокопревосходительства
> Милостивейшая Государыня
> всепокорнейшим слугою
> Ефрем Филиповский[24].

Обратимся теперь непосредственно к альбому гравюр и жизнеописанию Марии Стюарт. Н. А. Елагина в статье «„Часовник Марии Стюарт“ в Российской национальной библиотеке» отмечает, что в России интерес к истории Марии Стюарт заметно возрос в период французской революции, и современники «усматривали некую историческую параллель между казнью Марии-

Антуанетты и свершившейся более 200 лет тому назад казнью шотландской королевы. В этот период библиотеки русских дворян пополняются сочинениями по истории Англии и Шотландии, а также жизнеописаниями Марии Стюарт, принадлежащими перу французских и британских авторов. Некоторые из этих книг переводят на русский язык, тем самым делая их доступными более широкому кругу читателей. В 1803 году в Москве выходит в свет гравированный альбом „Смерть Марии Стюарт, королевы шотландской...“, представляющий собой копию серии гравюр, опубликованных в Лондоне в 1794 году»[25]. Сам Филиповский в Посвящении к книге пишет:

> Случайно попавшиеся мне Аглинские оригинальные эстампы, а при них и перевод с четырех языков Истории Марии Стуарт, в коих нашел много противоречия, и для того, сообразясь с достоверными Историками, оную сколько было возможно исправя сократил, и как кому угодно, переводом ли то, или сочинением почтут, для меня будет все равно. Но предмет мой не в том состоит, чтоб прославиться сочинителем; но единственное желание мое, исполнить долг обязанности, ознаменовать память друга человечеству признательною благодарностью пред лицем целого света, инаково всякое благотворение без обнаружения его осталось бы мертвым, а чрез то погас бы огонь расположенных сердец к благу человечества[26].

Примечательно, что автор упоминает некий четырехъязычный вариант истории Марии Стюарт. Такое издание обнаружить не удалось. Филиповский подписывает гравюры на трех языках — французском, немецком и русском. До издания эстампов 1794 года было еще одно, также предпринятое в Лондоне в 1790–1791 годах, где автором оригинальных рисунков был Джон Френсис Риго (1742–1810)[27], а гравером — Уильям Нельсон Гардинер (1766–1814)[28]. Гравюры сопровождались подписями на английском языке, которые, по всей видимости, восходили к тексту Берти Абингдона. Гравюра «Королева в темнице» была опубликована Теобальдом Монзани 1 мая 1791 года. Гравюры «Шествие королевы к месту казни»,

Смерть.

Маріи Стуартъ.

Королевы Шотландской послѣдовавшая въ 1587.го
годѣ февраля 18.го дня въ увеселительномъ Королевскомъ замкѣ въ Окс-фордѣ, историческое изъясненіе представленное
въ Сами Эстампахъ, гравированныхъ съ Англинскихъ оригиналовъ

(Съ пріобщеніемъ Краткаго описанія Ея
Жизни почерпнутой изъ достовѣрныхъ историковъ.
Ивана Кол. Сов. Ефр. Филиповскимъ.)

(Съ дозволенія Санктпетербургской гражданской цензуры.)

Москва 1805.

Въ Университетской типографіи у Н. Решетникова.

Ил. 24. Титульный лист книги «Смерть Марии Стуарт»

Ил. 25. «Королева в темнице». Гравюра А. А. Осипова (?). Конец XVIII в. — до 1803 г.

Ил. 26. «Шествие королевы к месту казни». Гравюра А. А. Осипова (?). Конец XVIII в. — до 1803 г.

Ил. 27. «Королева, молящаяся на коленях». Гравюра А. А. Осипова. 1796

Ил. 28. «Последние минуты ее жизни на эшафоте». Гравюра А. А. Осипова (?). Конец XVIII в. — до 1803 г.

Ил. 29. «Обезглавление королевы». Гравюра А. А. Осипова. Конец XVIII в. — до 1803 г.

Ил. 30. «Погребение королевы». Гравюра А. А. Осипова (?). Конец XVIII в. — до 1803 г.

Ил. 31. «Опущение гроба в могилу». Гравюра А. А. Осипова (?). Конец XVIII в. — до 1803 г.

«Королева, молящаяся на коленях» и «Обезглавление королевы» — 20 апреля 1790 года; «Погребение королевы» и «Опущение гроба в могилу» — 1 мая 1790 года. В издании серии гравюр 1794 года, о котором говорит Н. А. Елагина, был уже французский текст, а сами гравюры выполнены Антонио Дзеккином[29]. Именно эта серия предназначалась для французского рынка.

Гравюры для русского издания создал А. А. Осипов. Его подпись видна на третьей и пятой гравюрах. Возможно, именно он делал подписи собственно на гравюрах, если учесть грамматические ошибки (например, «магила» и др.). Первая из гравюр называется «Королева в темнице» (ил. 25). Подпись к ней в целом восходит к английскому оригиналу, но смущает слово «прево» вместо «шерифа», которое присутствует в русском и французском текстах в книге Филиповского, но отсутствует и в английском оригинале, и в подписи на французской гравюре. На второй гравюре показано «Шествие королевы к месту казни» (ил. 26). Подпись к гравюре Гардинера обнаружить не удалось. На третьей гравюре изображена «Королева, молящаяся на коленях» (ил. 27). Портрет самой Марии Стюарт напоминает портреты Марии-Антуанетты. Был также цветной вариант гравюры Гардинера 1790 года. На четвертой гравюре представлены «Последние минуты ее жизни на эшафоте» (ил. 28). Пятая гравюра показывает «Обезглавление королевы» — казнь Марии Стюарт (ил. 29). На шестой гравюре изображено «Погребение королевы» — похоронная процессия (ил. 30). Наконец, на последней, седьмой гравюре — «Опущение гроба в могилу» — собственно предание ее тела земле (ил. 31).

К альбому была также приложена «Жизнь Марии Стюарт, королевы французской и шотландской», изданная в Москве в типографии Платона Бекетова. Источник этого текста пока установить не удалось, но по сравнению с жизнеописанием Марии Стюарт, которое присутствовало во второй части «Истории о Философах и славных женах» Р. Бюри, изданной в русском переводе в 1804 году[30], текст Е. Филиповского отличается большей эмоциональностью и вниманием к деталям. В нем особо подчеркиваются многочисленные таланты несчастной шотландской королевы.

Первое английское издание гравюр о последних днях и смерти Марии Стюарт было пророческим, так как оно будто показывало будущую трагическую судьбу тогдашней французской королевы Марии-Антуанетты. Русское же издание, выполненное Е. Филиповским, представляло собой рефлексию на события недавнего прошлого во Франции. Остается загадкой, однако, почему в качестве объекта для посвящения составитель выбрал именно Дарью Алексеевну Державину.

Примечания

1 Смерть Марии Стуарт, королевы Шотландской, последовавшая в 1587-м году февраля 18-го дня в увеселительном королевском замке в Оксфорде, историческое изъяснение, представленное в семи эстампах, гравированных с Аглинских оригиналов. С приобщением краткаго описания Ея жизни, почерпнутой из достоверных историков. Издана Кол. Сов. Ефр. Филиповским. Москва: В Губернской типографии, у А. Решетникова, 1803. — [24], 9 с., 7 л. ил. Биографическому очерку предпослан титульный лист: Жизнь Марии Стуарт, королевы Французской и Шотландской. Издана Кол... Сов... Еф... Фил... Москва: В типографии Платона Бекетова, 1803.

2 РГВИА. Ф. 2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 12. Материалы разных экспедиций. Св. 118. Д. 54. Книга на выдачу патентов офицерам. Л. 98 об. Патент № 706, выдан 4 октября 1776 г.

3 Военную биографию Е. Филиповского отражают докумнты: РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 118. Д. 54. Л. 245. Патент на чин подпоручика, выдан 21 окт. 1777 г.; Там же. Л. 331 об. Патент № 282 на чин квартирмейстера, выдан 8 июля 1779 г.; Там же. Патент № 703 на чин капитана, выдан 4 окт. 1779 г. В послужном списке за январскую треть 1780 г. Филиповский числился полковым квартирмейстером; Там же. Л. 352 об.

4 Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на Лето от Рождества Христова 1796. СПб.: Императорская академия наук, 1796. С. 37.

5 *Ермакова М. Е.* «Пантеон российских государей» Ефрема Филиповского и иконография русских правителей // Румянцевские чтения — 2020. Материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2020. С. 270.

6 Там же. С. 271.

7 Там же.

8 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: в 4 т. Т. 4. СПб., 1886–1889. Стб. 717.

9 *Лепехин М. П.* Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 72–73.

10 Известие для желающих иметь книги, коим название следующее // *Филиповский Е. Е.* Пантеон Российских государей: в 3 ч. Ч. 1. М., 1805–1810. [С. 170].

11 Московские ведомости. 1804. № 94. 23 нояб. С. 1634; 1804. № 95. 26 нояб. С. 652.

12 Там же.

13 *Филиповский Е. Е.* Пантеон Российских государей. Ч. 2. [С. 3].

14 *Филиповский Е. Е.* Пантеон Российских государей. Ч. 3. [С. 135].

15 ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Оп. 1. Т. 1. Л. 333.

16 См.: *Морозова Н. П.* Летопись жизни и творчества Г. Р. Державина: 1811 год // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 16. СПб., 2022. С. 158.

17 См.: Сочинения Державина. Т. 6. С. 228–229.

18 *Грот Я. К.* Жизнь Державина // Сочинения Державина. Т. 8. С. 888.

19 *Филиповский Е. Е.* Предуведомление // *Филиповский Е. Е.* Пантеон Российских государей. Ч. 1. [С. 3].

20 Смерть Марии Стуарт... [С. 5].

21 Там же.

22 Там же.

23 Подробнее см.: *Дзюбанов С. Д.* «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 4. СПб., 2008. С. 5–56.

24 Смерть Марии Стуарт... [С. 6–7].

25 *Елагина Н. А.* «Часовник Марии Стюарт» в Российской Национальной библиотеке (к вопросу об истории рукописи Lat. Q.v.I.112) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 35. 2016. С. 403.

26 Смерть Марии Стуарт... [С. 6].

27 Живописец Дж. Риго, член Королевской академии художеств (Лондон), работал в жанрах портрета и исторической живописи. По происхождению француз, но карьеру художника построил в Англии. Есть сведения, что

в 1791–1792 гг. выставлял в Королевской академии художеств серию рисунков, посвященных последним часам, казни и похоронам Марии Стюарт. Он следовал иконографической традиции контрреформации, в которой доказывалось мученичество Марии Стюарт. Эти рисунки заказал ему в 1789 г. английский композитор Уиллоуби Берти Абингдон, 4-й граф Абингдона (1740–1799), покровитель Йозефа Гайдна. Они предназначались для семичастного хорового произведения «Представление казни Марии, королевы шотландской» (Representation of the Execution of Mary Queen of Scots in Seven Views, 1790). Имелся также вариант в четырех частях, написанный для «Синих чулок» — известного английского женского клуба XVIII в. Автор стремился к синтезу музыки, поэзии и живописи. К каждой картине была написана собственная музыка.

28 Английский (ирландский) гравер У. Гардинер родился в Дублине, там же получил художественное образование. Награжден серебряной медалью Дублинской академии. В Лондоне работал художником и актером, позже стал гравером. Как живописец выставлялся в Королевской академии художеств в 1787, 1792 и 1793 гг. Бросив профессию гравера, вернулся в Дублин и в мае 1814 г. покончил жизнь самоубийством, не выдержав нищеты.

29 А. Дзеккин родом из Бассано, работал в Милане. Иных биографических сведений найти не удалось.

30 *Бюри Р.* Краткая история о философах и славных женах: в 2 ч. Ч. 2. М.: в Типографии Х. Клаудия, 1804. С. 402–407.

К. М. Гусарова

Цветовые и световые обозначения в лирике Г. Р. Державина 1778–1816 годов

Цветовая составляющая поэзии Гавриила Романовича Державина служила объектом изучения целого ряда исследователей. С разных сторон ее рассматривали С. С. Аверинцев, Т. А. Алпатова, О. М. Гончарова, Е. Я. Данько, Д. В. Ларкович, К. А. Поташова, Н. Б. Русанова и другие ученые. В настоящей публикации использован статистический метод, который позволил наглядно показать разнообразие прямых обозначений цвета и света в стихотворениях Державина, опубликованных Я. К. Гротом в академическом издании сочинений поэта (Т. 1–9. СПб., 1864–1883), на которое даются ссылки с указанием тома и страницы.

Державинская палитра представлена следующими цветами и их оттенками: красный (76 упоминаний), пурпурный (6), розовый (8); желтый (9), палевый (1), коричневый (1); зеленый (33); синий (30), голубой (37), бирюзовый (1), сизый (5); черный (34), белый (28); золотой (60), серебряный (18).

Поэзию Державина называют говорящей живописью. Нередко, подобно художнику, он «смешивает» цвета (например, *сребророзовый*, *чернобагровый*). Выявлено 26 таких случаев. Образная картина стихотворения может включать обилие эпитетов цвета, становясь многоцветной. Приводится 21 подобный пример.

В публикуемом ниже списке помимо прямого названия цвета учитываются производные от него слова разных частей речи

(например, *багряный* и *обагрился*) и синонимичные понятия (например, *красный, румяный, багряный*).

К обозначениям света относятся следующие слова: блеск (69), луч (47), свет (30), сияние (29), молния (16), сверкание (11); огонь (43), горение (12).

Хочется надеяться, что результаты статистического подхода к анализу поэзии Державина послужат новым импульсом для изучения ее цветовых и световых образов.

ЦВЕТ

Красный

«*Румяная* заря глядит из темных туч...» («Невесте», 1778. 1, 60); «Глядится *красная* заря...» («Ключ», 1779. 1, 78); «*Багряным* брег твой становится...» (Там же. С. 79); «...и солнце *красно*» («На рождение в севере порфирородного отрока», 1779. 1, 83); «...Солнцу *красному* подобно, / Счастье...» («На отсутствие ее величества в Белоруссию», 1780. 1, 96); «*Багряной* облечен зарею...» («На новый год», 1781. 1, 116); «...*Кровавая* луна блистала...» («На выздоровление мецената», 1781. 1, 120); «...Нам с поцелуем уст *багряных*!» (Там же); «За здравье выпьем жен *румяных*...» («Разные вина», 1781. 1, 126); «...Нам с поцелуем уст *пунцовых*...» (Там же. С. 127); «...*Румяный* взор свой осклабляет...» («Благодарность Фелице», 1783. 1, 154); «...*Румяною* зарей в ночи...» («На смерть графини Румянцовой», 1788. 1, 218); «Уже *румяна* осень носит...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 224); «*Румяна* Осень! — радость мира!» (Там же. С. 229); «Вокруг *багряная* заря...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 274); «Финн в море, бледный, *рыжевласый*...» (Там же. С. 275); «Вскинет тусклый и *багровый* / С скрежетом к нему свой взгляд» («К Эвтерпе», 1789. 1, 302); «*Багрово* зарево зияет...» (Там же. С. 342); «*Краснеет* понт...» (Там же); «Клокочут реки *рдяной* лавы...» («К Эвтерпе», 1789. 1, 342); «*Румяный* потемняют зрак...» (Там же. С. 351); «*Румянится* природы зрак...» («Любителю художеств», 1791. 1, 371); «*Румянились* эфир, моря...» («Описание Потемкинского

праздника», 1791. 1, 394); «...Что, как *румяный* луч зари...» («Водопад», 1791. 1, 469); «*Багряную* в устах зарю...» («К Каллиопе», 1792. 1, 505); «Целуя *раскрасневши* щеки...» («К Н. А. Львову», 1792. 1, 516); «...И век пятном наш *обагрили*?» («На панихиду Людовика XVI», 1793. 1, 534); «...Уж по челу и по ланитам / Проник *багряный* огнь...» («Провидение», 1794. 1, 566); «...Под *рдяной* играешь зарей...» («Ласточка», 1794. 1, 571); «...И роза вздохнет лишь *румяна*...» (Там же. С. 572); «Вина *багряна* чаша цельна...» («Радость о правосудии», 1794. 1, 596); «...едва заря / *Румянит* сквозь завес *червленных*» («Вельможа», 1794. 1, 630); «*Румяна* вечера заря!» (Там же); «Юная роза / Лишь развернула / *Алый* шипок...» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795. 1, 656); «Будто яблочки наливны, / *Рделись* щеки у него...» («Спящий Эрот», 1795. 1, 680); «Средь поздних, ранних *красных* зарь...» («Соловей», 1795. 1, 693); «Уж меч твой *обагрился* кровью...» («На покорение Дербента», 1796. 1, 744); «Из-за облак месяц *красный*...» («Потопление», 1796. 1, 750); «В *алых* устах...» («Пчелка», 1796. 1, 781); «Воружил лицом *багряным*...» («Бой», 1796. 1, 783); «Смеются в люльках и *алеют*...» («К Музе», 1797. 2, 57); «В *алых* тает их устах...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 84); «Под вечер *красный* собирались...» («Развалины», 1797. 2, 97); «...Или на пестрых, *краснооких*...» (Там же. С. 98); «*Багрит* стан ночью Гедеон...» («На Мальтийский орден», 1798. 2, 222); «...Запоешь про солнце *красно*...» («Пеночка», 1799. 2, 244); «За ним летит в доспехе *рдяном*...» («На переход Альпийских гор», 1799. 2, 289); «Тонущий тихо в юный, *рдяный* свет...» («Утро», 1800. 2, 318); «...То *алый* луч по них восколебался...» (Там же. С. 319); «Глазами *красными* блестит...» (Там же); «С их ланит, из *алой* краски...» («Охотник», 1802. 2, 428); «Птичек ты *багрил* в крови...» (Там же); «Мальчик! чашу соком *алым*...» («Хмель», 1802, 2, 440); «Зарею утренней *румяных*...» («Фонарь», 1804. 2, 467); «Который *обагрен* в крови?» («Монумент милосердию» 1805. 2, 524); «Наливая *алый* сок...» («Зима», 1805. 2, 530); «Запахом, *рдянцем* нимф сельских манят...» («Лето», 1805. 2, 545); «*Алое* облако сходит...» («Поход Озирида», 1805. 2, 570); «...*Красное* солнце к весне возвратит?» (Там же. С. 572); «Открой скорей

румянец твой...» («Распускающаяся роза» 1806. 2, 600); «Когда Авроры *алый* перст...» («На рождение великой княжны Елисаветы Александровны», 1806. 2, 606); «Зрю на *багрянец* зарь...» («Евгению. Жизнь Званская», 1807. 2, 634); «Если б *алый* луч Авроры...» («Поминки», 1807. 2, 666); «На *алом* засмеется радость...» («Альбаум», 1808. 2, 684); «Улыбнулася, *алея*...» («Плач царицы», 1808. 2, 689); «*Румянилась* заря...» («Целение Саула», 1809. 3, 17); «А как солнца луч *багряный*...» (Там же. С. 19); «Ланиты бледные *румянятся* зарею...» (Там же. С. 27); «...Любезный, но *багровый* луч!» («Предвестие», 1810. 3, 75); «Оставь *багряный* одр...» («Сретение Орфеем солнца», 1811. 3, 81); «...Вспылал *румяный* огнь в водах...» (Там же. С. 82); «Поля ль от вас, моря ль не много *обагренны*...» («Римскому народу», 1811. 3, 85); «...Как *алых* зарь отлив, на храм!» («На освящение храма Казанской Богородицы», 1811. 3, 106); «*Алой*, утренней зарей...» («Царь-девица», 1812. 3, 122); «И, гусли взяв в *багряну* длань...» («Гимн лиро-эпический», 1812. 3, 138); «...*Багрели* горы, *рдело* море...» (Там же. С. 139); «В лице луны *кровавый* цвет» («На смерть фельдмаршала князя Смоленского», 1813. 3, 166); «...*Багряною* зарей...» («Полдень», 1815. 3, 225).

Пурпурный

«Какие *пурпуры* огнисты...» («Ключ», 1779. 1, 78); «Подругу в *пурпурову* шаль...» («Капнисту», 1797. 2, 111); «Ни *пурпур*, что, как облак ясный, / На светлой блещет вышине...» («Об удовольствии», 1798. 2, 160); «Дар Богу, *пурпура* красней...» («Похвала сельской жизни», 1798. 2, 167); «То *пурпур* в ягодах, то бархат-пух грибов...» («Евгению. Жизнь Званская», 1807. 2, 636); «*Пурпур* — крылья, яхонт — шея...» («Царь-девица», 1812. 3, 127).

Розовый

«...В одежде *розовых* зарей?» («На шведский мир», 1790. 1, 309); «...По *розовым* летит зарям...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 355); «Вокруг твоей приятен шеи / *Розовый* и белый цвет...»

(«Люси», 1797. 2, 114); «...Ходили в *розовых* венках...» («Венец бессмертия», 1798. 2, 234); «На *розовых* крылах Темпейску...» («На брачные торжества», 1799. 2, 300); «В *розовы* уста, прекрасны...» («Мщение», 1805. 2, 551); «На *розовом* воспляшет младость...» («Альбаум», 1808. 2, 684); «И *розовым* огнем их чела золотились...» («Полдень», 1815. 3, 225).

Желтый

«...Падет на землю *желтый* лист...» («На смерть графини Румянцовой», 1788. 1, 215); «Как садятся *желты* пчелы...» («Анакреон в собрании», 1791. 1, 421); «В *желтых* власах...» («Пчелка», 1796. 1, 781); «Смотри, в проталинах *желтеют*, / Как звезды, меж снегов цветы...» («К Музе», 1797. 2, 57); «...По *желтым* среди роз тропинкам...» («Развалины», 1797. 2, 97); «*Желтые* грозды, сквозь лист продираясь...» («Лето», 1805. 2, 545); «...*Желтоглазого* сыча...» («Атаману и войску Донскому», 1807. 2, 652); «Лист *желтый*, например, надменность...» («Альбаум», 1808. 2, 684); «Древа *пожелкли*...» («Предвестие», 1810. 3, 75).

Палевый

«И *палевым* своим лучем / Златые стекла рисовала...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 158).

Коричневый

«*Коричными* чело власами...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 273).

Зеленый

«...Лес *зеленый*!» («На отсутствие ее величества в Белоруссию», 1780. 1, 100); «А на коврах полей *зеленых*...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 225); «...И в мраз *зелены* лавры жнет...» (Там же. С. 227); «...Которого *зеленый* лист...» («Истинное счастье»,

1789. 1, 269); «Как солнце грудь, в ткани *зеленой*, / Рукой метала семена...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 287); «Возвысь до облак лавр *зеленый*...» (Там же. С. 289); «Трав *зеленых* вянет лист...» («К Эвтерпе», 1789. 1, 302); «С горы *зеленой*, двухолмистой...» («Любителю художеств», 1791. 1, 362); «Ты ходишь по лугам *зеленым*...» (Там же. С. 371); «В *зеленых* муравах...» («Прогулка в Царском Селе», 1791. 1, 426); «Оливы свежи и *зелены*...» («Водопад», 1791. 1, 481); «Во мгле *темнозеленой* там...» («К Каллиопе», 1792. 1, 506); «На лугах ли вы *зеленых*...» («К Грациям», 1792. 1, 522); «...душа, / Спящая в лесах *зеленых*» («Пришествие Феба», 1797. 2, 61); «Там рощи в одежде *зеленой*...» («Ласточка», 1794. 1, 572); «На холме, сквозь *зеленой* рощи...» («Соловей», 1795. 1, 692); «Что шлем его и меч хоть в лаврах *зеленеют*...» («На пребывание Суворова в Таврическом дворце», 1795. 1, 710); «*Зелену* ризу надевает...» («К Музе», 1797. 2, 57); «*Зелень* всюду и цветки / Стелют по земле коврами...» («Возвращение весны», 1797. 2, 65); «В темной *зеленью* аллее...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 82); «*Зеленым* свесом покровенна...» («Развалины», 1797. 2, 94); «Когда тебя в *темнозелену*...» («Капнисту», 1797. 2, 111); «Увы! — вот тот *зеленый* дуб...» («На смерть Нарышкина» 1799. 2, 307); «Там, к плещущим ключам в *зеленый*, мягкий лог...» («Утро», 1800. 2, 320); «С долины мирные, *зелены*...» («Фонарь», 1804. 2, 467); «На дерну лежа *зеленом*...» («На пастуший балет», 1804. 2, 518); «Венцом *зеленым* увенчал...» («Г. Озерову на приписание Эдипа», 1807. 2, 580); «Земля *зеленой* стала...» («Соломон и Суламита», 1807. 2, 621); «Надежда на листках *зеленых*...» («Альбаум», 1808. 2, 685); «...*Зеленых* сумрак средь лесов?» («Тоска души», 1810. 3, 70); «Лежал я на травном ковре *зеленом*...» («Явление», 1810. 3, 73); «Долины злачны, холм *зеленый*...» («Тление и нетление», 1813. 3, 176); «...Или дремущих рощ злачно-*зелено* море...» («Полдень», 1815. 3, 228).

Синий

«Вдали начнет *синеться* лес...» («Ключ», 1779. 1, 79); «Небесный *синеватый* свод...» («На новый год», 1781. 1, 116); «Да, их

простря *сапфирны* крылы...» («Фелица», 1778. 1, 149); «Погнал стадами воздух *синий*...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 223); «...*Сафирные* свои они крыла...» («Победителю», 1789. 1, 233); «А там, по *синеве* небес...» («Величество Божие», 1789. 1, 238); «Как ангел в *синеве* эфира...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 293); «...От брызгов *синий* холм стоит...» («Водопад», 1791. 1, 458); «...кров — воздух *синь*...» (Там же. С. 474); «Смеющийся в очах *сапфир*...» («К Каллиопе», 1792. 1, 505); «Чуть *синий* ключ журча виется...» (Там же. С. 507); «На *синюю* Неву стоящу...» («Провидение», 1794. 1, 565); «На *посинелых* смерть устах...» (Там же. С. 566); «Там холм, *синий* лес отдаленной...» («Ласточка», 1794. 1, 572); «С ноздрей дым пышет *синеватый*...» («На взятие Варшавы», 1794. 1, 648); «С *синего* неба...» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795. 1, 656); «Очи светлые, *сапфирны*...» («Хариты», 1795. 1, 720); «...Чуть струилась *синева*...» («Крезов Эрот», 1796. 1, 779); «Сквозь небесный *синий* свод...» («Возвращение весны», 1797. 2, 65); «Здесь тек под *синий* свод небесный...» («Развалины», 1797. 2, 96); «Что ветры мне и *сине* море?» («Мореходец», 1802. 2, 443); «Воззря *сапфиром*...» («Поход Озирида», 1805. 2, 572); «Который, как весна, *сапфиром*, / Глядит на нас...» («Глас санктпетербургского общества», 1805. 2, 574); «Простерся *синий* дым полетом...» («Гром», 1806. 2, 594); «...меж *синих* льда бугров» («Персей и Андромеда», 1807. 2, 614); «*Синь* воздух, луг цветет...» («Соломон и Суламита», 1808. 2, 621); «Бегущи в тишине по *синю* волн стремленью...» («Евгению. Жизнь Званская», 1807. 2, 639); «На *синем* скупость вскрикнет, ревность...» («Альбаум», 1808. 2, 684); «По *синей* низлетел равнине...» («На освящение храма Казанской Богородицы», 1811. 3, 106); «Под небес *сапфирным* сводом...» («Жилище богини Фригги», 1812. 3, 114).

Голубой

«И понт как *голубой* пронзает звездный луч...» («Невесте», 1778. 1, 60); «Когда из понта *голубого*...» («Благодарность Фелице», 1783 1, 153); «На *темно-голубом* эфире...» («Видение

Мурзы», 1783. 1, 157); «И *светло-голубые* взоры...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 226); «Небес *лазурной* высотой...» («Величество Божие», 1789. 1, 237); «*Небесно-голубые* взоры...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 273); «Бросишь взоры *голубые*...» («К Эвтерпе», 1789. 1, 303); «Представь: по светлости *лазури*...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 347); «С небесных светлых гор дорогу *голубую*...» («Любителю художеств», 1791. 1, 365); «Вздув в ясном паруса *лазуре*...» («На умеренность», 1792. 1, 499); «С высот *лазурна* Геликона...» («Храповицкому», 1793. 1, 544); «На зыбком *лазуре* бездонном...» («Ласточка», 1794. 1, 571); «...С *голубых* была очей...» («К Анжелике Кауфман», 1795. 1, 663); «Стрелял с ее небесных / И *голубых* очей...» («Анакреон у печки», 1795. 1, 683); «Раздавшись неба по *лазурям*...» («Соловей», 1795. 1, 693); «Сквозь своды воздуха *лазурны*...» («Бессмертие души», 1797. 2, 4); «В *лазурну* воздуха равнину...» (Там же. С. 10); «...Где взоры *голубых* очес?» («На новый 1797 год», 1797. 2, 17); «...Небес в *лазури* / Еще горит его звезда...» («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797. 2, 36); «На небо, море *голубую*...» («К Музе», 1797. 2, 56); «Как с небес *лазурных* свет...» («Пришествие Феба», 1797. 2, 62); «Вмиг сокрылся блеск *лазуря*...» («Рождение Красоты», 1797. 2, 120); «С высот *лазурных* восклицанье...» («Урна», 1797. 2, 141); «Диана с *голубого* трона...» («На брак графини Литты», 1798. 2, 198); «В *голубом* твоем тюрбане...» («Варюша», 1799. 2, 252); «Белокур, *голубоок*...» («Беседа с Гением», 1801. 2, 390); «На *голубые* взоры нежно...» («Пирре», 1804. 2, 516); «...кроют неба *лазури*?» («Осень», 1805. 2, 555); «Чуть кажет *лазурь*...» («Четыре возраста», 1805. 2, 558); «...Где я очи *голубые* / Небесам подобно зрел...» («Водомет», 1808. 2, 706); «Меж гор *лазурных*, льдистых...» («В память Давыдова и Хвостова», 1809. 3, 32); «Эфира чистого *лазурна* даль...» («Явление», 1810. 3, 73); «Очи светлы *голубые*...» («Царь-девица», 1812. 3, 122); «...Темнили пылью свод *лазурный*...» («Гимн лироэпический», 1812. 3, 146); «Где в *голубых* полях эфира...» (Там же. С. 159); «В *лазурном* блещет отдаленье...» («Тление и нетление», 1813. 3, 178); «И синю, как в окно, чуть-чуть небес *лазурь*...» («Полдень», 1815. 3, 228).

Бирюзовый

«И средь туч там *бирюзовых*...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 77).

Сизый

«Уж в легких *сизых* облаках...» («К Каллиопе», 1792. 1, 505); «...О *милосизая* птичка!» («Ласточка», 1794. 1, 570); «*Сизы* расправя косицы...» (Там же. С. 572); «Ей милых, *сизых* голубков...» («Развалины», 1797. 2, 98); «*Сизые* враны, орлы быстропарны...» («Лето», 1805. 2, 545).

Черный

«Как по челу власы ты рассыпаешь *черны*...» («Невесте», 1778. 1, 60); «Вот *черно-тинтово* вино...» («Разные вина», 1781. 1, 127); «Бегут толпами тени *черны*...» («Благодарность Фелице», 1783. 1, 154); «...На класы с *черных* облаков...» («На смерть графини Румянцовой», 1788. 1, 214); «...Покров свой расстилает *черный*...» («Величество Божие», 1789. 1, 240); «...С красоткой чернобровой рядом...» («На счастье», 1789. 1, 252); «Дым *черный* клубом вверх летит...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 342); «И *черну* кровь ручьем из раны испуская...» («Любителю художеств», 1791. 1, 370); «И *черный* змей то сердце гложет...» (Там же); «*Черны* глаза поводите...» («Любителю художеств», 1791. 1, 372); «Он зрит одету в ризы *черны*...» («Водопад», 1791. 1, 471); «Глядясь, как месяц, в воды *черны*...» (Там же. С. 473); «И в смертный *черный* одр упал...» (Там же. С. 481); «Разжженный гром и *черный* дым...» (Там же. С. 487); «Ревут, и *черными* волнами...» («На умеренность», 1792. 1, 491); «Моя подруга *черноброва*...» («К Н. А. Львову», 1792. 1, 517); «Над ними *черна* тень, виясь...» («Колесница», 1793. 1, 526); «Рвет между *черных* волн...» («Буря», 1794. 1, 561); «И видишь и бури ты *черны*...» («Ласточка», 1794. 1, 572); «*Черная* туча, мрачныя крыла...» («На взятие Варшавы», 1794. 1, 642); «Пусть Даша статна, *черноока*...» («Другу», 1795. 1, 674); «В тучи

Феб, как в *черны* гробы...» («Рождение Красоты», 1797. 2, 120); «Сквозь тучи, вкруг лежащи, *черны*...» («На переход Альпийских гор», 1799. 2, 278); «...Подруга *чернокудрых* Муз!» («Первая песнь Пиндара Пифическая», 1800. 2, 329); «...*черные* бури, / Грохоча так...» («Осень, 1805. 2, 555); «*Черным* лишь власом вокруг / Щеки его отенила...» («Пиндарова олимпическая первая песнь», 1805. 2, 565); «...По *черных* воронов полету...» («Атаману и войску Донскому», 1807. 2, 649); «Тишина и *черна* ночь...» («Поминки», 1807. 2, 666); «*Черно-пламенные* очи...» («Геба», 1809. 3, 1); «*Черными* очей огнями...» («Аспазии», 1809. 3, 4); «Пустив на ветр, летят в призраках *черным* роем...» («Целение Саула», 1809. 3, 15); «И *черна* мравья путь во тьме...» («Идолопоклонство», 1810. 3, 54); «Брови *черные* дугой...» («Царь-девица», 1812. 3, 122); «На нас налегший облак *черный*...» («Гимн лиро-эпический», 1812. 3, 159).

Белый

«С *белыми* Борей власами...» («На рождение в севере порфирородного отрока», 1799. 1, 81); «...Тень *белая* на ней мелькала...» («На выздоровление мецената», 1781. 1, 121); «*Седым* волнуясь ковылем...» («Благодарность Фелице», 1783. 1, 154); «...Одежда *белая* струилась...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 162); «...Оленях *белых*, златорогих...» («Решемыслу», 1783. 1, 171); «...Лежит рассыпан *белый* пух...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 225); «*Седые* бури презирает...» (Там же. С. 227); «На станице птичек *белых*...» («Анакреон в собрании», 1791. 1, 421); «Вдали *белеет* на лиманах [флот]...» («Водопад», 1791. 1, 485); «...*белыми* горами / Вверх скачут с шумом корабли...» («На умеренность», 1792. 1, 491); «*Белы* горы идут мимо...» («Буря», 1794. 1, 562); «Уже хитон, *белейший* снега...» («Провидение», 1794. 1, 567); «Он, *белыми* взмахнув крылами...» («Флот», 1795. 1, 690); «...Сахар ли *белый* / Грудь у нее?» («Пчелка», 1796. 1, 781); «*Белы* парусы игривы...» («Возвращение весны», 1797. 2, 66); «...Снега самого *белее*...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 82); «Вокруг твоей приятен шеи / Розовый и *белый* цвет...» («Люси», 1797. 2, 114); «*Белы* голуби станицей...» («Рождение Красоты», 1797.

2, 121); «Конь *белый* всадником сверкает...» («На Мальтийский орден», 1798. 2, 220); «На *белы* груди любовался...» («Венец бессмертия», 1798. 2, 234); «Лебедь *белая* со мной...» («Стрелок», 1799. 2, 238); «Чела *белые* блестят...» («Русские девушки», 1799. 2, 246); «Покрылся *белым* париком...» («Птицелов», 1800. 2, 353); «Лебяжьей лоснюсь *белизной*...» («Лебедь», 1804. 2, 500); «Снега *белейшее* рамо...» («Пиндарова олимпическая первая песнь», 1805. 2, 563); «На *белых* листьях, в блеске слов...» («Альбаум», 1808. 2, 685); «В блестящих ризах *белизною*...» («Предвестие», 1810. 3, 77); «*Бел* буду я как снег» («Покаяние», 1813. 3, 174).

Золотой

«Наложит цепи *золотые* / На тьмы подвластных ей людей...» («На освящение Каменноостровского инвалидного дома», 1778. 1, 64); «И дождь *златый* к тебе лиется...» («К первому соседу», 1780. 1, 105); «Доколь текут часы *златые*...» (Там же. С. 106); «Но вдруг средь облака *златого*...» («На выздоровление мецената», 1781. 1, 123); «В *златом* сосуде сок врачебный...» (Там же); «Вот *злато*-кипрское вино...» («Разные вина», 1781. 1, 127); «...*Златая* плавала луна...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 157); «*Златые* стекла рисовала...» (Там же. С. 158); «...Оленях белых, *златорогих*...» («Решемыслу», 1783. 1, 171); «Иль волн *златых* кипящий сонм...» («Бог», 1784. 1, 199); «...Снопы *златые* на гумно...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 224); «Твоя супруга *златовласа*...» (Там же. С. 227); «...*Златая* бы струя бежала...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 286); «Идет осень *златовласа*...» («К Эвтерпе», 1789. 1, 302); «Продлишь *златые* наши годы...» («На шведский мир», 1790. 1, 310); «...По ним *златая* колесница...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 355); «Украшена венцом и поясом из *злата*...» («Любителю художеств», 1791. 1, 363); «И арфу *золотую*...» (Там же. С. 365); «...Рукой *златые* движа струны?» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 400); «С *позлащенным* легким луком...» («Анакреон в собрании», 1791. 1, 421); «Поя *златые* в нивах бреги...» («Водопад», 1791. 1, 487); «В власах я *злато* зрю...» («К Каллиопе», 1792. 1, 505); «В тенях

ночных поля *златы...*» (Там же. С. 506); «На нивах *златом* здесь пленившись...» («К Н. А. Львову», 1792. 1, 518); «Течет *златая* колесница...» («Колесница», 1793. 1, 524); «Уже колеса *позлащенны...*» (Там же. С. 527); «Там башню, как жар *позлащенну...*» («Ласточка», 1794. 1, 572); «Там нивы в венце *золотом...*» (Там же); «Звезду *златую...*» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795. 1, 656); «Тень *золотая...*» (Там же); «Шекснинска стерлядь *золотая...*» («Приглашение к обеду», 1795. 1, 665); «*Златой* кузнечик... сера мошка / Сюда не могут долететь...» («Гостю», 1795. 1, 671); «Пчелка *златая...*» («Пчелка», 1796. 1, 780); «Строй, Муза, арфу *золотую...*» («К Музе», 1797. 2, 56); «В кудрях *золото* течет...» («Пришествие Феба», 1797. 2, 62); «Чешуятся реки *златом...*» («Возвращение весны», 1797. 2, 65); «На помосте *золотом...*» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 82); «Ввил в власы пески *златые...*» («Рождение Красоты», 1797. 2, 121); «В эфирных ризах, *позлащенных...*» («Урна», 1797. 2, 141); «Линь *златой* по дну бежит...» («Параше», 1798. 2, 186); «Из кубка мед *златой* вкушал...» («Венец бессмертия», 1798. 2, 235); «Как их лентами *златыми...*» («Русские девушки», 1799. 2, 246); «*Златая* арфа Аполлона...» («Первая песнь Пиндара Пифическая», 1800. 2, 329); «А нужно где, то и *златой* / Рассыпал по местам пшеницы» («Птицелов», 1800. 2, 353); «*Златоструйчаты* власы...» («Венчание Леля», 1801. 2, 377); «Лиющее *златые* реки...» («Гимн Солнцу», 1802. 2, 413); «Счастлив, *золотой* кузнечик...» («Кузнечик», 1802. 2, 424); «...Спустила прядь *златых* волос...» («Пирре», 1804. 2, 516); «Слаще *златого* сота...» («Пиндарова олимпическая первая песнь», 1805. 2, 567); «Свет *озлащающе* весь...» («Поход Озирида», 1805. 2, 570); «Иль то царь *златокудрый...*» (Там же. С. 572); «Украсить ризой *золотою...*» («Соломон и Суламита», 1807. 2, 622); «То в масле, то в сотах зрю *злато* под ветвями...» («Евгению. Жизнь Званская», 1807. 2, 636); «*Озлащаемый* лучом...» («На балет „Зефир и Флора“», 1808. 2, 681); «Представя перед ним небесный сад *златой...*» («Целение Саула», 1809. 3, 28); «Цербер в рогах *золотых* зрел тебя тихо...» («Бахусу», 1810. 3, 46); «Поля *златые* опустели...» («Предвестие», 1810. 3, 75); «Льются с рамен волны *златы...*» («Сретение Орфеем солнца», 1811. 3, 83);

«Маковка *злата* церковна...» («Царь-девица», 1812. 3, 122); «И розовым огнем их чела *золотились*...» («Полдень», 1815. 3, 225); «Как блюдо круглое, пловущее, *златое*...» (Там же. С. 228).

Серебряный

«Когда в дуги твои *сребристы*...» («Ключ», 1779. 1, 78); «И ляжет между водных недр / За кораблем *сребро* грядою...» («Благодарность Фелице», 1783. 1, 154); «...На ней *серебряной* волной...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 161); «Ковыль *сребрится* по степям...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 224); «...На *сребролунно* государство...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 291); «В одежде белой, *серебристой*...» («Любителю художеств», 1791. 1, 363); «*Среброчешуйну* океану...» («Меркурию», 1794. 1, 559); «В чешуйчатом флот там *сребре*...» («Ласточка», 1794. 1, 572); «*Сребряны* росы...» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795. 1, 660); «Глава *сребрится* сединами...» («На кончину благотворителя», 1795. 1, 702); «...Иль на станицу *сребробоких*...» («Развалины», 1797. 2, 98); «Как за *сребряной* плотицей...» («Параше», 1798. 2, 186); «На рамена его *сребристы*...» («Фонарь», 1804. 2, 467); «Приятно — как *сребристый* ключ...» («Дева за арфою», 1805. 2, 542); «*Сребро*, трепещуще лещами...» («Евгению. Жизнь Званская», 1807. 2, 636); «На *сребряном* вструбит богатство...» («Альбаум», 1808. 2, 684); «Когда края их *посребрились* / От светлости твоих лучей...» («Целение Саула», 1809. 3, 18); «*Сребристым* змием изгибаться...» («Новгородский волхв Злогор», 1813. 3, 183).

Сложные цвета

«Вот *красно-розово* вино...» («Разные вина», 1781. 1, 126); «И *сребророзовых* светлиц...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 161); «Шумящи *красножелты* листья...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 224); «И *желтосмуглым* лицам...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 275); «*Красножелта* ея [осени] ряса...» («К Эвтерпе», 1789. 1, 302); «Вошла *чернобагрова* буря...» («На взятие

Измаила», 1790. 347); «Пучина *черная багрится*...» (Там же. С. 349); «Ее *белорумяны* персты...» («Любителю художеств», 1791. 1, 365); «Взор *черноогненный*, отверзтый...» (Там же. С. 366); «*Чернокудрявый* лес и *беловласы* степи...» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 417); «В броне блистая *златордяной*, / Как вечер во заре *румяной*» («Водопад», 1791. 1, 463); «Где бездны *разноцветных* звезд...» (Там же. С. 478); «На *сребророзовых* конях, / На *златозарном* Фаэтоне...» (Там же. С. 481); «Грудь *краснобела*, косаточка...» («Ласточка», 1794. 1, 570); «Тогда *белорумяны* персты...» («Сафе», 1794. 1, 582); «Взор *черноогненный*...» (Там же); «*Лазурно-сизо-бирюзовы* / На каждого конце пера...» («Павлин», 1795. 1, 698); «Как глыба там *сизоянтарна*, <...> / А там заря *златобагряна*...» («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797. 2, 32); «*Пурпуровым златом рдейте*...» («Пришествие Феба», 1797. 2, 60); «Море гладко, *златордяно*...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря...», 1797. 2, 80); «В стае гордых лебедей, / *Сребророзовые* птицы...» (Там же. С. 81); «В соке *розовом, перловом*...» (Там же. С. 85); «*Белокурая* Параша, / *Сребророзова* лицом...» («Параше», 1798. 2, 184); «*Голубосизый*, солнцеокой / Усатый, тучный рыбий князь...» («Фонарь», 1804. 2, 467); «Из *опалового* неба...» («Геба», 1809. 3, 1); «Не зришь ли *чернордяный* пламень...» («Тоска души», 1810. 3, 70).

Многоцветие

«То *черн*, то *бледн*, то *рдян* Эвксин...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, С. 226); «*Сребром* сверкают воды, / *Рубином* облака, / *Багряным златом* кровы; / Как *огненна* река, / Свет ясный, *пурпуровый*...» («Прогулка в Царском Селе», 1791. 1, 425); «У *черных* и *янтарных* волн, / Смирил Колхиду *златорунну*...» (Там же. С. 469); «По *рдяну* вод стеклу мелькают / Вверх рыбы *серебром*...» («К Музе», 1797. 2, 57); «Будто множество зарниц, / *Белокурых*, *чернобровых*...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. Т. 2, 78); «В *разноцветных* те кувшинах / В блюдах *сребряных*, *златых* / *Сочножелтые*, *багряны*, / Вкусноспелые плоды...» (Там же. С. 84); «Как сквозь жилки *голубые* / Льется *розовая*

кровь...» («Русские девушки», 1799. 2, 246); «*Багряным серебром* сверкают...» («Братское согласие», 1799. 2, 263); «...По *черному* средь волн *лазурю*...» («На переход Альпийских гор», 1799. 2, 286); «...*Багряны* тени, *бирюзовы* / Слилися в облаках...» («Утро», 1800. 2, 319); «...Те в *злате*, те в *сребре*, те в *розах*, те в *багрянцах*, <...> те в *желтых*, *сизых* глянцах...» (Там же. С. 320); «*Рубином*, *златом* испещряясь / И *багряницею* стелясь, / Струясь, сбираясь в *сизы* тучи...» («Облако», 1806. 2, 590); «*Пурпур, лазурь, злато, багрянец,* / С *зеленью* тень, слиясь с *сребром*, / Чудный, отливный, блещущий глянец / Сыплют вокруг, тихим лучом...» («Радуга», 1806. 2, 597); «*Розовым*, *алым* по кудрям венцом...» («Лето», 1805. 2, 544); «И *рдяным заревом* понт *синий обагряют*...» («Персей и Андромеда», 1807. 2, 615); «Но *черна* кровь его по пенным вод буграм, / Как *рдяный блеск* видна *пожара по снегам*...» (Там же. С. 615); «...*Багряна* ветчина, *зелены* щи с *желтком*, / *Румяно-желт* пирог, сыр *белый*, раки *красны*, / Что *смоль, янтарь-икра*, и с *голубым* пером / Там щука *пестрая* — прекрасны!» («Евгению. Жизнь Званская», 1807. 2, 638); «Иль стоя внемлем шум *зеленых*, *черных* волн <...> Серпами *злато* нив...» (Там же. С. 641); «Сверкают молньи средь *лазури* / И *рдеет черный* горизонт...» («Надежда на Бога», 1807. 2, 668); «Древа *пожелкли*, *покраснели*...» («Предвестие», 1810. 3, 75); «*Рубинные* ковры, восточный горизонт / И *искросребна* ткань струили *черный* понт...» («Полдень», 1815. 3, 226).

СВЕТ

Блеск

«...Как молнией, косою *блещет*...» («На смерть князя Мещерского», 1779. 1, 90); «Всех звезд, всех лун, всех солнцев вид, / Как злачный червь, во тьме *блестит*...» («Успокоенное неверие», 1778. 1, 74); «...Кровавая луна *блистала*...» («На выздоровление мецената», 1781. 1, 120); «Как в небе звезды *возблестят*...» («Фелица», 1778. 1, 149); «По небу, по водам *блистает*» («На смерть графини Румянцовой», 1788. 1, 218); «...Еще победой *возблистать*» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 227); «Вослед

блистающей деннице...» («На счастье», 1789. 1, 244); «*Блистали* бы, как ясный день» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 273); «...Чтоб шлем блистал на ней пернатый» (Там же. С. 274); «*Блистающими* как роса...» (Там же. С. 279); «Как ангел бы к нему *блистала*...» (Там же. С. 283); «Из глаз ее *блистала* б радость...» (Там же. С. 293); «Твои венцы — вкруг *блеск* громов...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 342); «Чуть зрится *блеск* его короны...» (Там же. С. 351); «...И сыплет *блески* на Босфор...» (Там же. С. 355); «Как молния вослед громам, / *Блистает*, жжет и поражает...» («Любителю художеств», 1791. 1, 366); «Ее улыбка разливала / На всю природу *блеск* и свет...» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 394); «Зри на *блещущи* соборы...» (Там же. С. 397); «И молний по мечам *блистанье*...» (Там же. С. 401); «...взоры нам *возблещут*» (Там же. С. 405); «Он у той *блистал* во взглядах, / У иной *блистал* в улыбке...» («Анакреон в собрании», 1791. 1, 422); «Глядела [луна] и едва *блистала*...» («Водопад», 1791. 1, 468); «Шумит и, как звезда, *блистает*» (Там же. С. 473); «Во сонме всадников *блистал*» (Там же. С. 482); «Из мрака и веков *блистают*...» (Там же. С. 483); «Еще ему штыки *блестят*...» (Там же. С. 484); «*Блестящи* возжи...» («Колесница», 1793. 1, 526); «*Блеснешь* ты им [мечом] — и ополчишься...» («Песнь брачная чете порфирородной», 1793. 1, 555); «Златая лента *возблистала*...» («Провидение», 1794. 1, 567); «В *блистании* луны...» («Призывание и явление Плениры», 1794. 1, 584); «В кивотах *блещущи* металлом...» («Вельможа», 1794. 1, 623); «*Блистают* розы и лилеи...» (Там же. С. 630); «При *блеске* светлого ручья...» («Соловей», 1795. 1, 692); «Солнце *блещет*, как жених...» («Доказательство Творческого бытия», 1796. 1, 727); «*Блеск* луны пред ним сверкает...» («Потопление», 1796. 1, 751); «*Блеснет*, — и вновь под небесами / Начнет свой феникс новый круг...» («Бессмертие души», 1797. 2, 8); «...Но при *возблещущей* заре...» (Там же. С. 10); «...На крыльях *блещущих* летит...» (Там же); «Сам черплешь *блеск* лучей любезных...» («Молитва», 1797. 2, 13); «И Павел в *блещущей* порфире...» («На новый 1797 год», 1797. 2, 18); «...*Блеснет* лишь посреди эфира» (Там же); «Как *блещут* пестрой чешуею...» («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797. 2, 33); «Природа *блещет*,

восклицает...» («К Музе», 1797. 2, 58); «И Хариты вкруг *блистают*...» («Возвращение весны», 1797. 2, 64); «В ризах *блещущих*, эфирных...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 79); «Мед, амброзия *блистала*...» («Рождение Красоты», 1797. 2, 119); «Вмиг сокрылся *блеск* лазуря...» (Там же. С. 120); «...Луной *блистают* меж ветвями?» («Урна», 1797. 2, 140); «Что *блещет* молния в ночи...» («Об удовольствии», 1798. 2, 159); «...На лунный *блеск* ее глядит» («На брак графини Литты», 1798. 2, 200); «...Чешуйчатым *блестит* хребтом?» («На Мальтийский орден» 1798. 2, 221); «Архангельских под *блеском* крыл...» (Там же. С. 223); «Толь *блистающий* алмаз...» («Варюша», 1799. 2, 252); «*Возблистал* на листьях мед...» («Рождение Любви», 1799. 2, 255); «Он видел землю вдруг и небеса и воды / И *блеск* планет» («Утро», 1800. 2, 318); «*Блистаньем* холмы озлатило...» («Гимн Солнцу», 1802. 2, 414); «Липова роща, как жар, *возблистала*...» («Лето», 1805. 2, 544); «...При *блеске* бледной луны» («Цыганская пляска», 1805. 2, 548); «*Блески* и звуки небес...» («Поход Озирида», 1805. 2, 570); «В подобном *блеске* б ты явился...» («Глас санктпетербургского общества», 1805. 2, 578); «...Чудный, отливный, *блещущий* глянец...» («Радуга», 1806. 2, 597); «Как с Божьего лица отливы / *Блистают* в миллионах звезд...» («На мир 1807 года», 1807. 2, 664); «Звезд зрится *блеск*, льет с ризы свет...» («Целение Саула», 1809. 3, 27); «Конец ристалища *блистает*...» («Предвестие», 1810. 3, 77); «...в мрак нощи / Зрит *проблеск* от луны» («Проблеск», 1810. 3, 78); «Луна *блистает* под ногами...» («На освящение храма Казанской Богородицы», 1811. 3, 106); «Венцом средь звезд *блистал*...» («Гимн лиро-эпический», 1812. 3, 163); «...Оставя *блещущих* слезами...» («На отбытие великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича из Петербурга к армии 5 февраля 1814 года», 1814. 3, 190).

Луч

«...И понт как голубой пронзает звездный *луч*» («Невесте», 1778. 1, 60); «...Средь добродетели *лучей*!» («На освящение Каменноостровского инвалидного дома», 1778. 1, 64); «...Которых *луч*

не долетел / До нас еще с начала мира...» («Успокоенное неверие», 1778. 1, 74); «...Как *луч* потомству сообщу» («Видение Мурзы», 1783. 1, 168); «... *Лучи* животворящи льют...» («Бог», 1784. 1, 198); «Как солнце тускло ниспущает / Последние свои *лучи*...» («На смерть графини Румянцовой», 1788. 1, 218); «И *лучезарно* солнце знает...» («Величество Божие», 1789. 1, 240); «Представь мне *лучезарны* храмы» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 279); «...*Лучам* случится ниспадать» (Там же. С. 279); «И воскрылялись бы к *лучам*...» (Там же. С. 287); «Как бы пылинки *лучезарны*...» (Там же. С. 290); «От коей бы [бриллиантовой горы] лились *лучи*...» (Там же. С. 295); «...На нем в *лучах* — Фелица, ты!» (Там же. С. 299); «...Взгляда твоего *лучами*...» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 405); «*Лучезарно* солнце наше...» (Там же); «...Как *лучи* пускает солнце» («Анакреон в собрании», 1791. 1, 422); «Взглядов пламенных ты брось *лучи*...» («Скромность», 1791. 1, 447); «...Который почестей *в лучах*...» («Водопад», 1791. 1, 481); «... Поутру солнечным *лучом*...» (Там же. С. 485); «Вокруг главы его сияют / Струями меж листов *лучи*...» («К Каллиопе», 1792. 1, 506); «...Чтоб не *лучистый*, милый бог...» («Храповицкому», 1793. 1, 544); «В небесны, *лучезарны* горы...» («Помощь Божия», 1793. 1, 551); «И се, чета в *лучах* порфирных...» («Песнь брачная чете порфирородной», 1793. 1, 557); «...И новый *луч* жизни ты пьешь» («Ласточка», 1794. 1, 572); «[орел] Уж солнце зрит в *лучах* полдневных...» («Вельможа», 1794. 1, 630); «*Луч* <...> В бездне погас...» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795. 1, 656); «На колеснице *лучезарной*...» («На кончину благотворителя», 1795. 1, 705); «От *лучезарной* единицы...» («Бессмертие души», 1797. 2, 2); «В *лучезарной* колеснице...» («Пришествие Феба», 1797. 2, 62); «В зарях, в росах, в дождях, в *лучах*...» («На новый 1797 год», 1797. 2, 19); «Красоты их *луч* небесный...» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 79); «Планета ты, что с солнца мира / *Лучи* бросала на других...» («Урна», 1797. 2, 142); «...От гривы сыплет вкруг *лучи*...» («Об удовольствии», 1798. 2, 159); «...В полукрасе своих *лучей*...» («На брак графини Литты», 1798. 2, 198); «*Лучами* с солнцем поделюсь...» («На Мальтийский орден», 1798. 2, 225); «...Смотря, как блещет битв *луча*-

ми...» («На победы в Италии», 1799. 2, 273); «*Луч*, воссиявший из-под спуда...» (Там же. С. 275); «...С оружья блещущи *лучи*...» («На брачные торжества», 1799. 2, 301); «*Луч* с нее, блистая, лился...» («Явление Аполлона и Дафны на невском берегу», 1801. 2, 380); «Как бы на Бога *лучезарна*...» («Гимн Кротости», 1801. 2, 385); «...И озари твоим *лучом*...» («Гимн Солнцу», 1802. 2, 414); «...Тут, облеченное *лучами*...» («Монумент милосердию», 1805. 2, 522); «...*Лучом* над высотой холмов...» («Облако», 1806. 2, 590); «*Луч* улетает, / Свищет, сверкает...» («Поход Озирида», 1805. 2, 571); «...Божественная *лучезарность*...» («Истина», 1810. 3, 64); «...Как ясный Божий *луч*!» («Проблеск», 1810. 3, 80); «*Лучи* — всю плоть просиявают...» («Христос», 1814. 3, 195).

Свет

«...Во тьме *светильник возжигая*...» («Петру Великому», 1776. 1, 31); «... А Ты из *светлости подзвездной*...» («На освящение Каменноостровского инвалидного дома», 1778. 1, 65); «...От *света* Твоего рожденны...» («Бог», 1784. 1, 196); «... Ты *свет*, откуда *свет* истек...» (Там же. С. 197); «Иль вкупе все *светящи* миры...» (Там же. С. 199); «Затмившего мать лунный *свет*...» («На смерть графини Румянцовой», 1788. 1, 218); «Ты *светом*, славой, красотой...» («Величество Божие», 1789. 1, 237); «Во сонме *светоносных* сил...» (Там же. С. 237); «Из тьмы восстанет *свет* другой...» (Там же. С. 241); «По свету *светят* фонари...» («На счастье», 1789. 1, 249); «С полнеба звезды *освещали*...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 274); «И громы *света* под конец...» (Там же. С. 288); «И *освещала* мрак темниц...» (Там же. С. 293); «Уже от северного *света*...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 355); «...Как в море ночью лунный *свет*...» (Там же. С. 361); «Наук, художеств не ласкает / И *света* свет ему не льет...» («Любителю художеств», 1791. 1, 370); «И просветит все, как *света* бог, Россию...» («На пророчество Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского при рождении Петра Великого», 1791; 1, 444); «*Свет* черпать солнечных лучей...» («Бессмертие души», 1797. 2, 4); «Возшел на трон — и *осветилась* / Душа его огнем щедрот...» («На новый 1797 год», 1797. 2, 19);

«...Как *светят свеч* в лесах ряды» («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797. 2, 33); «*Свет* от лампады благовонной / Возблещет вечно чрез тебя...» («Урна», 1797. 2, 142); «Лишь вознеслася к Богу в *свет*...» («На кончину императрицы Екатерины II и на восшествие на престол императора Павла I», 1799. 2, 266); «...Те в *светлых* заревах...» («Утро», 1800. 2, 320); «Льешь блеск звездам, *свет* твари всей...» («Гимн Солнцу», 1802. 2, 415); «...Так, *света* океан чудесный!» (Там же); «...Его любезну *светозарность*...» («Облако», 1806. 2, 591); «Жег фимиам, иль лучину, / *Свет* проливал он в ночи...» («Издателю моих песней», 1808. 2, 680); «Когда края их посребрились / От *светлости* твоих лучей...» («Целение Саула», 1809. 3, 18); «...льет с ризы *свет*» (Там же. С. 27); «...отблещет / По небосклону молний *свет*» («На победу Александром I Наполеона под Люценом», 1813. 3, 169).

Сияние

«...И весь Север *воссиял*...» («На рождение в севере порфирородного отрока», 1779. 1, 83); «...Тот *сияние* порфир...» (Там же. С. 84.); «...Но где твой трон *сияет* в мире?» («Фелица», 1782. 1, 148); «Ярчее молний пролилось / ...*Сиянье* вкруг меня небесно» («Видение Мурзы», 1783. 1, 161); «Вдруг с севера *сияньем* кротким...» («На приобретение Крыма», 1784. 1, 184); «Но ты во мне *сияешь* / Величеством твоих доброт...» («Бог», 1784. 1, 200); «И бледная луна Тобой / Своею чередой *сияет*...» («Величество Божие», 1789. 1, 239); «В величестве, в *сияньи* Бога...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 274); «...С *сияньем* тихим звезд в венце» (Там же. С. 293); «...*Сияют* исступленну взору» (Там же. С. 299); «*Сияньем* север украшайся...» («Хор на шведский мир», 1790. 1, 313); «Доколь *сияние* короны...» («На коварство», 1790. 1, 323); «...И истина вовек *сияет*» (Там же. С. 325); «...Или когда *сияет* день...» (Там же. С. 330); «...И только их душа *сияет*» («На взятие Измаила», 1790. 1, 344); «Война, как северно *сиянье*...» (Там же. С. 359); «*Сияние* лучей своих...» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 394.); «...В *сияньи* благ твоих...» (Там же. С. 406); «Величеством в тебе *сияет* [Бог]» («Песнь брачная чете

порфирородной», 1793. 1, 555); «Не смог *сиять*, *сияя* в злате, / *Сияют* добрые дела» («Вельможа», 1794. 1, 626); «В *сияньи* звезд я созерцал...» («Соловей», 1795. 1, 696); «*Сиянье* длится беспресечно...» («Бессмертие души», 1797. 2, 2); «*Воссияй* в твоей короне, / Дав луне и лику звезд, / <...> Твой лучистый, милый свет!» («Пришествие Феба», 1797. 2, 63); «В разноцветном где *сияньи* / Лес блистал лучами звезд» («Праздник воспитанниц девичьего монастыря», 1797. 2, 87); «И, как солнце ввек *сияет*...» («Введение Соломона в судилище» 1799. 2, 312); «...И все *сияние* покрыло!» («Утро», 1800. 2, 319); «Вдруг в *сиянии* порфирном...» («Венчание Леля», 1801. 2, 376); «*Сияньем* солнечным нагрета...» («На мир 1807 года», 1807. 2, 658); «Зрел *сияние* неизреченно...» («Жилище богини Фригги», 1812. 3, 113).

Сверкание

«А ты один, шумя, *сверкаешь*...» («Ключ», 1779. 1, 79); «Рассекши мрак густой, *сверкала* [коса смерти]...» («На выздоровление мецената», 1781. 1, 123); «Чуть Бельт в брегах своих *сверкал*...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 159.); «...ее бы взоры / *Сверкали* быстро, в небесах» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 283); «Моря *сверкают* в нем...» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 410); «Луч чрез поток *сверкает* скоро...» («Водопад», 1791. 1, 459); «Блеск луны пред ним *сверкает*...» («Потопление», 1796. 1, 751); «...*Сверкнет* здесь искра нежных слез» («Урна», 1797. 2, 143); «Луч улетает, / Свищет, *сверкает*...» («Поход Озирида», 1805. 2, 571); «*Сверкая* перьем, чешуей...» («Обитель Добрады», 1808. 2, 699); «...Вздымились горы, *засверкали*!» («Сретение Орфеем солнца», 1811. 3, 82).

Молния

«...Зрю *молнии* кругом!» («Успокоенное неверие», 1778. 1, 72); «...Ярчее *молний* пролилось...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 161); «Как *молния*, ее бы взоры...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 283); «*Зарница* только в вышине...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 344); «Уж блещут *молнии* крылами...» (Там же. С. 344); «...Что

мрак лишь *молньи* освещали...» (Там же. С. 348); «...От шлема *молнии* скользили...» (Там же. С. 351); «...Как *молния* вослед громам...» («Любителю художеств», 1791. 1, 366); «Зубчата *молния* сверкает...» (Там же. С. 370); «Ты часто, как *молния*, реешь...» («Ласточка», 1794. 1, 571); «Горела *молния* в очах...» («Афинейскому витязю», 1796. 1, 769); «Блистая *молньями* своими...» («Об удовольствии», 1798. 2, 157); «Что перстом круги звездны водит / И *молнию* на небесах» («На переход Альпийских гор», 1799. 2, 298); «...Разорван *молнии* стрелою» («Облако», 1806. 2, 591); «...Иль *молний* ужаснул вас свет?» («Римскому народу», 1811. 3, 85); «...И *молния* покрылась паром?» («На смерть фельдмаршала князя Смоленского», 1813. 3, 165).

Огонь

«Да Павлово одно воззренье, / Как *огнь* из туч...» («На освящение Каменноостровского инвалидного дома», 1778. 1, 64); «И розы *пламенны, горя*...» («Ключ», 1779. 1, 78); «Рассекши *огненной* стезею...» («На новый год», 1781. 1, 116); «По *огненным* зыбям мелькая...» («На выздоровление мецената», 1781. 1, 120); «Когда небесный *возгорится* / В пиите *огнь*, он будет петь...» («Благодарность Фелице», 1783. 1, 155); «И *пламени* души моей...» («Видение Мурзы», 1783. 1, 166); «...Но *огненны* сии лампады...» («Бог», 1784. 1, 198); «*Огонь*, в волнах неугасимый...» («Осень во время осады Очакова», 1788. 1, 226); «И все *огнем* ядущих волн...» («Победителю», 1789. 1, 232); «*Огню* и бурям быть велишь...» («Величество Божие», 1789. 1, 237); «...На *огнезвездный* океан...» («Изображение Фелицы», 1789. 1, 284); «...Как *огнен* столп...» (Там же. С. 295); «...Как *огнь*, нас озаряет честь?» («На коварство», 1790. 1, 327); «Везувий *пламя* изрыгает, / Столп *огненный* во тьме стоит...» («На взятие Измаила», 1790. 1, 341); «Бегут, стеснясь, на *огнь*, на гром...» (Там же. С. 345); «На *огнь* пошли стеною воды...» (Там же. С. 348); «...Возжженный *пламенник* другою...» (Там же. С. 355); «Какой *огонь* от них летел» («Описание Потемкинского праздника», 1791. 1, 400); «...Что *огнедышущи* за перстом...» («Водопад», 1791. 1, 468); «...Как *огнь* со *пламенем* сближаясь...» («К Каллиопе», 1792. 1, 506);

«Почувствуй *пламень* сей мечты» («Мечта», 1794. 1, 591); «Вижу блаженну / Чистую душу / Всю из огня, / В свет облеченну...» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795. 1, 658); «И с страшным шумом искры, *огнь*» («Флот», 1795. 1, 690); «...Как *огнь* лампады ароматный...» («На кончину благотворителя», 1795. 1, 707); «...На *огнескачущих* волнах...» («Афинейскому витязю», 1796. 1, 769); «Розы ль *огнисты*...» («Пчелка», 1796. 1, 781); «Но *огнь* от праха в том родится...» («Бессмертие души», 1797. 2, 8); «...Как в тучах роет *огнь* бразды...» («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797. 2, 33); «...когда тебя узрю, / Тончайший *огнь* и мраз, из жил текущий в жилы...» («Из Сафо», 1797. 2, 42); «На *пламенном* пареньи крыл...» («Желание в горняя», 1797. 2, 53); «Надев *огнепернатый* шлем...» («На рождение великого князя Михаила Павловича», 1798. 2, 150); «...Что *огненный* вращая зрак...» («Об удовольствии», 1798. 2, 159); «На ланитах *огневые*...» («Русские девушки», 1799. 2, 246); «Бросая *пламень* из очей...» («На переход Альпийских гор», 1799. 2, 288); «*Огнь* быстрый, вечный, всебодрящий...» («Первая песнь Пиндара Пифическая», 1800. 2, 332); «И *пламенным* с высот лицом...» («Гимн Солнцу», 1802. 2, 414); «Очаровательный *огнь* чудный...» («Фонарь», 1804. 2, 466); «...И *огнь* с смеющихся пьет роз?» («Пирре», 1804. 2, 516); «На *огнеконном* снаряде...» («Пиндарова олимпическая первая песнь», 1805. 2, 563); «Ты — *огнь* с высоты <...> *Огнь*, что из мрака сверкая...» («Г. Озерову на приписание Эдипа», 1806. 2, 582); «След сеет *огненным* дождем...» («Гимн лиро-эпический», 1812. 3, 147); «*Огнь* сыплет из очей...» (Там же. С. 139); «...Где он, со *пламенным* мечом...» («На смерть фельдмаршала князя Смоленского», 1813. 3, 166).

Горение

«Над безднами *горящих* тел...» («Успокоенное неверие», 1778. 1, 74); «Когда небесный *возгорится* / В пиите огнь...» («Благодарность Фелице», 1783. 1, 155); «Светил *возжженных* миллионы...» («Бог», 1784. 1, 197); «...Или *горящие* эфиры...» (Там же. С. 199); «...*Возжженный* пламенник другою...» («На взятие Измаила»,

1790. 1. С. 355); «Огонь *горит* в его глазах...» («Водопад», 1791. 1, 461); «И роза в них *горит*...» («К Каллиопе», 1792. 1, 507); «...Как в воздухе пары *сгорают*...» («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797. 2, 33); «...В восторгах сладостных вся млею, вся *горю*» («Из Сафо», 1797. 2, 42); «*Горели* ночью тучи звезд...» («Развалины», 1797. 2, 118); «Мрак во пламени *горел*...» («Рождение Красоты», 1797. 2, 120); «Открыл на небе миллионы / *Горящих* звезд...» («Фонарь», 1804. 2, 468); «...*Горящу* в воздух прыщут серу...» («Гимн лиро-эпический», 1812. 3, 139).

Ю. В. Дульцева

Названы именем Державина

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал...

Г. Р. Державин. «К музе»

Имя Гавриила Романовича Державина носят улицы, площади и переулки во многих российских городах и селах[1]. Этим не исчерпывается весь перечень разнообразных объектов, названных в честь поэта.

В Бузулукском районе Оренбургской области находится село Державино, основанное в 1756 году матерью поэта Феклой Андреевной на земле, жалованной за службу его отцу Роману Николаевичу. В 1781 году Гавриил Романович основал поблизости еще несколько деревень и назвал их по именам членов семьи: Романовка, Феклинка, Гавриловка и Екатериновка (в честь первой супруги, Екатерины Яковлевны). Романовка и Феклинка были упразднены в XX веке, а Гавриловка и село Екатериновка в настоящее время входят в состав Державинского сельсовета.

Село Державино — центр Державинского сельского поселения в Лаишевском районе Республики Татарстан. В XVII веке часть села принадлежала брату прадеда Гавриила Романовича, Григорию Державину. До 1920 года оно было центром Державинской волости Лаишевского уезда Казанской губернии.

В июне 2024 года было принято решение назвать Державинским микрорайоном часть территории Великого Новгорода[2].

«Державинская» топонимика включает также названия природных и городских ландшафтных объектов. На территории села

Державино в Бузулукском районе Оренбургской области находится Державинский родник, над которым укреплена икона Богородицы «Неупиваемая чаша». В трех километрах от него расположено Державинское участковое лесничество, в состав которого входят ботанические памятники природы «Культурные насаждения кедра сибирского» и «Лисьеполянские реликтовые сосны».

Во Всеволожске (Ленинградская область) находится парковая зона «Державинская» площадью в 40,26 га, расположенная на территории бывшего поселка Ильинское. В начале XX века многие его улицы и проспекты были переименованы владельцем земель С. А. де Каррьером в память о великих русских писателях. Имена писателей XVIII века стали носить улицы северной части поселка, в их числе улица Державинская (бывшая 2-я линия)[3]. Эти новые названия сохранились до нашего времени. Парковая зона «Державинская» была образована уже в советское время на территории Алексеевского и Афиногеновского проспектов, где ранее строились дачи. Вероятно, она получила название от Державинской улицы, находящейся поблизости.

Память о Державине как наместнике Олонецкой губернии хранят в Петрозаводске. На территории бывшего подворья губернаторского дома располагается Губернаторский сад, названный так в 2001 году. Неофициально его именуют Державинским. Здесь в 2003 году установили памятник Гавриилу Романовичу.

В 2016 году был обустроен сквер имени Г. Р. Державина в селе Сокуры Лаишевского района Республики Татарстан. Его открытие приурочили к 200-летию со дня смерти поэта.

В честь Державина получили название несколько объектов в Тамбове, для которого он многое сделал на посту губернатора. Старейший мост города носит название Державинский, поскольку Гавриил Романович принимал непосредственное участие в организации его строительства в 1788 году. Фасад моста тянется вдоль современной Советской улицы, на которой находится сквер имени Г. Р. Державина. Он был так назван 30 октября 1912 года городской думой по рекомендации Ученой архивной комиссии[4].

Имя Державина носит ряд российских образовательных учреждений. В 1995 году его присвоили Тамбовскому государственному университету. В структурных подразделениях вуза «Державинскими» названы издательский дом, учебный театр, школа массовых коммуникаций, технопарк, ледовый каток. Спортивный клуб «Держава», также относящийся к университету, включает в себя одноименные спортивные команды и клубы: хоккейный, футбольный, баскетбольный, киберспортивный, шахматный и чирлидинговый.

Помимо университета имя Державина в Тамбове носит гимназия № 12. Оно было присвоено ей 10 марта 1994 года по ходатайству представителей общественности, творческих организаций и Совета гимназистов[5].

Государственные учреждения среднего образования, названные в честь Державина, находятся еще в нескольких городах и селах России.

В Петрозаводске с 1995 года работает Державинский лицей, названный так по итогам проведенного между учащимися конкурса. В лицее были созданы радиостудия «Держава FM» и киноклуб «Держава».

Две школы Лаишевского района Республики Татарстан носят имя Державина. В сентябре 2018 года оно было присвоено средней общеобразовательной школе села Сокуры; торжественная церемония состоялась в рамках XIV Международной научно-практической конференции «Державинские чтения», которая проходила в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Державинская основная общеобразовательная школа работает в селе Державино, недавно в ней создан Державинский музей.

В одноименном селе Бузулукского района Оренбургской области обучает детей Державинская средняя общеобразовательная школа.

Самая новая «державинская» школа — средняя общеобразовательная школа № 36 имени Г. Р. Державина — была открыта в 2017 году в Великом Новгороде. Она же является самой крупной в городе. В декабре 2021 года в школе появилась

музейно-образовательная площадка «Держава, Державин и я» — библиотечно-музейный комплекс, рассказывающий о жизни и творчестве поэта.

Помимо государственных, имя поэта носили частные образовательные учреждения. В течение 20 последних лет в Москве вел учебную деятельность Международный славянский институт имени Г. Р. Державина, который имел филиалы в России и за рубежом. Русский язык как иностранный преподавали в Державинском институте в Петербурге.

Именем Гавриила Романовича называют учреждения культуры. В городе Лаишево Республики Татарстан находится музей Лаишевского края, получивший имя поэта в 2011 году. В Бузулуке — Центральная районная библиотека имени Г. Р. Державина, названная так в 1936 году.

Многие учреждения культуры стали «державинскими» по «географическому» принципу. Так, в Великом Новгороде на пересечении улиц Державина и Большой Московской в 1980 году появилась библиотека «На Державина».

В селе Державино Лаишевского района — Державинская сельская библиотека и Державинский сельский дом культуры. В одноименном селе Бузулукского района Оренбургской области — Державинский сельский дом культуры и Державинская модельная библиотека.

Именем Державина назван ряд транспортных средств. В 2023 году, в честь 280-летия со дня рождения поэта, название «Гавриил Романович Державин» получил самолет «Боинг» 737–900, закупленный из-за рубежа авиакомпанией «Россия» (Группа «Аэрофлот») для внутренних перелетов. Первый рейс состоялся 21 августа 2023 года: самолет вылетел из Москвы (аэропорт «Шереметьево») в Тюмень.

В честь Державина названо несколько единиц водного транспорта. Первым был построен грузовой теплоход «Гавриил Державин» типа «Пула». Он вошел в серию из двадцати судов, спроектированных и построенных в судоверфи *Uljanik* (СФР Югославия, город Пула) в 1964–1971 годах. Девятнадцать из них получили имена литераторов и публицистов, живших на территории

Российской империи и СССР. В этот список вошли Иван Котляревский, Николай Огарев, Виссарион Белинский, Николай Гоголь, Муса Джалиль и другие. Теплоход «Гавриил Державин» был спущен на воду в феврале 1969 года и работал в Дальневосточном морском пароходстве до 1992 года. В июле 1994 года его списали и отправили в Китай, где он был разобран. В июле 2022 года состоялась закладка малого пассажирского круизного судна «Гавриил Романович Державин». Его построили на судостроительном комплексе «Р-Флот» в Нижегородской области по заказу АО «Государственная транспортная лизинговая компания». Спуск судна на воду произошел в мае 2024 года, в сентябре оно было передано заказчику. С 2025 года круизное судно «Гавриил Романович Державин» работает в Самаре.

Существует два космических объекта, названных именем Державина. Сотрудник Крымской астрофизической обсерватории Николай Степанович Черных 31 августа 1978 года открыл малую планету (астероид), получившую впоследствии номер 23409[6]. Директор музея Лаишевского края Фарида Гафиулловна Муртазина ходатайствовала о присвоении малой планете имени поэта. 22 января 2008 года астероид Державин был официально зарегистрирован. Он состоит из кремния, имеет диаметр 3–6 км и движется в главном поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера.

В 1970-х годах Международный астрономический союз принял решение давать названия кратерам на Меркурии в честь писателей, поэтов, художников, скульпторов, композиторов. Таким образом на Меркурии появились кратеры Феофан Грек, Гоголь, Пушкин, Достоевский, Стравинский и многие другие. В 1979 году кратер Державин пополнил их число. Он находится в квадранте Виктория и имеет диаметр 159 км[7].

Сделанный обзор не претендует на полноту, прежде всего, потому что список объектов «державинской» топонимики постоянно увеличивается вместе с ростом интереса к личности и творчеству Гавриила Романовича Державина — гениального поэта и крупного государственного деятеля, первого российского министра юстиции.

Примечания

1 См.: *Лоншакова А. М.* Имя Державина в топонимике России // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 17. СПб., 2023. С. 52–59.

2 URL: https://duma.nov.ru/novost/3130.

3 Это можно увидеть на плане поселка 1915 г. Опубл. в кн.: *Ферман В. В.* Всеволожск: историко-географический справочник. Ч. 1 (1500–1917). СПб., 2019. С. 336.

4 *Муравьев Н. В.* Улицы и площади Тамбова // Избранные краеведческие труды: в 2 т. Тамбов, 2006. Т. 1. С. 412.

5 *Горелов А. А.*, *Щукин Ю. К.* Тамбов (Юго-восточная часть): справочник-путеводитель. Тамбов, 2003. С. 130.

6 *Schmadel L. D.* Dictionary of Minor Planet Names. Sixth Revised and Enlarged Edition. Heidelberg — New York — Dordrecht — London, 2012. P. 1066.

7 *Batson R. M.*, *Russell J. F.* Gazetteer of Planetary Nomenclature 1994. United States Geological Survey Bulletin 2129. Washington, 1995. P. 182.

А. Д. Тумаков

История поместного владения в селе Державино Лаишевского района Республики Татарстан

История села Державино, как и большинства населенных пунктов, находящихся около Казани, начинается в XVI веке. Об этом говорят старые названия, сохранившиеся в документах XVII–XVIII веков, и Державино здесь не исключение.

Село успело сменить несколько названий, и первым среди них является Верхние Ячи или Ачи, происходящее от мужского имени Ачи (в переводе с тюркского — «горький»). Со временем из Ячей (Ачей) образовалось несколько поселений: Верхние, Средние и Нижние Ячи (Ачи), из которых Верхние были главным селением, получившим название Большие Ячи (Ачи) к началу XVII века.

Одно из первых документированных упоминаний о населенном пункте относится к 1649 году и содержится в «книгах полевых... Казанского уезду дворцовым селам и деревням и починкам и займищам и пустошам, и казанцов-дворян и детей боярских и вдов и недорослей и иноземцев, новокрещеных мурз и татар и всяких чинов поместным и вотчинным, и митрополита Казанского и Свияжского, и монастырским и церковным, и всяким землям — пашенным и непашенным землям и перелогом и порослям и сенным покосом, что по государеву указу мерено длинники и поперечники в десятины государевою саженью писцов Семена Васильевича Волынского, Петра Матвеевича Коротнева да диака Михаила Патрекеева»:

> Сельцо, что была деревня Ячи Верхние, на речке Ячовке за казанцы за Григорьем да за Овдокимом Васильевыми детьми Державина в поместье. Пашенные земли четыре длинника, шесть поперечников, итого дватцать четыре десятины. В другом месте два длинника без чети, два поперечника, итого три десятины с полудесятиною. И обоего за ними дватцать семь десятин с полудесятиною в поле, а в дву по тому ж. За ними ж в лесу полянка. Переложные земли два длинника с полудлинником, восемь поперечников, итого дватцать десятин в три поля[1].

Из текста видно, откуда взялось название «Державино», сохранившееся до наших дней.

В дальнейшем, с начала XVIII века, статус населенного пункта с деревни Ячи (Ачи) сменяется на село Богородское, что говорит не только о наличии храма, но и о его посвящении Богородице. Не исключено, что до Никольской церкви в Державине существовал храм в честь Богоматери. Есть предположение, что он мог быть посвящен празднику Успения Пресвятой Богородицы, так как данное посвящение имеет верхний храм Никольской церкви села Державино. До 1724 года в соседнем, ныне не существующем, сельце Чемодурово (Дертюли, Зюзино) имелся деревянный храм Святителя Николая Чудотворца. Церковь, по всей видимости, сгорела, и было принято решение об объединении двух сел в один приход в Ячах (Богородском), где в каменном храме появился придел во имя святителя Николая Чудотворца. В конце XIX века в деревне Чемодурово была выстроена каменная часовня во имя Казанской иконы Божией Матери. Сохранившийся в Державине Никольский храм является старейшим сельским храмом на территории Лаишевского района (соответственно, и самой старой постройкой в районе), а также второй по возрасту среди сельских православных храмов на территории Республики Татарстан после выстроенного в 1712 году Успенского храма села Алаты Высокогорского района.

Отдельной вехой в истории села Державино стал бурный на события XVIII век, когда оно успело побывать и в поместном владении — у соратника Петра I Александра Саввича Сергеева

и у князей Мегрелии — и в монастырском. Об этом говорит следующее название села, сохранившееся лишь в документах XVIII века — Гефсиманская пустынь. Упоминаются в приходских документах и два старых наименования села (Ачи / Ячи и Державино) в 1724 году: «Казанской епархии Ногайской дороги села Новоникольского Державино тож попа Ивана Михайлова с причетниками», в 1725 году: «Казанской епархии вотчины господина Александра Саввича сына Сергеева села Новоникольского Ачи тож церкви Николая Чудотворца попа Иоанна Михайлова с причетниками», а также в 1726 году: «Казанского уезда Ногайской дороги вотчины господина Александра Саввича Сергеева Гепсиманской пустыни попа Ивана Михайлова с причетниками». На титульном листе метрической книги 1726 года упоминается владелец села — Александр Саввич Сергеев: в начале XVIII века Державино числилось за братьями Сергеевыми, Александром и Даниилом. Сведений о Данииле найти не удалось, но об Александре известно достаточно.

Биографические сведения об А. С. Сергееве взяты из многочисленных источников, не претендующих на безапелляционную достоверность, но вполне достаточных для того, чтобы понять масштаб личности и установить связи с государем Петром I. Александр Саввич Сергеев родился в 1660-е годы в семье посадских людей в городе Саранске. Известно, что его отец был содержателем кабака. Во время стремительных петровских преобразований, в 1690-х годах, А. С. Сергеев занимал должность казанского комиссара, затем служил помощником воеводы, ведавшего сбором налогов и податей Приказа Казанского дворца. В 1700 году Сергеев назначается на должность смотрителя за строительством города Алексеевска — сторожевого форпоста на подступах к Самаре для отражения атак калмыков и башкир.

В начале 1704 года Сергеев проводит в Казани смотр уфимских дворян и служилых людей, из которых был создан солдатский полк для военных целей в Закамской зоне осенью 1704 года, когда по приказу казанского воеводы Н. А. Кудрявцева в Уфимский уезд для сбора лошадей у местного населения и поиска беглых были отправлены карательные войска под командованием

А. С. Сергеева (трехтысячное войско, состоявшее из двух драгунских и четырех солдатских полков с артиллерией).

В 1716 году Александр Сергеев решил сообщить царю о преступлениях своего бывшего начальника Александра Даниловича Меншикова, главы Семеновской (Ижорской) канцелярии, которая была ответственной за сбор налогов и податей на территории, ранее управлявшейся приказом Казанского дворца. Сергеев тайно покинул русские пределы, чтобы вдали от всесильного Меншикова передать донос находившемуся в Копенгагене Петру I. О том, насколько перспектива ознакомления царя с доносом Сергеева встревожила Меншикова, свидетельствует письмо светлейшего князя царице Екатерине Алексеевне от 23 сентября 1716 года. Не сумевший воспрепятствовать конспиративному отъезду комиссара из России, Александр Меншиков загодя предупреждал царицу, что в разоблачениях Александра Саввича «все бредни» и обвинял его в похищении 4000 рублей. По существовавшей практике, подтвержденный донос давал право на часть имущества обвиненного. Однако исход этого обвинения не ясен.

В 1720–1722 годах царское правительство организовало судебное расследование, которое признало справедливыми жалобы башкир на политику властей, были публично осуждены жестокости казанской и уфимской администраций в отношении башкир. 10 февраля 1720 года Сергеев был отдан под следствие по обвинению в притеснении башкир. Он был заключен в тюрьму, где находился до 1726 года.

В мае 1728 года Александр Саввич Сергеев был назначен царским комиссаром в завоеванные прикаспийские провинции Ирана. В 1729 году против него было выдвинуто новое обвинение: среди казанских и крымских татар появились слухи о том, что Сергеев называл себя «царевичем», являясь, таким образом, самозванцем. Но дело окончилось без приговора, так как основные свидетели были к этому моменту уже мертвы.

Согласно другим источникам, Сергеев по приказу Петра I был повешен в Казани, однако этот факт подвергается сомнению. Но в качестве владельца села Державино Сергеев числился вплоть до 1726 года включительно.

Недолгий период владения Державином А. С. Сергеева и его брата Даниила отмечен интересным фактом основания святой обители для монахов — пустыни, которая получила наименование Гефсиманская или Гепсиманская (на манер написания в XVIII в.). Возможно, что в 1715 году Сергеев решается вступить в схватку с Меншиковым и доложить царю о его делах, и перед этим задумывает дать обет основания обители Божией с наименованием Гефсиманской.

Для ответа на вопрос, почему монастырь получил такое название, надо обратиться к истории христианства. Известная достопримечательность — Гефсимания — располагается у подножия западного склона Елеонской горы в долине Кедрон, в восточной части Иерусалима. Многое из Священного Писания отзывается в сердце каждого христианина: в Гефсиманском саду разворачивались события, связанные с Иисусом Христом (моление и страдания Иисуса, предательство Иуды). Также Гефсимания известна и тем, что именно там еще в IV веке тщанием святой Елены, матери римского императора Константина I, над пещеркой, где апостолами была погребена Богоматерь, был выстроен храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Соответственно, основанный А. С. Сергеевым монастырь был посвящен Успению Пресвятой Богородицы и назывался Гефсиманским.

Необходимо отметить, что традиция заимствовать топонимы Святой земли была распространена в России во второй половине XVII — начале XVIII века. На территории Казанского края имелись следующие названия монастырей: Новый Иерусалим в Казани (ныне Воскресенский монастырь; также именовался Едемским островом), Раифа на Синае (Раифский монастырь в Зеленодольском районе), Эдемский остров (Воскресенский монастырь, позднее здесь был основан город Спасск, ныне затоплен).

Интересные сведения, относящиеся к Гефсиманской пустыни, удалось обнаружить в рукописи анонимного автора конца XIX века (предположительно, И. М. Покровского) «о новопостроенных по смерти последнего Патриарха Адриана монастырях

и пустынях в Казанской епархии» (ведомость представлена в Святейший Правительствующий Синод в 1722 году). Приведем выдержку из текста рукописи:

> Монастырь Гепсиманский построен вновь в Казанском уезде по ногайской дороге Комиссаром Александром Сергеевым на вотчинной его земле в селе Богородском, что была деревня Ячи за здравие Его превысочайшей фамилии, по его Сергееву прошению и обещанию в прошедшем ѱєі (1715) году, чтобы была братия Христова — монахи для молитвы, паче тут были гошпитали раненным и престарелым отставным скудным покрова и пищи неимущим офицерам и солдатам, и благословлен в тот монастырь Строитель и к оной обители он Сергеев отдал своих крестьян, которые при том монастыре с землей и с прудами и со всеми угодьями и в деревне наипаче, которая за ним же написана на имя брата его Даниила Сергеева. Да тому ж монастырю Гишпитал Обер-Фискал Алексей Нестеров к удовольствованию отдал в низовых городах, а именно: в Нижеломовском уезде деревню Рязановку с людьми и с крестьянами и со всеми угодьями, что к ней есть по дачам; которые их люди и крестьяне откуда не имеют писатися так и сборов с них никаких как они, так и после их жены и дети и сродники их збирать, и называть их своими не будут, — на что при прошениях своих в утверждение руками своими подписали[2].

Известно, что монастырь просуществовал около 50 лет, пока не был упразднен согласно манифесту 1764 года о секуляризации монастырских земель. Незадолго до упразднения в 1751 году Гефсиманская пустынь была приписана к Иоанно-Предтеченскому монастырю города Казани, а братия монастыря переведена в штат Иоанно-Предтеченского монастыря Казани: «К нему (Иоанно-Предтеченскому монастырю. — *А. Т.*) присовокуплен и монахи переведены из Гепсиманского монастыря, расстоянием от Казани и ныне оного Гепсиманского монастыря церковь учинена приходской в 40 верстах». Из текста видно, что бывший монастырский храм учинен приходской церковью. Отсюда следует, что

до 1750-х годов сохранившийся каменный храм в Державине был главным храмом Гефсиманской пустыни.

Необходимо отметить, что село Державино находилось как раз в 40 верстах от Казани, что дает еще одно доказательство относительно версии существования монастыря в данном селе.

Также в последний раз Гефсиманская пустынь документально упоминается в 1751 году, а в следующем, 1752 году, уже как «село Новониколаевское, Державино тож». В 1754 году количество дворов в Державине не превышало 15, что делало приход одним из самых небольших в Лаишевском уезде на протяжении XVIII века.

Во владении Иоанно-Предтеченского монастыря село Державино оставалось до 1760-х годов, до периода секуляризации. В последний раз упоминается монастырским владением в 1758 году.

Таким образом, сохранившийся до нашего времени каменный Никольский храм в Державине, выстроенный в 1715 году, является единственным сохранившимся строением Гефсиманской пустыни. Ныне храм, закрытый в конце 1930-х годов, активно восстанавливается.

Период поместного владения селом Державино после Сергеевых открывает в середине XVIII века дворянская семья из князей Дадиани (Дадиан, Дадьяновы), хотя еще в 1738 году Державино числилось за помещицей, вдовой Татьяной Ивановной. Сами Дадиани в селе не проживали, имение подчинялось управляющему. Из первых владельцев по линии Дадиани в Державине в 1748 году упоминается капитан князь Петр Егорович (Георгиевич) Дадиани, родившийся в 1716 году и ставший к 1775-му капитаном артиллерии. Владел крестьянами в Ставропольской губернии. Его жена — княжна Анна Александровна Багратион-Грузинская (родилась в 1723 г.) — единственная дочь царя Кахетии Александра III (Назар Али Мирзы) и княжны Мариам Эристови-Ксанской (Эристави-Сидамонидзе); внучка царя Давида II (1678–1722) и мусульманской княжны Факуриджан Бегум, дочери Тарковского шамхала Чокоури-Заде; правнучка царя Ираклия I и княжны Анны Чолокашвили. Анна Александровна Дадиани являлась владелицей села Державино, на 1771–1773 годы за ней числилось 144 души мужского пола. Скончалась 19 марта 1780 года в Москве.

В последний раз князь П. Е. Дадиани упоминается среди владельцев села в 1783 году (скончался в 1784 г.).

После его смерти, по линии князей Дадиани владельцем села Державино был сын П. Е. Дадиани — князь Александр Петрович. Он родился в 1753 году в Москве. С 1797 года являлся подольским предводителем дворянства, участником Наполеоновских войн. Был крупным помещиком в Московской, Симбирской и Казанской губерниях. Проживал в основном в Москве, в особняке на Малой Лубянке. В 1813 году были проданы за долги с аукциона почти все владения князей Дадиани на Большой и на Малой Лубянке (уцелевшие от пожара Москвы в 1812 г.), приобретены Федором Семеновичем Мосоловым. Александр Петрович Дадиани скончался в 1811 году. Был женат на княжне Анне Леоновне Грузинской (родилась в 1753 г.) — дочери гвардии майора, князя Леона Бакаровича Грузинского (родился в 1728 г.), являвшейся также внучкой царевича Бакара Вахтанговича Багратион-Грузинского (сына царя Вахтанга VI). Ее матерью была княгиня Александра Яковлевна Грузинская, урожденная княжна Сибирская, дочь царевича Якова Васильевича Сибирского (скончался в 1740 г.).

В 1810-х годах после смерти А. П. Дадиани владельцем села Державино стал его сын — отставной коллежский асессор, князь Егор Александрович Дадиани (умер в 1861 г.), ставший последним представителем князей Дадиани среди владельцев села.

В 1832 году Державино числилось за гвардии поручиком Михаилом Михайловичем Хрущевым (в самом селе не проживал, имением занимался управляющий)[3]. О нем известно следующее: родился 25 июня 1802 года в Санкт-Петербурге, в приходе Семеновской церкви. В 1817 году числился подпрапорщиком, а в 1822-м — прапорщиком гвардии. В 1822 году вышел в отставку. Был женат на Настасье Александровне. Владел земельными наделами и 443 крестьянскими душами в деревне Тевкечь и в селе Державино Лаишевского уезда. Сами Хрущевы происходили из дворян Тульской губернии. Лишь в 1858 году они были записаны во вторую часть дворянской родословной книги Казанской губернии[4]. Владел Державином до конца 1850-х годов. После его смер-

ти новым и последним владельцем из Хрущевых стал его сын, Семен Михайлович, владевший селом до 1860-х годов.

В XIX столетии частью села Державино владели дворяне Молоствовы, от которых имение в качестве приданого Анны Таврионовны Молоствовой перешло во владение семейства Френцель. А. Т. Френцель родилась в семье Тавриона (Тивериана) Христофоровича Молоствова (1795–1844) и Александры Богдановны Молоствовой (урожденной Линкер); в 1875 году вышла замуж за прусского подданного Фридриха Френцеля. После смерти матери, А. Б. Молоствовой, по духовному завещанию А. Т. Френцель досталось имение при селе Державино в Лаишевском уезде[5]. Проживала за границей вместе с мужем, в браке родились сыновья: Александр (на 1915 г. — 39 лет), Владимир (на 1914 г. — 38 лет), Герман (на 1915 г. — 37 лет) и Михаил[6]. После смерти мужа в 1901 году, вернулась в Россию около 1904 года. Проживала в селе Державино Лаишевского уезда при своем имении вместе с сыновьями Михаилом и Владимиром.

Отдельно в селе Державино было имение Михаила Фридриховича Френцеля: крытый железом деревянный дом с мезонином, пятнадцатью комнатами, четырьмя входами и двенадцатью печами, а также деревянный амбар, обшитым тесом[7].

В 1908 году Анна Таврионовна Френцель ходатайствовала о переводе ее под русское подданство[8]. 14 мая 1908 года Дворянским депутатским собранием, вследствие ходатайства, ей было выдано удостоверение за № 553 о том, что она, как владеющая родовыми своими имениями в Казанской губернии, платила все причитающиеся с нее дворянские повинности, и затем, 2 сентября 1908 года, ей же, Френцель, за № 932 было выдано второе удостоверение, о том, что она значится приписанной к дворянскому роду Молоствовых[9]. Но окончательно документы о переходе под русское подданство Френцель не оформила.

В 1912 году за семейством Френцель было установлено наблюдение, так как в их имении в селе Державино Лаишевского уезда некоторое время (в 1913 г.) проживал германский подданный лейтенант Дамм[10], арестованный в Варшаве[11]. Тогда же в имении А. Т. Френцель был произведен обыск[12]. В 1914 году

отмечалось: «...о семье Френцель не говорить иначе, как о германских шпионах, что особенно укрепилось за ними после того, как в прошлом году в имении Френцель гостил Дамм, который затем был задержан, судим за шпионаж и приговорен к каторжным работам»[13].

Девятнадцатого июля 1914 года в 4 часа утра из села Державино Лаишевского уезда в Казань выехал В. Ф. Френцель с намерением покинуть страну и отправиться в Германию, так как он являлся немецким подданным и состоял на воинском учете в чине офицера запаса[14]. Он был объявлен в розыск и вскоре, 25 июля 1914 года, прибыл в Петроград. 26 июля 1914 года (по другим сведениям, 27 июля)[15] был арестован и отправлен под арест в дом предварительного заключения в Петрограде[16]. О нем отмечалось следующее: «Владимир Френцель, офицер германской службы, жил 7 лет в имении в Лаишевском уезде и, несомненно, работал по шпионажу. После объявления мобилизации, он не спешил в Германию, а дождавшись окончания ее и, по-видимому, собрав необходимые сведения об отправленных на театр военных действий войсках, внезапно скрылся и только благодаря усиленному розыску удалось напасть на его след, и он был арестован в Петрограде и заключен в тюрьму»[17]. Но при задержании при нем ничего компрометирующего его найдено не было, а при допросе он «отрицал свое отношение к военному шпионажу и по существу дела не дал могущих иметь существо значительных объяснений»[18]. 28 июля 1914 года в 11 часов утра в имении Френцель был произведен обыск: были изъяты фотокарточки, письма на французском и немецком языках[19]. Но ничего компрометирующего Френцеля обнаружено не было[20].

29 июля 1914 года в Казани был арестован Александр Фридрихович Френцель (занимался разработками нефти вблизи села Сюкеево Тетюшского уезда совместно с В. Г. Молоствовым) по обвинению в связях с германским подданным В. Ф. Френцелем[21]. На следующий день у А. Ф. Френцеля был произведен обыск, но ничего компрометирующего не было обнаружено. 31 июля 1914 года в Казанскую губернскую тюрьму были доставлены германские подданные Александр Фридрихович Френцель и Цезарь

Фридрихович Ревер для содержания в одиночных камерах под стражей[22]. Ц. Ф. Ревер не покинул Россию, так как у него не было паспорта на выезд, а после объявления войны выдача паспортов была приостановлена. За освобождение А. Ф. Френцеля ходатайствовал министр иностранных дел А. А. Нератов, поручителем выступил предводитель дворянства Тетюшского уезда Владимир Германович Молоствов в телеграмме от 26 августа 1914 года: «Благоволите, если нет препятствий, оставить на свободе арестованного землевладельца Александра Френцеля, о котором ходатайствует товарищ министра иностранных дел Нератов и ручается Тетюшский предводитель дворянства Молоствов»[23]. Но ответ был ожидаемый: «...ни в коем случае Александра Френцеля не возвращайте»[24].

Сыновья А. Т. Френцель — Александр, Владимир, Герман — как военнообязанные германской армии были объявлены военнопленными и подлежащими высылке в Оренбургскую, Вятскую или Вологодскую губернии на основании телеграммы министра внутренних дел за № 402[25]. В августе все были высланы в город Вятку, а затем разделены: Александр и Герман были отправлены в местечко Белохолуницкий завод Вятской губернии, а Владимир — в село Понино Глазовского уезда Вятской губернии[26].

Последний сын А. Т. Френцель, Михаил Фридрихович (на 1915 г. — 36 лет), в 1901 году перешел под русское подданство и не был арестован, как его братья. Состоял ратником 1-го разряда в пешей дружине ополчения[27]. Проживал в Казани на втором этаже в доме Васильевой на улице Пушкина.

Анализ метрических книг Никольской церкви села Державино за XIX и XX столетия дает возможность установить и воссоздать списки лиц, погребенных за храмом. На северо-восточном углу церковной ограды сохранилось кирпичное одноэтажное здание часовни-усыпальницы дворян Клушиных — ближайших родственников поэта Гавриила Романовича Державина и наследников его имения в приходской деревне Бутыри. 1 июня 1874 года в возрасте 70 лет скончался землевладелец Бутырей, коллежский советник Владислав Александрович Клушин. Был погребен 3 июня 1874 года в ограде Никольской церкви села Державино

Лаишевского уезда[28]. О В. А. Клушине известно следующее: родился в 1802 году; пребывал на военной службе в 1818–1825 годах в Гродненском гусарском полку, уволен в чине штаб-ротмистра. В 1827–1834 годах находился на гражданской службе в Казанской губернии, чиновник особых поручений (родной дядя, Отто Федорович фон Розен, в 1826–1828 годах был Казанским гражданским губернатором). За открытие дела на изготовителей фальшивой монеты в 1827 году «всемилостивейше награжден золотою табакеркою». В 1834 году назначен городничим Сольвычегодска, в этом же году назначен полицмейстером города Казани, а в 1835 году — на эту же должность в Астрахани, в 1835–1837 годах — города Владимира, в 1837 году — Пензы, где служил до 1847 года. В 1860–1861 годах — коллежский советник (VI класс табели о рангах, соответствующий армейскому полковнику), являлся мировым посредником 3-го участка Лаишевского уезда Казанской губернии. В 1862 году числился в отставке и проживал в селе Бутыри (имение жены, а ранее — поэта Г. Р. Державина). Был женат на Елизавете Петровне Миллер (скончалась 12 апреля 1888 г. в возрасте 83 лет, погребена в ограде Никольской церкви села Державино Лаишевского уезда). Елизавета Петровна была дочерью Петра Никитича Миллера (умер в 1847 г.), советника низового правления корабельных лесов в Казани, двоюродного племянника Г. Р. Державина. П. Н. Миллер был женат на Елене Силишне Рыбушкиной (умерла в 1860 г.), признан в дворянском достоинстве 13 июля 1838 года Орловским губернским дворянским депутатским собранием, утвержден Правительствующим Сенатом с выданным свидетельством департамента герольдии за № 4367 6 июня 1845 года; погребен 3 июня 1874 года в ограде Никольской церкви села Державино.

Сын В. А. Клушина, Николай Владиславович, родился в 1831 году, по окончании полного курса наук в 1-й Казанской гимназии 11 марта 1855 года вступил в службу в штат Канцелярии Пермского губернского правления писцом 1-го разряда. Губернатор, Павел Николаевич Клушин, приходился Н. В. Клушину двоюродным дядей. С 3 октября 1855 года Н. В. Клушин — помощник столоначальника, канцелярский служитель 1-го разряда. Признан

в дворянском достоинстве 9 февраля 1839 года Орловским дворянским депутатским собранием, утвержден Правительствующим Сенатом с выданным свидетельством департамента герольдии за № 4367 6 июня 1845 года. О потомстве Николая Владиславовича информации нет.

Н. В. Клушин скончался 10 декабря 1890 года, и его супруга Елизавета Козьминична решила выстроить на северо-восточном углу церковной ограды каменную часовню-усыпальницу для своего супруга и для себя. Строительство часовни, начатое в 1892 году, завершилось в следующем, 1893-м. Через несколько лет, 5 октября 1906 года, землевладелица деревни Бутыри Е. К. Клушина скончалась и 7 октября 1906 года была погребена в усыпальнице рядом с супругом[29]. В постреволюционное лихолетье усыпальница была разграблена и осквернена. По словам местных жителей, Клушины были перезахоронены на сельском кладбище.

Из Клушиных известно еще о двух братьях Николая Владиславовича, Александре и Михаиле, а также сестре Софье.

Александр Владиславович (1830–?) обучался в Казанском университете в 1847–1848 годах. Признан в дворянском достоинстве 9 февраля 1839 года Орловским дворянским депутатским собранием, 6 июня 1845 года утвержден Правительствующим Сенатом с выданным свидетельством департамента герольдии за № 4367. О потомстве сведений нет.

Михаил Владиславович (1834 — после 1901 г.) окончил полный курс наук в 1-й Казанской гимназии. Благодаря родству с губернатором, как и старший брат Николай поступил на службу в штат Канцелярии Пермского губернского правления 11 марта 1855 года писцом 1-го разряда, затем 3 октября 1855 года стал помощником столоначальника, канцелярским служителем 1-го разряда. В 1866 году — мировой посредник в Пермской губернии. В 1892 году приезжал работать в Пермь. Мировой посредник 2-го участка Лаишевского уезда (1872). В 1875–1901 годах — член Лаишевской земской уездной управы, гласный земского собрания (с 1894 г.), титулярный советник (1872), коллежский асессор (1897), надворный советник (1901). В 1901 году жил в своем имении в деревне Бутыри Державинской волости. В результате

революционных беспорядков 1905 года имение в Лаишевском уезде пострадало. Михаил Владиславович признан в дворянском достоинстве 9 февраля 1839 года Орловским дворянским депутатским собранием, утвержден Правительствующим Сенатом с выданным свидетельством департамента герольдии за № 4367 6 июня 1845 года. О потомстве сведений нет. Жена М. В. Клушина, Наталья Ивановна, попечительница богаделен, умерла после 1916 года.

Софья Владиславовна Клушина, родившаяся в 1830 году, признана в дворянском достоинстве 9 февраля 1839 года Орловским дворянским депутатским собранием, утверждена Правительствующим Сенатом с выданным свидетельством департамента герольдии за № 4367 6 июня 1845 года. В 1880 году была не замужем. Скончалась 30 апреля 1888 года от разрыва сердца, погребена в ограде Никольской церкви села Державино Лаишевского уезда. О потомстве сведений нет.

Такова история поместного владения в селе Державино, связанного сегодня с памятью о гениальном поэте и крупном государственном деятеле Гавриеле Романовиче Державине.

Примечания

1 Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: публикация текста. М., 2001. С. 102.

2 ГАРТ. Ф. 10. Казанская Духовная академия. Оп. 5. Д. 511. Л. 10 об. — 11.

3 ГАРТ. Ф. 5. Лаишевское Духовное правление. Оп. 51. Д. 16.

4 Казанское дворянство. Генеалогический словарь / сост. Г. А. Двоеносова. Казань: Гасыр, 2001. С. 591.

5 ГАРТ. Ф. 1. Канцелярия Казанского губернатора. Оп. 6. Д. 1136. Л. 3–4.

6 Там же.

7 ГАРТ. Ф. 165. Агентство Московского страхового от огня общества. Оп. 26. Д. 25. Л. 3.

8 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1136. Л. 11–11 об.

9 Там же. Л. 13–13 об.

10 Там же. Л. 22–22 об.

11 ГАРТ. Ф. 199. Казанское губернское жандармское управление. Оп. 2. Д. 1492. Л. 371–371 об.

12 Там же.

13 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 788. Л. 21.

14 Там же. Л. 6.

15 ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1492. Л. 371–371 об.

16 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 788. Л. 20.

17 Там же. Л. 28.

18 ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1492. Л. 371–371 об.

19 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 788. Л. 1.

20 Там же. Л 11.

21 ГАРТ. Ф. 390. Прокурор Казанского окружного суда. Оп. 4. Д. 109. Л. 7–7 об.

22 Там же. Л. 1, 6.

23 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 788. Л. 22.

24 Там же. Л. 25.

25 ГАРТ. Ф. 390. Оп. 4. Д. 109. Л. 7–7 об.

26 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1136. Л. 3–4.

27 Там же. Л. 34.

28 ГАРТ. Ф. 4. Оп. 176. Д. 29. Л. 570 об. — 571.

29 ГАРТ. Ф. 4. Оп. 176. Д. 1263. Л. 174 об. — 175.

С. М. Некрасов

К 275-летию со дня рождения
Н. И. Новикова

Апостол добра
(фрагмент)*

Двадцатого июня в Авдотьино стали прибывать гости, ближайшие друзья и сотрудники Новикова по Дружескому ученому обществу и Типографической компании. Приехал «сердечный друг» Иван Петрович Тургенев, Василий Васильевич Чулков, Григорий Максимович Походяшин, совсем молодой Александр Андреевич Петров, неразлучный друг любимого Новиковым Николая Михайловича Карамзина и многие, многие другие. Всего около сорока человек съехались на сей раз в приветливое и гостеприимное Авдотьино-Тихвинское. Приехали вместе, разом, и встретили самый радушный прием хозяев.

Не успели выйти из экипажей, как были буквально атакованы стихами. Тон задавал сам хозяин:

Под игом долга жданья
Томившихся сердец
Свершилися желанья,
Свершились наконец:
Мы в час встречаем сей
Грядущих к нам друзей.

---

* Полный текст книги см.: *Некрасов С. М.* Апостол добра: Повествование о Н. И. Новикове. М., 1993.

Стихотворную эстафету подхватывала жена Новикова, Александра Егоровна:

Весельем облекитесь
Вы, Северски брега:
Во всей красе явитесь,
Цветущие луга:
Излейте свой бальзам
Во чувствия друзьям.
Певцы лесов тенистых,
Возвысьте глас свой днесь;
Начните в тонах чистых
Торжественную песнь.
Внушите вы гостям,
Сколь мил приход их нам.

А заключал приветствие Алексей Иванович Новиков, младший брат владельца Авдотьина:

Друзья, возвеселитесь
В счастливой сей стране,
И мира насладитесь
В желанной тишине.
Любви составьте пир
При звуке сельских лир.

Долго в тот день не умолкали приветствия и шутки. Кто-то из присутствующих вызвался быть летописцем этой недели авдотьино-тихвинских праздников, и сегодня мы весьма точно можем представить себе, как провели эти июньские дни члены новиковского кружка. Молодежь играла в фанты, в городки и волан. Гости постарше уже в первый же день отдали добрую дань глубокомысленным беседам. Наконец, «после приятных разговоров сели за вечерний стол».

На следующий день, 21 июня, торжественно отмечался день рождения «сердечного друга» — Ивана Петровича

Тургенева. Хозяин приготовил имениннику немало приятных сюрпризов. Зная о его склонности к изысканным кушаньям, Новиков, сам отличавшийся простотой в еде, позаботился о роскошном обеде.

Праздничное застолье удалось на славу. «Дружественные музы» каждого из присутствующих подносили виновнику торжества стихи, произносили тосты и дружеские пожелания. Когда же дошла очередь до Новикова, «вошли в столовую дети хозяина; на головах их были васильковые венки, а шея, грудь и руки их перевязаны были разноцветными гирляндами. Они шли тихо к столу, ухватя друг друга за руки, а в другой руке несли розовый венок».

Николай Иванович взял со стола большую чашу с вином и произнес:

Любезный друг, мы Вас с рожденьем поздравляем,
Вам долго жить
И всех любить
Мы искренне желаем.

В это время Тургенева окружили дети хозяина. Пятилетняя Варенька, держа в руках сплетенный из роз венок, пролепетала:

Живи и наслаждайся,
В священный храм войди.

А шестилетний Ванюшка громко отчеканил:

И в нем любовь найди,
Венцом из роз венчайся!

«Надели на него розовый венок и, приняв чашу с вином, подносили торжествующим».

Храмом, в который дети приглашали И. П. Тургенева, была всего-навсего беседка, построенная в саду «нарочно для сего торжества. Она сплетена была из зеленых березовых ветвей. Стены

ее внутри украшены цветами всяких родов, какие только были в саду. Пол и вся аллея, по которой имениннику надлежало идти в нее, были усеяны цветами же».

В беседке был накрыт стол, и чествование «сердечного друга» продолжалось до позднего вечера. Затем «вечером все гости ходили гулять и во время гулянья рассматривали красоту полей, лугов и лесов при величественном захождении солнца». А когда гости вернулись в дом, им было предложено «пройти на балкон, к десертному столу». Здесь «в два ряда были поставлены горшки с розами, левкоями, гвоздиками, бальзаминами, астрами разных сортов и прочими цветками; а на ступенях крыльца и перед покоями по всему берегу реки стояли в горшках же померанцевые, вишневые и другие деревцы. Железные прутья, на которых висел зонтик над балконом, увиты были долгою осокою так искусно, что издали казались они пальмами».

Празднику, казалось, не будет конца. В честь именинника «представлен был великолепный фейерверк на берегу за рекою против дому, во время горения которого «муза» изъявила чувствования свои виновнику торжества в следующей надписи:

Любовь днесь чрез сии огни изображает
Тот нежный пламень, чем к тебе в нас сердце тает.
Он пылко в нас горит,
Подобен сим огням;
Он сердце веселит;
Им жизнь любезна нам.

Фантазия Новикова была неистощима. Не успели погаснуть огни фейерверка, как зажглась иллюминация. «Господский двор, все жилые людские покои и оба берега реки против дому и саду были иллюминированы. Народ, восхищенный таким необычайным зрелищем, всеми знаками старался изобразить радостные свои движения. Иные пели простые свои песни, другие играли на свирелях; а иные, плавая по реке в лодках, которые все также были освещены, возносили в различных тонах гласы радости и удовольствия».

Вся неделя была полна затей. Однажды рано утром, встав еще до рассвета, гости по приглашению хозяина отправились на близлежащий высокий холм встречать восход солнца, «царя природы». В тот же день А. А. Петров поспешил сообщить об этом ближайшему другу Н. М. Карамзину. В своем письме он писал: «Один только раз вспомнил я с сожалением, что тебя здесь нет, а именно во время всенощного бдения для сретения солнца, о чем, если полюбопытствуешь... подробнее узнаешь».

Несколько дней спустя по случаю храмового праздника, Новиков приказал нарвать в саду «розанов, левкой, калуферу, лавендул и других благовонных цветов, а в полях набрать великое число васильков, делать из них разные гирлянды и плесть венки, украшать ими в церкви царские двери и иконостас. По полу рассыпать зеленую, с полевыми цветами смешанную траву, а колокольню, паперть, южное и северное крыльца иллюминировать; чем он с одним из гостей занимался до самого всенощного».

В тот день во дворе был накрыт стол для новиковских крестьян, кроме того, в Авдотьине собралось более девятисот нищих из окрестных мест. Все они не только были накормлены, но и получили щедрую милостыню хозяина. Весь день в селе шумела ярмарка, на которой в послеобеденные часы побывали Новиков со своими гостями, «наблюдая за тем, чтобы удалить всякую неблагопристойность и безчиние, могущие случиться в народе».

«Тихвинские праздники» удались на славу. Правда, в последний вечер, наблюдая солнечный закат, гости были поражены тем, что на совершенно чистом и ясном небе вдруг появилось, как дурное предзнаменование, густое черное облако «в виде высокого столба» и при этом «сверкнула молния без грому». Кто-то даже набросал на листке бумаги эту картину и подарил рисунок хозяину. Новиков смутился и помрачнел, но рисунок принял с признательностью.

В этот день он решил совсем покинуть Москву и переселиться в Авдотьино-Тихвинское.

Указатель имен

Аксаковы 46

Александр, вел. кн.
см. Александр I, имп.

Александр Владиславович
см. Клушин А. В.

Александр Петрович, кн.
см. Дадиани А. П.

Александр Саввич см.
Сергеев А. С.

Александр I, имп. 18, 20–22, 24, 25, 39, 41–44, 55, 56, 84

Александр III, царь Кахетии 101

Алексеева Н. Ю. 52

Алексей Михайлович, царь 33

Аптекман М. 51, 53

Аракчеев А. А. 56

Багратион-Грузинская А. А., кнж. 101

Багратион-Грузинский Б. В., кн. 102

Баженов В. И. 31–37

Батшев М. В. 52

Бекетов А. 22

Бекетов П. П. 21, 22, 27, 54, 55, 57, 61, 62

Беклешов А. А. 57

Белинский В. Г. 93

Болотов А. Т. 36

Боратынский Е. А. 46

Боровиковский В. Л. 5, 7–15, 17, 27

Буало Н. 45

Бюри Р. 61, 64

Васильчиков А. А. 26

Вахтанг VI, царь Картли 102

Венецианов А. Г. 10

Вилламов Г. И. 56

Волынский С. В. 95

Вортман Х. А. 23

Врангель Н. Н., бар. 11, 12

Вяземский П. А. 8

Гавриил Романович
см. Державин Г. Р.

Гайдн Й. 64

Гардинер У. Н. 60, 61, 64

Гейзер Х. Г. 17

Геннади Г. Н. 20, 28

Гнедич Н. И. 26

Гоголь Н. В. 93

Голенищев-Кутузов М. И. 56, 68, 86, 87

Голенищева-Кутузова Е. И. 56

Голицын Н. В. 45, 46, 47

Головнин А. В. 11
Гончарова О. М. 65
Горелов А. А. 94
Градова Б. А. 30
Грот Я. К. 6, 28, 31, 44, 57, 63, 65
Грузинская А. Л., кнж. 102
Грузинская А. Я., кн., урожд. кнж. Сибирская 102
Грузинский Л. Б., кн. 102
Гудыменко Ю. Ю. 13, 16
Гусарова К. М. 5, *65–88*

Давид II, царь Кахетии (Имам Кули-хан) 101
Давыдов Г. И. 72
Дадиани А. А., кн. см. Багратион-Грузинская А. А., кнж. 101
Дадиани А. П., кн. 102
Дадиани Е. А., кн. 102
Дадиани П. Е. (П. Г.), кн. 101, 102
Дадиани, кн. 101, 102
Дадиан, кн. см. Дадиани, кн.
Дадьяновы, кн. см. Дадиани, кн.
Дамм, лейтенант 103, 104
Данько Е. Я. 65
Дарья Алексеевна см. Державина Д. А.
Дашков П. М. 57
Дашкова Е. Р. 57
Державин Г. Р. 3, 5–44, 46–53, 56–59, 63, 65, 66, 89–93, 105, 106, 108
Державин Г. В. 89, 96
Державин О. В. (Е. В.) 96
Державин Р. Н. 89
Державина Д. А. 5, 23, 27, 54, 57–59, 62
Державина Е. Я. 30, 89
Державина Ф. А. 89
Джалиль М. М. 93
Дзеккин А. 61, 64
Дзюбанов С. Д. 59, 63
Дмитриев И. И. 19, 20, 26, 36
Дмитрий Донской 56
Дмитрий Ростовский (Туптало), епископ 83
Дружинин П. А. 28
Дульцева Ю. В. 5, *89–94*
Дьяков А. А. 57, 59
Дюрфельдт Ф. 19, 25
Дягилев С. П. 11

Егоров С. К. 53
Екатерина Александровна см. Свербеева Е. А.
Екатерина Алексеевна, царица см. Екатерина I, имп.
Екатерина I, имп. 98
Екатерина II, имп. 17, 18, 22, 32–34, 36, 50, 84
Елагина Н. А. 59, 61, 63
Елена Равноапостольная (Флавия Юлия Елена Августа, мать римского имп. Константина I) 99
Елизавета Алексеевна, имп. 18

Елизавета Козьминична см. Клушина Е. К.

Елизавета Петровна см. Миллер Е. П. 106

Елисавета Александровна, вел. кнж. 68

Ельницкая С. И. 53

Ермакова М. Е. 54, 55, 62

Жуковский В. А. 25, 26, 47, 48

Золотницкая З. В. 5, *31–37*

Зубов В. А., гр. 78, 80, 84, 87, 88

Зубов П. А., гр. 72

Иванов М. В. 51, 53

Измайлов В. В. 42

Ираклий I, царь Кахетии (Назарали-Хан) 101

Ириней, архиепископ 13

Капнист В. В. 68, 70

Карамзин Н. М. 40, 42, 44, 110, 114

Каржавин Ф. В. 37

Карпова Е. В. 30

Каррьер С. А., де 90

Кауфман А. 72

Кинель Ф. см. Кюнель Ф. Ф.

Кипренский О. А. 10

Киреевские, братья 22

Клаубер И. С. 56

Клаудий X. 40, 52, 64

Клейн И. 41–43, 45, 52

Клементьевский И. А. см. Ириней, архиепископ

Клопшток Ф. Г. 18

Клушин А. В. 107

Клушин В. А. 105, 106

Клушин М. В. 107, 108

Клушин Н. В. 106–108

Клушин П. Н. 106

Клушина Е. К. 107

Клушина Н. И. 108

Клушина С. В. 107, 108

Клушины 105, 107

Козырев, книготорговец 51

Колосов И. 26

Колпашников А. Я. 23

Константин Константинович, вел. кн. 9, 11

Константин I Великий, римский имп. 99

Коротнев П. М. 95

Котляревский И. П. 93

Коцебу А., фон 17–19, 29

Кочеткова Н. Д. 41, 47, 48, 50, 52, 53

Кочнева Е. В. 5, *7–16*

Кошелев А. И. 46

Краевский Б. П. 52

Кудрявцев Н. А. 97

Кюнель Ф. Ф. 27, 55

Лампи И. Б. Старший 10
Ларкович Д. В. 65
Лепехин М. П. 55, 63
Литта Е. В., гр. 72, 81, 82
Лихачев Н. П. 43
Ломоносов М. В. 23
Лоншакова А. М 94
Лопухина Евдокия, царица 57
Лопухин И. В. 48, 51, 57
Львов А. Н. 8
Львов Н. А. 8, 67, 73, 76
Львов Н. А. (1834–1887) 9
Львовы 8, 9, 12
Людовик XVI, король 67

Мальгин Т. С. 55
Мария-Антуанетта, королева 60–62
Мария Стуарт см. Мария I Стюарт
Мария I Стюарт, королева 5, 54, 60, 62, 63, 55, 57, 59–64
Маркина Л. А. 8, 14
Медведева Т. В. 52
Мейс Ф., де 19, 24, 25
Мельникова С. И. 29
Меншиков А. Д. 98, 99
Мерзляков А. Ф. 42
Миллер Е. П. 106
Миллер П. Н. 106
Михаил Владиславович см. Клушин М. В.
Михаил Павлович, вел. кн. 81, 87
Михаил Фридрихович см. Френцель М. Ф.
Михайлов И., священник 97
Модзалевский Б. Л. 11, 12, 15
Молоствова А. Б. урожд. Линкер 103
Молоствова А. Т. см. Френцель А. Т.
Молоствов В. Г. 104, 105
Молоствов Т. Х. 103
Молоствовы 103
Монзани Т. 60
Морозов А. В. 28
Морозова Е. В. 29
Морозова Н. П. 5, *17–30*, 53, 63
Муравьев Н. В. 94
Муртазина Ф. Г. 93

Назар Али Мирза см. Александр III, царь Кахетии
Наполеон I Бонапарт, имп. 84
Нартов А. А. 10
Нарышкин Л. А. 70
Настасья Александровна см. Хрущева Н. А. (А. А.)
Наталья Ивановна см. Клушина Н. И. 108
Невзоров М. И. 44
Некрасов С. М. 6, 9, 15, *110–114*
Нератов А. А. 105
Нестеров А. Я. 100

Николаи К. Ф. 18
Николай Владиславович см. Клушин Н. В.
Николай Павлович, вел. кн. 81
Новиков А. И. 111
Новиков И. Н. 112
Новиков Н. И. 6, 40, 49, 50, 53, 110, 112–114
Новикова А. Е. 111
Новикова В. Н. 112
Новосильцев Н. Н. 51

Обольянинов П. Х. 23
Огарев Н. П. 93
Озеров В. А. 29, 70, 87
Окуренкова Н. В. 14
Ольга Павловна, вел. кнж. 67, 71, 76, 77, 82, 87
Орлов Г. Г., гр. 33
Осипов А. А. 27, 55–57, 61

Павел I, имп. 20, 22, 23, 39, 42, 80, 84
Патрекеев М., дьяк 95
Переплетчиков И. 56
Петров А. А. 110, 114
Петр I Великий, имп. 41, 56, 83, 96–99
Покровский И. М. 99
Попов, живописец 13, 15
Поредж см. Пордедж Дж.
Пордедж Дж. 48
Поташова К. А. 65
Похвиснев И. 44
Походяшин Г. М. 110
Преннер Г. Г. 23
Приклонский П. Н. 43
Пушкин А. С. 14, 46

Рашетт (Рашет) Ж.-Д. 27, 30
Ревер Ц. Ф. 105
Решетников А. Г. 62
Ржевский А. А. 49
Риго Дж. Ф. 60, 63
Ридигер Х. 52
Ровинский Д. А. 11, 15, 26, 28–30, 55, 63
Родзянко С. Е. 47, 48
Розен О. Ф., бар. 106
Розонов И. 21, 25
Румянцева М. А., гр. 21, 66, 69, 73, 79, 82, 83
Румянцова, гр. см. Румянцева М. А., гр.
Русанова Н. Б. 65
Рыбушкина Е. С. 106
Рюрик 55

Самарин Ю. Ф. 46
Свербеев А. Д. 38, 45, 46
Свербеев Д. Н. 45, 46, 52
Свербеева Е. А. 45–47
Свербеева М. Д. 45
Свербеевы 45, 46

Секиотовы 40, 51
Семен Михайлович см. Хрущев С. М.
Сергеев А. С. 96–100
Сергеев Д. С. 97, 99, 100
Сергеевы 101
Сергеевы, братья 97
Сибирский Я. В., кн. 102
Симеон Полоцкий 83
Смоленский, кн. см. Голенищев-Кутузов М. И.
Соколов Н. И. 55
Сохацкий П. А. 44
Старкова Т. Ю. 15
Страхов С. 40
Суворов А. В. 70
Сумароков А. П. 35–37

Татьяна Ивановна, помещица 101
Тонче см. Тончи С.
Тончи С. 17, 25, 26
Тредиаковский В. К. 23
Тропинин В. А. 10, 17
Трофимова В. С. 5, *54–64*
Трубецкой Н. Н., кн. 49
Тумаков А. Д. 6, *95–109*
Тургенев А. И. 25, 46, 53
Тургенев И. П. 5, 38, 39, 46–51, 53, 110, 112, 113
Тургенев Н. И. 46
Тургеневы, братья 46, 47, 53

Уиллоуби Берти Абингдон, 4-й граф 60, 64

Факуриджан Бегум, кнж. 101
Ферман В. В. 94
Фессар Э. 23
Филиповский А. Е. см. Филиповский Е. Е.
Филиповский Е. Е. 5, 54–63
Френцель А. Т. 103–105
Френцель А. Ф. 103–105
Френцель Г. Ф. 103, 105
Френцель В. Ф. 103–105
Френцель М. Ф. 103, 105
Френцель Ф. 103
Френцель, семейство 103, 104
Фролов (Флоров) А. А. 25

Хвостов Д. И., гр. 13, 16
Хвостов Н. А. 72
Херасков М. М. 42, 49, 50
Хохлова Н. А. 5, *38–53*
Храповицкий А. В. 72, 82
Хрущев М. М. 102
Хрущев С. М. 103
Хрущева Н. А. (А. А.) 102
Хрущевы 102, 103

Чаадаев П. Я. 46
Черных Н. С. 93
Ческий И. В. 26

Чокоури-Заде, шамхал Тарковский 101
Чолокашвили А., кнж. 101
Чулков В. В. 110

Шемиот В. П. 11
Шишков А. С. 42, 43
Шнор И. К. 53
Шрадер Т. А. 29

Щукин С. С. 10, 13, 16
Щукин Ю. К. 94

Эристави-Сидамонидзе см. Эристови-Ксанская М., кнж.
Эристови-Ксанская М., кнж. 101
Эстеррейх Е. И. 26
Эткинд Е. Г. 53

Языков Н. М. 46

Batson R. M. 94
Russell J. F. 94
Schmadel L. D. 94

Список сокращений

АОМИИ	Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск)
БАН	Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВМП	Всероссийский (Всесоюзный) музей А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)
ГАРТ	Государственный архив Республики Татарстан (Казань)
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ГК	Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва)
ГНИМА	Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева (Москва)
ГРМ	Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ГЭ	Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
ИРЛИ РАН	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
НИМ РАХ	Научно-исследовательский музей Российской академии художеств (Санкт-Петербург)
НЭБ	Национальная электронная библиотека
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Для заметок

Научное издание

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Выпуск 18

ISBN 978-5-6052357-3-6

9 785605 235736

Редактор *М. Л. Куракина*
Составители указателей *М. Л. Куракина, Д. С. Леоненко*
Художественный редактор *Е. В. Омельченко*
Дизайн-макет обложки *М. А. Скрыпник*
Корректор *Д. С. Леоненко*
Верстка *М. А. Скрыпник*

Подписано в печать 16.06.2025. Формат 60 × 84 1/16.
Печ. л. 7,75. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «ПК Эталон»
198097, Россия, Санкт-Петербург, ул. Трефолева, 2 БН
Тел.: 8 (812) 603-77-79

Восемнадцатый выпуск сборника «Г. Р. Державин и его время» открывают статьи об иконографии Г. Р. Державина: портретах работы В. Л. Боровиковского и прижизненных гравированных изображениях поэта. Необычайно интересен «архитектурный» комментарий к стихотворению Державина «На случай разломки московского Кремля». Публикуется неизвестное письмо Державина директору Московского университета И. П. Тургеневу. Полезную информацию о категории цвета в поэзии Державина содержит подборка цитат, составленная на основе статистического метода. Сборник знакомит с разнообразными объектами, названными в честь Державина. Интересен сюжет о посвящении супруге поэта Д. А. Державиной книги «Смерть Марии Стуарт [Стюарт]» (СПб., 1803). Предки поэта издавна владели землями в Лаишевском районе Республики Татарстан, что подтверждают недавно обнаруженные документы. В честь 75-летия со дня рождения выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова публикуется фрагмент книги С. М. Некрасова «Апостол добра», описывающий праздник в имении Авдотьино.